

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

Урал-
БАТЮШКА

Редут Жёлтый

Урал-батюшка

Александр Чиненков

Редут Жёлтый

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

Чиненков А. В.

Редут Жёлтый / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ», 2025 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-5347-2

Конец XIX века. На широких просторах великой степи столкнулись интересы оренбургских казаков и киргиз-кайсаков. Бий кайсацкого рода, вольнолюбивый и жестокий Ирек, разоряет казачьи села, обрекая на гибель свое храброе племя. В желтинской семье Чернобровиных отец соперничает с сыном в смелости и удали, а несчастья дочери и матери проходят красной нитью через их судьбы... Все переплелось в романе – любовь и страдания, хитрость и жестокость. Но сила казацкая в единстве! А потому построены новые избы, звонко сыграна свадьба молодых и сходит на нет противостояние сторон, живущих по разным берегам одной реки.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5347-2

© Чиненков А. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Владимирович Чиненков

Редут жёлтый

© Чиненков А.В., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Часть I

Два берега реки

1

Отрядный посёлок Оренбургского казачьего войска Жёлтый привольно расположился над широкой поймой Сакмары с заливными лугами и приречным лесом. За рекой возвышались южные отроги Уральского хребта, а к югу, в сторону Урала раскинулась бескрайняя волнистая степь. Вокруг посёлка протекало множество малых речек и родников, лес и степи изобиловали разнообразием зверей и дичи, а Сакмара и озёра были полны рыбы.

Форпост Жёлтый был основан по приказу губернатора Ивана Ивановича Неплюева 14 сентября 1742 года. Проводя работы по укреплению Оренбургской пограничной военной линии, по левому берегу Сакмары казаки заложили также Пречистенскую и Воздвиженскую крепости, Никитинский редут.

Название поселок получил благодаря яру с обнажённой желтоватой глиной...

* * *

Шёл 1883 год...

Изба Чернобровиных стояла посреди посёлка, рядом с часовней. Её срубил из лиственки ещё дед Пантелея Исаевича Чернобровина, а сейчас в ней проживал он сам и его семья: жена Агриппина, младшая дочь Тамара, шестнадцатилетняя красавица, и сын Матвей, двадцатипятилетний казак. Он, по словам отца, был «молод годами, да нравом крут, стервец».

У Чернобровиных были ещё двое детей – старший сын Авдей и дочь Маруся. Но жили они только в воспоминаниях семьи. Авдей вместе с дедом, отцом Пантелея Исаевича, погиб десять лет назад во время схватки с кайсаками, угнавшими поселковый скот, а дочь Маруся вышла замуж и уехала жить на Кавказ. Чернобровины давно её не видели и ничего о ней не слышали.

Несмотря на годы, изба была ещё крепкой и справной. Подгнивший передний венец в задней комнате и скрипящие под ногами домочадцев полы соседствовали с радовавшим глаз потолком из добротных досок, ровными крепкими стенами, в которые с трудом лез и гнулся кованый гвоздь.

Изба была просторной, светлой и тёплой. Слева, на оконном косяке в передней комнате, висела керосиновая лампа. Тут же стоял большой, всегда покрытый чистой белой скатертью стол, за которым семья собиралась вкушать пищу, которую, как обычно говорил Пантелей Исаевич, «Бог послал».

Слева у стены стояла широкая скрипучая железная кровать на чурбачках под ножками, чтобы была повыше. На ней спал Пантелей Исаевич с супругой Агриппиной Ивановной. Койка, на которой спала Тамара, находилась за печкой, ну а Матвей почивал в задней комнате.

Семья считалась зажиточной в посёлке, но жили Чернобровины скромно, не выделяясь.

В передней комнате, кроме кровати родителей и стола, справа у стены, в углу, была божница с иконами. Самая большая – икона покровительницы казаков – Казанской Божьей Матери. Чуть меньше – лики Николая-угодника с поднятой двуперстным крестом рукой, распятием Христа, архангела Михаила, святых угодников, крылатых ангелов и архангелов. На полке, перед каждой иконой – наплывы воска от плавящихся при горении свечей.

Из мебели присутствовали старинный кованный сундук, с неприкасаемыми вещами родителей, служивший межкомнатной перегородкой комод-сервант, ларь для муки и полки для посуды, рядом шкаф для хранения постельного белья. Вот и вся обстановка в избе Чернобровиных, а во дворе...

Во дворе – огород за избой, там же баня и колодец. Чуть правее хлев, в котором содержались под одной крышей две лошади, корова, тёлка-двухлетка, бычок и народившаяся весной тёлочка. Ещё в хозяйстве имелись десяток кур, десяток гусей и две большие собаки – верные сторожа хозяйства.

Всю ночь Матвей спал плохо, ворочаясь с боку на бок. Сон не шёл. Уснуть не давали мысли о приближении утра. Молодой казак дождался его наступления по двум причинам. Первая – храп отца. Вся семья, в том числе и Матвей, уже давно привыкла к этому неуправляемому явлению. Пантелей Исаевич начинал храпеть сразу, как только ложился на кровать и касался головой подушки. Бывало, умается за день, пообедаёт – и на койку, вниз животом, вздремнуть на часок. И тут же начинал храпеть, раскинув во все стороны руки и ноги, заняв всю кровать. Но если днём на его храп совсем не обращали внимания, то ночью...

Минувшей ночью Пантелей Исаевич «старался» всю. Матвей не спал, слушая его густой, богатырский храп, который вывел из себя даже матушку.

– Да повернись же ты на бок, Пантелей! – время от времени тормозила она его. – У меня скоро голова разломится от твоего шума!

Отец что-то бурчал в ответ, поворачивался, скрипя пружинами койки, и, сменив позу, продолжал храпеть так же громко и «мелодично».

Вторая причина, по которой Матвей дождался утра, была связана с воскресным базаром. Он, как и все желтинцы, любил посещать это место всевозможной торговли, встреч и развлечений.

Матвей должен был помочь соседу и другу Сабиржану Бакиеву выбрать коня у приезжающих торговать животными цыган или степняков киргиз-кайсаков. Киргизы продавали лошадей дешевле, и выбор всегда был большим.

Многодетная семья Бакиевых жила небогато. Если Чернобровины могли себе позволить купить военное снаряжение, то Бакиевым приходилось на него копить. Снаряжение для казака было обязательным и строго контролировалось атаманом. Обстоятельство, что приобрести за свои деньги строевых лошадей, обмундирование и снаряжение, стоило очень дорого, в расчёт не бралось совсем.

* * *

Как обычно, рано утром первой проснулась мать. Она разбудила Тамару, и, гремя ведрами, они вышли из избы подоить корову и выпустить животных в табун.

Задремавший Матвей открыл глаза и, не услышав храпа отца, сделал вывод, что родитель уже не спит и вот-вот встанет с кровати. И вдруг...

– Ты уже не спишь, Матюха? – послышался вопрос Пантелея Исаевича.

– Нет, папа, сейчас уже встаю, – ответил тот отцу, потягиваясь и зевая.

– На базар идти за ночь не передумал? – снова спросил отец, скрипя пружинами койки и поворачиваясь со спины на бок.

– А почему тебя это интересует? – удивился Матвей.

Пантелей Исаевич сначала повременил с ответом, а затем, вздыхая, сказал:

– Тамара наша красавицей писаной становится. Годков всего шестнадцать, а выглядит на все двадцать.

– И что? – посмотрел в сторону койки отца Матвей. – К чему ты этот разговор завёл, папа?

Пантелей Исаевич снова повременил с ответом.

* * *

Подойв корову, Агриппина Ивановна встала со скамеечки и протянула дочери ведро с молоком.

– О-о-ох, что-то в глазах темно и внутри тошно, – сказала она, берясь обеими руками за поясницу.

– Тебе худо, мама? – заволновалась Тамара. – Говорила тебе, давай я корову подою, так ведь нет, ты сама под неё полезла.

– Ни при чём тут корова, и поясница сейчас пройдёт, – вздохнула женщина. – Душа беду какую-то чувствует. Уж который день беспокойство душу терзает.

– Да ничего, пройдёт, – улыбнулась ей дочь. – Войны покуда нет, и мы, слава богу, живём в довольстве.

– Живём покуда, хвала Господу, – вздохнула Агриппина Ивановна. – Ладно, я скотину со двора выпровожу, а ты ступай в избу и стол к завтраку накрывай.

Пожав плечами, Тамара с ведром в руке направилась к крыльцу, а мать, помахивая прутиком, пошагала к воротам выпускать в табун скотину.

* * *

– А разговор мой к тому, сынок, что за Тамару нам с матушкой боязно, – сказал Пантелей Исаевич, вставая. – Вон месяц назад в Пречистенке деваху украли, а весной – в Гирьяле. Участились случаи краж девок, как считаешь?

– Участились, так считаю, – ответил Матвей, тоже вставая. – Ты полагаешь, что и с Тамарой нашей такое стрястись может?

Отец вздохнул и стал натягивать портки.

– Не хочу думать о том, да беспокойные мысли сами собой в башку лезут, – сказал он. – Вот нынче она на базар собралась, а я весь в сомнениях, отпускать или не отпускать.

Матвей пожал плечами.

– Если сомневаешься, то не пускай её на базар нынче, – сказал он. – Хотя... она ведь не одна, а с подругой идти собирается, а мне за ней приглядывать некогда будет.

Отец покачал головой.

– Нет, не пойдёт так, – сказал он. – Ты уйдёшь, а она изведёт нас с матерью своими слезами.

– Так она и сама терпеть не может, если я приглядывать за ней буду, – помрачнел Матвей. – Тамара будет бегать от меня, как от чумного, а я... Мне придётся бегать за ней, так что ли?

– Не хочишь бегать, так с собой рядом её держи, – хмуро возразил отец. – Тамара тебе сестра, тем более младшая, и ты всегда помни об этом.

Дверь открылась, и в избу вошла девушка. Отец и сын сразу же прекратили разговор.

* * *

Жёлтинский базар, как и в других посёлках, проводился по средам и воскресеньям. На площадь с раннего утра со всех округ на телегах съезжались люди. Дни торговли выпадали разные – то густо, то пусто. Если в базарный день съезжалось мало народа, это означало, что

торговцы собрались в Пречистенке или Воздвиженке. Ну а если на базарной площади протолкнуться негде, то значит, все приехали торговать и покупать в посёлок Жёлтый!

Базары выглядели везде одинаково. Тут продавали съестные припасы, разложенные на прилавках торговых рядов. Отдельно от рядов стояли телеги, с которых торговали овощами, поросятами, птицей, сметаной, творогом и различной домашней выпечкой. Торговля на базаре велась и с развалов: прямо на земле на рогожах продавцы раскладывали всякую всячину. Ещё по всему базару шла бойкая торговля с рук и вразнос корзинами, решетами, ложками, кожами, замками, ключами, иконами, посудой, книгами и прочим кустарным товаром. Вразнос торговали и съестным – грибами, копчёной и сушёной рыбой, леденцами, лесной ягодой, табаком, папиросами и пирожными.

Базарная толпа производила много шума. Торговцы зазывали покупателей, шумели пьяные, нищие попрошайки, выпрашивающие милостыню. Тут же играли гармошки, изредка шарманки, а разнообразные бродячие ремесленники и сапожники предлагали свои услуги – наточить ножи, починить обувь.

На восточной окраине базара велась оживлённая торговля коровами, телятами, верблюдами и лошадьми. Посредине площадки находились прясла, в которые заводили и устанавливали для осмотра покупателями облюбованных ими лошадей. Главными действующими лицами в конной торговле в основном были цыгане. Они усиленно орали, горланили, стараясь криками убедить покупателей в отличных качествах продаваемых лошадей.

Рядом с торгующими лошадьми цыганами «скромно» располагались степняки. Киргиз-кайсаки торговали верблюжьей и овечьей шерстью, шкурами, малахаями, верблюдами и овцами. Хозяева товара сидели в юрте и день напролёт пили чай, а продавали их слуги.

Прежде чем войти на базарную площадь, Матвей Чернобровин и Сабиржан Бакиев остановились. Вместе с ними застыли следовавшие сзади их сестры – Тамара и Айгуль.

– Ого?! – воскликнул Матвей, сдвигая на затылок картуз. – Сегодня что за день такой? Сколько же народу к нам на базар съехалось?!

Сабиржан привстал на цыпочки и посмотрел в сторону, где шла торговля лошадьми.

– А нам что, со всеми обниматься и целоваться? – сказал он угрюмо. – Мы коня выбирать пришли, а не по рядам толкаться.

– А мы как раз для того и пришли, – хохотнули девушки, во все глаза глядя в сторону торговых рядов. – Нам лошади не нужны, нам...

– Слушайте меня, красавицы! – повышая голос, строго посмотрел на них Матвей. – Здесь вы будете делать то, что я скажу, и находиться там, где я укажу. Если вы не согласны, то обеих сейчас же в обрат по избам отправлю.

– А как ты меня отправишь? – надула губки Айгуль. – Я не твоя сестра, я...

– А тебя я домой отправлю! – прикрикнул на сестру Сабиржан. – Я твой старший брат, и ты будешь делать всё, что я скажу, если слов Матвея тебе недостаточно.

2

Сын кайсацкого бия Саида Ирек с самого утра стоял в стороне от входа на площадь и, не привлекая к себе внимания, внимательно наблюдал за всеми, кто приходил на базар. Он нервничал, не видя той, за которой сегодня приехал. Стоявший рядом двоюродный брат Касымхан тоже пялился в сторону ворот.

– Нет, сегодня она не придёт, – тихо сказал он в затылок Ирека. – Ты видишь, сколько народу собралось? Все жители посёлка на базаре сегодня.

– Все, да не все, – огрызнулся Ирек, не оборачиваясь. – А она придёт, если только уже не пришла, не прошла мимо, а мы её проморгали.

– Ты считаешь, что она уже на базаре? – прошептал Касымхан. – И как мы её не увидели? Прошла через другие ворота?

– Нет, если она придёт, то пройдёт только через эти ворота, – буркнул Ирек, не оборачиваясь. – Изба её ближе к этим воротам, и она всегда ходит на базар отсюда.

– Послушай, брат, а давай за ней приедем в другой раз, – поморщился Касымхан. – Сегодня людей очень много. Если увидят, как мы девку крадём, нас разорвут на части!

Ирек обернулся, смерил его презрительным взглядом и покачал головой.

– Нет, брат, мы сделаем всё сейчас, – сказал он с нажимом. – Моё сердце изныло в тоске, и я хочу забрать её именно сегодня.

– Но-о-о... если мы её проглядели и она уже вошла на базар? – засомневался Касымхан. – Как мы её искать там будем?

– Никуда она не денется, – процедил сквозь зубы Ирек. – Мне один надёжный человек сказал, что сегодня она обязательно придёт со своим братом. Пока брат будет лошадь выбирать и отвлечётся, Нуйруз её в юрту заманит и усыпит. Ну а там... мы с тобой сделаем то, ради чего приехали.

Братья перестали разговаривать и вновь заострили внимание на входе на базар.

* * *

Матвей и Сабиржан, орудуя руками и локтями, протиснулись в угол базара, где продавали лошадей. Девушки следовали за братьями.

– Ну вот, – сказал, посмотрев на Сабиржана, Матвей, – мы уже на месте. Но-о-о... как вижу, выбор нынче невелик.

– Сам вижу, – буркнул Сабиржан озабоченно. – Давай выбирать из того, что есть. Уже завтра я должен предстать перед атаманом с конём и во всём казачьем снаряжении.

– Ну вот, – возмутилась Тамара, – вы сейчас будете лошадь выбирать, а мы? Любоваться тем, как вы её выбираете?

Матвей, обернувшись, с недовольством посмотрел на сестру.

– Успокойся, мы недолго будем заняты выбором коня, – сказал он, сведя к переносице брови. – Скажи спасибо, что родители тебя вообще на базар отпустили, а я согласился приглядывать за тобой.

– Стойте здесь, не сходя с места, пока мы делом заняты, – добавил Сабиржан. – Чтобы всё время на виду у нас были, ясно вам?

Братья потеряли интерес к сёстрам сразу, как только цыгане вывели одну из лошадей на прясла. Конь был красивый, с гордо вскинутой головой, весь крепкий и статный.

– Обратите внимание, казаки! – закричал торговец. – Этому коню цены нет! Я и продаю его только потому, что мне и табору очень нужны деньги!

У Сабиржана округлились глаза, да и у Матвея тоже, но он не потерял рассудок от вида красивой лошади. Казак был настороже и не утратил бдительности, понимал, что цыганам доверять нельзя. Они всегда стремятся всучить покупателям какую-нибудь клячу, маскируя её под резвого коня. Матвей приблизился к пряслам, критическим взглядом осмотрел животное со всех сторон и сделал вывод.

– Нет, эта коняга тебе не подойдёт, – сказал он Сабиржану. – Конь молод, спору нет, но его уже успели запалить. Я не знаю, где они его гоняли, но он уже не может быть боевым конём.

Цыгане ещё какое-то время пытались продать коня, но, видя, что на него никто не позарился, вывели на прясла другую лошадь.

* * *

– Ну, что делать будем, Айгуль? – спросила у подруги Тамара. – Стоять вот тут и на лошадей пялиться, которых осматривают и выбирают наши братья?

– Даже не знаю, что сказать, – пожимая плечами, ответила та. – Мне очень хочется прогуляться по рядам. Но я не хочу сердить брата.

– Им можно нас сердить, а нам нет, – вздохнула Тамара. – Их вон больше лошади интересуют, чем мы. Но-о-о... я тоже не хочу сердить братца. Вот стою, где он меня поставил, и ожидаю, когда он на лошадей налюбуется и прогуляется вместе с нами по рядам.

– Наверное, долго ждать придётся, пока они коня выберут, – посетовала Айгуль. – Мои родители не один день деньги копили на коня Сабиру, и он не может купить абы какую лошадь. Ему нужна не просто кляча, а самый настоящий боевой конь.

– Да, я понимаю наших братьев, – вздохнула Тамара. – Им есть чем заняться, а мы? Почему мы должны наблюдать, как они коня выбирают? Мне это не интересно и вообще... я чего-нибудь вкусенького съесть хочу.

– Я тоже хочу, – призналась Айгуль. – Хотя бы какой-нибудь пирожок, а лучше... Она замолчала, втянув носом ароматный запах жарившегося над костром мяса.

* * *

К наблюдавшему за входом на базар Иреку подбежал молодой кайсак.

– Она... Та, кого вы ищете, уважаемый Ирек, уже на базаре, – сообщил он. – Её брат выбирает коня, а девушка с подругой в стороне стоят, рядом с юртой.

– Точно она? – спросил Касымхан. – Ты не обознался?

– Нет, не обознался, точно она, – сказал юноша. – Я знаю её в лицо. Ты, уважаемый Ирек, уже указывал мне на неё в прошлый раз, и я её запомнил.

– Возвращайся обратно и делай так, как я сказал, – опередив раскрывшего рот брата, распорядился Ирек. – Выводите на прясла самого лучшего коня и отвлекайте внимание брата девушки.

* * *

– Все лошади, которых выводят на прясла, так себе, – высказал своё мнение Матвей после осмотра очередной лошади. – Цыгане пытаются сбавить с плеч любой ценой тех коняг, которых они привели на базар и которые ничего не стоят.

– Да? А как же быть? – заинтересовался Сабиржан. – Что, ехать на базар в другой посёлок или дожидаться следующего раза, когда...

– До хороших лошадей ещё очередь не дошла, – ответил Матвей, оборачиваясь и отыскивая глазами девушек. Увидев их, он успокоился и указал Сабиржану на стоявших в стороне лошадей кайсаков. – Будем ждать, когда киргизы продолжат торги. Мыслью, у них будет что выбрать.

* * *

– О-о-ох, запах-то какой! – прошептала Айгуль. – На пирожки совсем не похожий. А я не завтракала с утра, думала полакомиться продающимися на базаре пирожными.

– Нет, пахнет не пирожными, – вздохнула, втянув носиком ароматный, заманчивый запах Тамара. – Пахнет мясом, вкусным-превкусным. И мясо где-то рядышком жарят.

Люди вокруг тоже почувствовали аромат жареного мяса и закурили головами. И вдруг... перед девушками остановилась кайсачка.

– Что, проголодались, кралечки? – спросила она, глядя то на одну, то на другую. – Идёмте со мной в шатёр. Я там вас и мясом угощу, и чаем напою.

Айгуль и Тамара с недоумением переглянулись.

– У нас нет денег, – сказала Тамара. – Если бы они у нас были, мы здесь бы не стояли.

Кайсачка пожала плечами.

– Я же не спрашиваю у вас деньги, – сказала она. – Мы все пообедали, а мясо осталось. Баранина свежая, душистая. Жалко выбрасывать её собакам.

– А что, может быть, покушаем? – глядя на подругу, сказала Айгуль. – Чего мы будем страдать от голода, пока наши братья заняты любованием лошадей!

– Нет, я не могу подвести Матвея, – сказала Тамара. – Он же мне сказал, чтобы я стояла на месте. Матюша если не увидит меня здесь стоящей, то... он весь базар перевернёт. А когда найдёт меня среди киргизов...

– Да ты что, мы же быстренько! – скинула брови Айгуль. – Сама знаешь, что если Сабиржан не увидит меня, то же самое будет.

– Не хотите – как хотите, – вздохнула кайсачка. – Выброшу мясо собакам. Пусть сожрут вкуснятину, если вы её покушать не желаете.

Она развернулась и пошла к юрте, а девушки...

– Я умираю от этого запаха, – вздохнула Айгуль. – Он теперь мне будет месяц чудиться, наверное. Хорошо бы поцведать этой вкуснятины хоть чуточек. Да и платить за неё ничего не надо.

– Ладно, идём, – вздохнула Тамара. – Только в юрте кайсаков задерживаться и не думай. Мяса поедим, чаю выпьем и живо обратно.

* * *

Кайсаки вывели великолепного коня и закрепили его в пряслах.

– Вот это да! – воскликнул восхищённо Сабиржан, сдвигая картуз на затылок. – Интересно, сколько запросят за этого красавца?

– Наверное, раза в три больше, чем ты держишь при себе, – усмехнулся Матвей. – Такие красавцы о-о-очень дорого стоят.

Сабиржан промолчал, лишь коснувшись ладонью кармана, в котором лежали деньги.

– А что, давай подождём, – предложил Матвей. – Посмотрим на покупателей, кто заинтересуется, послушаем, какую цену заломят кайсаки, и... заодно прикинем свои возможности.

* * *

Прежде чем войти в юрту, девушки заглянули в неё. Запах пряностей, которыми были приправлены лежащие на подносе куски баранины, ещё больше вскружил им головы.

– Ну, что замерли, проходите, – пригласила их кайсачка. – В юрте никого нет, мужчины заняты торговлей и в ближайшее время сюда не вернуться.

Девушки вошли и обвели взглядом жилище. Всё в нём было непривычно для них и необычно. Топчан, накрытый коврами, очаг в самой середине и...

– Вот сюда садитесь, – указала женщина, беря в руки поднос с мясом и ставя перед ними на столик. – Пока кушаете, я вам чаю приготовлю. Хороший чай, на степных травах заваренный...

* * *

Цыгане, кучкуясь в сторонке, угрюмо наблюдали за казаками, осматривающими красавца-коня, которого кайсаки выставили на продажу. Сами они в этот день не продали ни одной лошади. Никакие уловки не помогли им привлечь внимание покупателей к своему товару. А вот конь кайсаков завораживал взгляды как знатоков, так и простых зевак, знающих о лошадях только то, что лошадь – это лошадь.

– Какой красавец! – с восхищением высказывался Сабиржан, кружа с широко раскрытыми глазами вокруг прясел. – Казак, а не конь, самый настоящий воин!

– Да, из него получится настоящий боевой рысак, – соглашался, позабыв обо всём на свете, Матвей. – Только, боюсь, не по карману он тебе, Сабир. Чую, очень большую цену киргизы за него заломят.

Купить коня нашлось много желающих. Они уже окружили хозяина с предложениями о покупке, но... кайсак почему-то медлил и не называл цены животного, видимо, боясь прогадать, и дожидался, кто предложит больше. Желающие купить коня предлагали такие суммы, что у Сабиржана вытянулось лицо и свело скулы.

– Нет, мне его не купить, – вздыхал он со страдальческим видом. – Тех денег, которые у меня в кармане, хватит разве что на подковы этого красавца.

– Сочувствую тебе, Сабир, но...

Матвей пожал плечами, покрутил головой, ища глазами сестру, и, увидев её, снова переключился на продолжающиеся торги.

* * *

– Всё идёт так, как тобою задумано, брат, – сказал Касымхан, вернувшись к поджидавшему его у крытой повозки Иреку. – Нуйруз заманила девушек в юрту. Они уже едят мясо и пьют чай.

– А братья? Чем они заняты? – посмотрел на него Ирек.

– Они увлечены «смотринами», – усмехнулся Касымхан. – Идрис умело дурит всем покупателям головы. Они от коня глаз отвести не могут.

– Тогда, я думаю, нам пора, – сказал Ирек. – Ступай к юрте, брат, а я подгоню ближе повозку.

* * *

Твёрдо следуя полученным указаниям, молодой кайсак Идрис, увидев утвердительный кивок затесавшегося в толпу Касымхана, поднял вверх правую руку, обвёл взглядом толпу покупателей и зевак и заговорил:

– Да-а-а, я вижу многих людей, желающих купить этого великолепного скакуна. Но всех предлагаемых денег, даже если их сложить вместе, не хватит, чтобы заплатить за него.

Толпа пришла в движение и недовольно загудела.

– Тогда почему привёл его на базар и выставил на продажу? – выкрикнул кто-то.

Вслед за этим прозвучало ещё несколько негодующих выкриков. Но кайсак и бровью не повёл.

– Мой хозяин, которому принадлежит этот птицеподобный конь, предлагает следующее... – он снова обвёл взглядом притихшую толпу и продолжил: – Этому красавцу полтора года, и он никогда не был под седлом. Кто хочет получить его, пусть постарается.

– О чём это он? – покосился на Матвея Сабиржан.

– Помолчи, давай послушаем, – ответил тот. – На мой взгляд, киргизы что-то интересное замышляют.

– Мой хозяин предлагает победить жеребца в схватке с ним, – продолжил Идрис. – Кто из вас, желающих купить его, набросит на коня седло и удержится на нём пять минут и не будет сброшен на землю, тот и станет его хозяином!

– У-у-у! – загудела толпа, и сразу же нашлось немало охотников испытать удачу. Но кайсак сразу же остудил пыл многих желающих.

– Прежде чем пытаться усмирить коня и подчинить его своей воле, каждый желающий должен вложить в мою ладонь пятьдесят рублей! – выкрикнул Идрис. – Тот, кого конь сбросит с себя, будет считаться проигравшим, и его деньги останутся у меня. Ну, а тот, кто удержится пять минут, заберёт коня, и я верну ему его деньги!

Толпа, выслушав условия, сначала притихла, а потом взорвалась гулом негодования. Но нашлись и такие, кто подошел к кайсаку и принял его условия.

3

Кайсачка Нуйруз окинула заснувших девушек внимательным взглядом, после чего откинула закрывающее второй выход со стороны забора покрывало и помахала рукой. Увидев поданный ею знак, Ирек и Касымхан тут же вошли в юрту.

Бережно, тяжело дыша от возбуждения, Ирек завернул Тамару в небольшой ковёр и взял её на руки. Касымхан проделал то же самое с Айгуль.

Ирек недовольно глянул на двоюродного брата.

– Оставь её, зачем она нам, – сказал он. – Мы только за этой девушкой, которая у меня, приехали.

– Приехали за одной, а заберём и другую, – возразил Касымхан. – Зачем отказываться от сопутствующей удачи. К тому же её оставлять в юрте нельзя. Когда казаки кинутся искать девушек и найдут здесь вторую, Нуйруз и всем нашим крупно не поздоровится.

– Да, дело говоришь, брат, – после короткого раздумья согласился Ирек. – Давай выйдем, пока казаки увлечены игрой с покупкой коня. А когда они придут в себя, мы уже далеко от посёлка будем.

Братья с девушками на руках вышли из юрты, сквозь прореху в заборе пролезли за территорию базарной площади и осторожно уложили девушек в повозку. Сверху они накрыли их лёгкими покрывалами, после чего Ирек замотал лицо платком, уселся на козлы и взял в руки вожжи.

– По посёлку шибко не гони, не привлекай внимания, – посоветовал Касымхан, взбираясь в повозку и располагаясь между девушек. – Доберёмся до околицы, а там... там уж никто нас не догонит и не разыщет.

* * *

Первый смельчак, даже не удосужившись накинуть седло на норовистое животное, вскочил на него и... Он продержался на нём лишь несколько секунд. Ошеломлённый конь, почувствовав седока, громко заржал и начал подпрыгивать и брыкаться. Под крики и улюлюканье слетевший с него неудачник отошёл прихрамывая в сторону и занял место среди зрителей, не стесняясь в выражениях, костеря себя и свою дурную голову.

Когда второй смельчак стал приближаться к коню, животное повело себя заранее агрессивно. Конь, хотя его и держали за уздечку двое кайсаков, резко развернулся, подпрыгнул и

ударил задними копытами в грудь так и не успевшего коснуться его казака. Несчастный отлетел на несколько метров и... Он смог встать с земли на ноги лишь с посторонней помощью.

Третьего «претендента» конь просто укусил за плечо. Закричав от дикой боли, тот сразу же отказался от дальнейших попыток обуздать норовистого жеребца. Остальные, кто собирался вскочить на коня и усидеть на нём положенное время, сразу же отказались от этого желания, посчитав для себя правильным остаться целыми и с деньгами, чем покалеченными и без них.

Сабиржан Бакиев, сжав в кулаке деньги, то бледнея, то краснея, со стиснутыми зубами наблюдал за происходящим. Он боролся с желанием вскочить на коня и урезонить дикое животное своей сноровкой и удачью, но... видя, как конь справлялся со всеми, кто пытался объездить его, он стал бороться с желанием вступить в схватку с животным, задаваясь вопросом «а стоит ли?».

– Да-а-а, хорош чертяка! – нашёптывал Матвей, глядя на красавца-коня. – Сразу видно, что в степи вырос и людей редко видел. Только вот не пойму, почему киргизы привели его на продажу, загодя не объездив?

– Вот потому и привезли, чтобы нас одурачить, – уныло буркнул Сабиржан. – Даже цыгане-прохвосты до этого не додумались – сдирать деньги с желающих оседлать дикаря, зная, что ни у кого не получится.

– А ты? – посмотрел на него с прищуром Матвей. – Ты попытаться не желаешь? Если получится, то и деньги останутся, и коня-красавца приобретёшь.

– Или приобретёшь, или всё потеряешь, – вздохнул Сабиржан. – Сам видишь, каков конь. Людоед беспощадный!

– Вижу, не слепой, – согласился с ним Матвей. – И полагаю, что рисковать тебе не стоит. Я получше тебя на конях держусь, уже не одного объездил, а с этим... Пять минут и я на нём не усiju. К такому ретивому коняге более долгий подход нужен.

Обернувшись и приподняв голову, он посмотрел в сторону, где стояли девушки, и, не увидев их, встревожился не на шутку.

* * *

Выехав за околицу посёлка, Ирек немного успокоился и расслабился.

– Как там девки? – крикнул он, полуобернувшись и посмотрев на брата.

– Они обе спят и не видят перемен в своих жизнях! – с ухмылкой отозвался Касымхан. – Нам остаётся мимо Алабайтала незаметно проскочить и за Урал переправиться, а там...

– Надо спешить, – вздохнул Ирек. – До Алабайтала ещё доехать надо. Если казаки хватились отсутствия девок и устроили погоню, то от нас мокрого места не оставят, в лапшу изрубят.

– Тогда погоняй, брат, погоняй! – прокричал Касымхан. – Сейчас наши жизни в твоих руках и от нашей расторопности много чего зависит.

* * *

Позабыв про коня, Матвей и Сабиржан поспешили на поиски сестёр. Толкаясь и работая локтями, они обежали ближайшие торговые ряды, расспрашивая людей о девушках, но никто их не видел.

– Найду, не знаю, чего с ней сделаю, – шептал Матвей, бегая по базару.

– Моя Айгулька больше носа со двора не высунет, – вторил обеспокоенно Сабиржан.

Наконец, потеряв надежду найти девушек, казаки вернулись к тому месту, где стояли их сёстры, пока они были заняты осмотром лошадей.

– Ну, куда они запропастились? – выкрикнул в отчаянии Матвей. – Уж не домой ли ушли, не сказав нам ни слова?

К ним подошёл цыган-торговец, занимавшийся продажей лошадей. Он держал за руку мальчика:

– Эй, Забар, расскажи казакам про девушек, которых ты здесь видел!

– Копеечку дайте! – сказал тот, протягивая грязную ладошку.

– Вот, возьми, – вложил в неё пятак Матвей. – А теперь говори, я слушаю.

– Эй, подожди, – протянул руку цыган. – Мне тоже кое-чего полагается. Сегодня я не продал ни одной лошади, а покушать и выпить чего-нибудь очень хочется.

– На, держи, – вложил ему в ладонь рубль казак и перевёл взгляд на цыганёнка. – Ну?

– Девушки, которые здесь стояли, очень красивыми были, – начал издали мальчик. –

Потом к ним киргизка подошла и пригласила в юрту пить чай и есть мясо.

– Чего-о-о? – округлил глаза Матвей. – И они пошли?

– Да, пошли, – кивнул мальчик. – И больше из юрты не выходили. А потом повозка крытая, которая за забором стояла, куда-то уехала. Вот и всё, что я видел.

Переглянувшись, парни поспешили в юрту, но в ней, кроме женщины-кайсачки, больше никого не было. Не раздумывая ни секунды, Матвей схватил её под руки, оторвал от земли и, глядя ей в глаза, прорычал:

– Где девушки, сука киргизская?

– Девушки? Какие девушки? – пролепетала она сведёнными от ужаса обескровленными губами.

– Ах, ты не знаешь, о каких девушках я спрашиваю? – взревел Матвей, с силой швыряя её на нары. – Ну, сейчас ты узнаешь, о каких! Всё... всё ты мне расскажешь, образина кайсацкая!

Он сорвал со стены висевшую на крючке плётку-камчу и принялся изо всей силы стегать ею кайсачку. Дико визжа и воя, она перекатывалась туда-сюда по нарам, но Матвей не ослабевал, а лишь усиливал порку.

– Говори! Говори, где девушки? Куда повезли их?! – ревел в ярости Матвей, с плеча стегая её камчой. – Убью, курва, если ничего мне не скажешь, как собаку, до смерти захлыщу!

Услышав доносившиеся крики, находившиеся на улице кайсаки поспешили в юрту. Матвей, несмотря на их присутствие, продолжал сечь женщину камчой, а Сабиржан, мгновенно оценив ситуацию, схватил прислонённый к стене юрты бердан и направил ствол в сторону мужчин.

– Кто первым сделает шаг, стреляю, – предупредил Сабиржан громким окриком замерших в нерешительности степняков. – У нас ваши соплеменники только что украли сестёр! И мы никого из вас не оставим в покое, пока вы не скажете, куда они поехали.

Кайсаки быстро перекинулись несколькими словами на своём языке, распахнули халаты и выхватили ножи из складок одежды.

Матвей мгновенно почувствовал возникшую угрозу для себя и своего друга. Отшвырнув камчу, он метнулся к другому бердану, стоявшему у стены. Вскинув оружие на уровень лица, он направил ствол на кайсаков, и... он не успел предупредить их о своём намерении стрелять, как в юрту стали втискиваться казаки, настроенные более чем решительно.

* * *

Наскочив колесом на кочку, телега подпрыгнула, и Тамара открыла глаза. Затуманенное сонными травмами сознание ещё некоторое время пребывало в заторможенном состоянии, и она вела себя тихо, водя глазами то влево, то вправо. Наконец, осмыслив, что происходит что-то не то, девушка ощутила беспокойство, занервничала и попыталась вскочить.

– Ты что, взлететь хочешь, птичка? – услышала она насмешливый голос и увидела сидевшего рядом кайсака с ружьём в руках.

– Где я? – прошептала тихо Тамара, но тот услышал её.

– Ты едешь в новую жизнь, радуйся, – ответил он. – Теперь у тебя будет любящий мужчина, дети и вольная воля.

– Чего? – взвизгнула девушка, осознав, что похищена киргизами и они везут её в неизвестном направлении. – А ну отпустите меня, черти окаянные! Я хочу домой! Я хочу к родителям!

– То, что ты хочешь, больше не имеет значения, – сказал, полуобернувшись, управлявший лошадьми кайсак. – Теперь ты будешь делать только то, что я скажу. И как тебе будет житься в моей юрте, будет зависеть только от моей воли.

– Мама, мама, мамочка... – до конца осмыслив бедственное положение, в каком оказалась, горько заплакала Тамара. Она попыталась прикрыть лицо ладошками, но не смогла пошевелить связанными руками. Ноги оказались тоже связанными.

– Что? Что случилось? – открыв глаза, воскликнула Айгуль. – Ты чего ревёшь, Тамара?

– Нас украли, вот чего! – истерично взвизгнула девушка. – И везут нас сейчас киргизы в степь! Нам никогда не увидеть больше родных! Нас там сделают...

Не договорив, Тамара в отчаянии закричала. Айгуль, тоже осознав беду, в которой оказалась, пронзительно завизжала и задёргалась, пытаясь освободиться от стягивающих руки и ноги крепких сыромятных пут.

* * *

Подошедший к юрте поселковый атаман сразу же взял выходящую из-под контроля ситуацию в свои руки. По его приказу казаки вывели кайсаков из юрты на улицу, обезоружили, связали руки и поставили на колени.

Атаман обвёл суровым, не сулящим ничего хорошего взглядом стоявших на коленях степняков и перевёл его на Матвея. Увидев слезинки на глазах казака, он смягчился.

– Ну, сказывай, что стряслось, Матюха? – спросил он. – Чем досадили тебе эти пентюхи степные?

– Они сестру мою украли, – ответил казак, шмыгнув носом.

– И мою тоже, – добавил стоявший рядом Сабиржан.

– Это точно они? – сведя к переносице брови, спросил атаман. – Почему вы на киргизов, а не на цыган подумали?

– Цыгане видели, как девушек кайсачка в юрту заманила, – ответил Матвей. – И больше они из неё не выходили.

– А ещё цыгане видели крытую повозку, за забором стоявшую, в самый раз рядом с юртой, – добавил Сабиржан. – А потом повозка тихо уехала.

– Куда, вы не знаете? – поморщился атаман. – За Сакмару или в сторону Алабайтала?

– Туда, дяденька, вон в ту сторону, – указал в сторону Алабайтала тот самый цыганёнок, который сообщил о краже девушек.

– Понятно, – вздохнул атаман и обвёл взглядом казаков, которые стекались к юрте кайсаков со всего базара. – Браты! – обратился он к ним. – Все бегом по домам, вооружайтесь и готовьтесь к преследованию похитителей!

– А с этими что делать? – крикнул кто-то, указывая на притихших с опущенными головами кайсаков.

– А этих всех в амбар, под замок! – распорядился атаман. – Всё их имущество тоже к амбару перенесите. И под охрану крепкую поместите, чтоб не разворовали и не разграбили.

* * *

Чтобы не слышать плача и стенаний несчастных девушек, Касымхан с согласия Ирека заткнул им рты кляпами и прикрыл их накидками.

– Мы уже на половине пути к Алабайталу, – сказал Ирек, подстегнув легонько лошадей кнутом. – Нам бы на казачий разъезд не нарваться.

– Да, туго нам придётся, если вдруг казаки остановят, – согласился с ним Касымхан. – Мы не сможем объяснить присутствие девок в повозке с заткнутыми кляпами ртами.

– Ничего объяснять не будем, – буркнул Ирек. – Сейчас день, и казаки в разъезды далеко от своих посёлков и станиц не отъезжают. Алабайтальские казаки стерегут дорогу мимо Алабайтала до переправы через Урал, а мы по ней не поедem.

– А по какой мы поедem? – заинтересовался Касымхан. – По той, которая мимо Верхне-Озерной станицы проходит?

– Нет, и по ней мы не поедem, – поморщился Ирек. – До Урала мы помчимся по степному бездорожью.

– А дальше как? – ещё больше заинтересовался Касымхан. – Там переправы нет, а река Урал глубокая.

– А там бросим повозку, девок на коней усадим и вплавь через реку переправимся, – объяснил план дальнейших действий Ирек.

– Ты считаешь, у нас получится, брат? – усомнился Касымхан.

– Да, я так считаю, – сказал Ирек, поворачивая лошадей с дороги в степь. – Будь внимательнее, брат, следи за погоней. Если жёлтинские казаки пустятся за нами вслед, они тоже хорошо знают степь и умеют находить отпечатки следов на её просторах.

4

Базар начал быстро пустеть. Торговцы и торговки сворачивали торговлю, казаки разбежались по домам вооружаться и седлать коней, арестованных кочевников повели в амбар закрывать под замок.

– Что, бежим тоже вооружаться? – предложил Сабиржан. – Лошадь я возьму у отца, а у тебя свой конь имеется.

– Нет, я поступлю иначе, – процедил сквозь зубы Матвей, набрасывая ружьё кайсаков сначала на плечо, а затем за спину. – Время идёт, и мне некогда бежать домой вооружаться и седлать коня.

Он посмотрел на лошадей кайсаков и остановил взгляд на том самом непокорном жеребце, который стоял в окружении цыган под седлом, уперевшись копытами в землю. Воспользовавшись шумихой, они сумели завести упряма в прясла и, лишив подвижности, набросили и закрепили на нём седло. Теперь они пытались увести животное с базара, но конь...

Запрыгнувший на жеребца молодой цыган безуспешно пытался усмирить животное. Борьба шла нешуточная. Взбесившийся конь всячески выкручивался, подпрыгивал, брыкался, а цыган, сидя верхом, дёргал за уздечку и хлыстал коня плетью. Жеребец встал на дыбы. Чтобы удержаться в седле и не соскользнуть назад, наездник обеими руками схватился за переднюю луку. Тогда животное встало на передние ноги, а задними высоко подпрыгнуло и брыкнуло вверх. Цыган оказался вниз головой, его руки отцепились от седла, и он полетел на землю, но уздечки из рук не выпустил. Он быстро вскочил на ноги и с яростными ругательствами стал хлестать коня плетью по спине, шее и ногам. И этого ему показалось мало. Парень подобрал с земли толстую палку и стал яростно бить ею коня по морде, спине и... куда попало.

– А ну, прекрати! – подбежав к нему, воскликнул Матвей.

– И не подумаю, – огрызнулся цыган, но избивать животное перестал.

– Эх ты, а ещё цыган! – выкрикнул озлобленно казак. – Лошадей не избивать надо, а понимать их. Кони как люди. Они понимают только доброе к себе отношение! А ну, отойди...

Он схватился за уздечку и вырвал её из руки цыгана. Когда она оказалась в его руке, Матвей на мгновение усомнился в своих способностях усмирить дикого жеребца. Он с детства ездил на лошадях и в седле, и без седла, но те кони были смиренные, обездвиженные, а этот строптивец...

На раздумья времени не осталось. Надо было срочно мчаться в степь за похитителями сестры, и потеря каждой минуты отдаляла его от увозимой кайсаками Тамары.

Окружённый цыганами, Матвей посмотрел на коня. Жеребец, захрапев, стал пятиться. Затем он попытался встать на дыбы, и казак с трудом удержал его за уздечку.

– Тихо, тихо, не бойся меня, – заговорил он проникновенным голосом, протягивая руку и касаясь кончиками пальцев шеи жеребца.

Матвей знал, что конь едва ли понимает его слова. Выросший в дикой степи, он слышал только окрики пастухов на киргизском наречии, но тон, каковым заговорил с ним казак, конь воспринял положительно. Он перестал вырываться и храпеть и начал успокаиваться. Матвей провёл ладонью по его шее, а затем по голове. Видя, что животное «не возражает», казак погладил его могучую грудь, плечо и похлопал ладонью за седлом по крупу.

Стоявший в стороне цыган сделал шаг, чтобы приблизиться, но конь, заметив его, тут же захрапел и повернулся к нему задом.

– Стой, дурень! – остановил его Матвей. – Ты не знаешь, что сзади приближаться к коню нельзя, тем более что ты его сильно обидел?!

Цыган всё понял и отошёл.

В это время на великолепном скакуне подъехал Сабиржан. Он не бегал домой, чтобы вооружиться и одолжить у отца коня для участия в погоне за похитителями. Кайсацкий бердан, который он взял в юрте, висел у него за спиной, а уже оседланного, обездвиженного жеребца он взял у казаков из числа арестованных.

– Матвей, да брось ты его! – крикнул Сабиржан, гарцуя на пляшущем под ним животном. – Этот шайтан уже скинул нескольких всадников. Если ты сядешь на него верхом, то он взбесится и тогда уже с ним не справишься. Хорошо, если он сбросит тебя на землю, а если нога твоя застрянет в стремях? Он будет таскать тебя, пока голова не отвалится!

– Молчи, не разевай рот, – огрызнулся Матвей, которому спокойствие коня придало уверенности в своих силах. – Я сумел его успокоить, справлюсь и дальше. А ты скачи в сторону Алабайтала и не жди меня. Я тебя догоню.

Пришпорив пятками коня, Сабиржан поскакал в указанном направлении. А Матвей погладил коня и осторожно завёл поводья над его головой. Затем двумя руками взялся за седло, вставил левую ногу в стремя, оттолкнулся от земли и под одобрительный гул наблюдавших за ним цыган вскочил в седло. Правой ногой он сразу же поймал второе стремя и на мгновение замер, почувствовав, что конь занервничал под ним.

«Он недоволен, но не бунит, – подумал Матвей. – Нельзя сидеть пассивно, опустив поводья. Жеребец почувствует мою неуверенность и взбесится опять. Надо сразу продемонстрировать и закрепить моё превосходство над ним и заставить его скакать галопом. Пока он будет скакать изо всех сил, у него не будет возможности брыкаться, а когда он устанет, то слетят спесь и норы с этого гордеца...»

– Что ж, вперёд! – громко крикнул Матвей и пятками сапог поддал жеребцу под брюхо.

Жеребец с места проделал трёхметровый прыжок, и стоявшие поблизости цыгане едва успели отхлынуть по сторонам, а казак галопом помчался к выходу уже опустевшей базарной площади.

* * *

Рождённый и выросший в степи, Ирек хорошо знал местность и отлично ориентировался на её бесконечных просторах. Он читал степь как открытую книгу и заранее знал, где на пути может попасться овражек или ручей, и потому легко объезжал все препятствия. Где-то он гнал лошадей, подстёгивая их кнутом, а где-то придерживал, натягивая вожжи. И потому поездка протекала без осложнений и уже близилась к концу.

– Ну как девки, брат? – крикнул Ирек, не оборачиваясь. – Буйно или тихо себя ведут?

– Плачут обе, но не буйствуют, – ответил Касымхан, глянув ему в спину. – Может быть, освободить их от кляпов, брат?

– Нет, ещё рано, – возразил Ирек. – Сейчас мы будем проезжать по меже, разделяющей земли алабайтальских и верхнеозернинских казаков.

– Значит, и до реки недалеко? – встрепнулся Касымхан.

– Да, уже близко, – ответил Ирек. – Но до неё ещё надо доехать. Сейчас поедem тихо, чтобы не привлекать внимания казаков, если они вдруг попадутся на пути нашем. Ну а если они обратят на нас внимание, то приготовь бердан. Сдаваться им для нас – верная погибель!

* * *

Конь под Матвеем мчался как ветер, что радовало седока. Молодой казак любил езду галопом. Привычный к верховой езде с детства, он держался в седле легко и свободно.

Проскакав так больше версты, он, потянув за уздечку, попытался перевести коня на рысь, чтобы дать ему возможность отдохнуть. Матвей знал, что у даже самого выносливого животного есть запас сил. Хороший молодой жеребец может проскакать галопом три версты. А потом наступает усталость. Дыхание сбивается, и он может упасть и сдохнуть.

Жеребец нехотя перешёл на рысь, но Матвей почувствовал, что красавец под ним мог бы проскакать галопом расстояние намного больше того, которое осталось позади.

Проехав рысью ещё около версты, казак решил попробовать, будет ли жеребец поддаваться его управлению. Если конь уже воспринял его как хозяина, то будет подчиняться всем его манипуляциям. Ну а если он так и не смирился, то...

Чтобы не нервировать норовистого, впервые оказавшегося под седлом и всадником на спине скакуна беспорядочным подёргиванием за поводья, Матвей потянул за уздечку спокойно, но властной рукой, чтобы у коня не возникло сомнений, кто из них полновластный хозяин. Животное остановилось. Казак снова легонько прищпорил его каблуками сапог, и тот поскакал вперёд рысью. Казак потянул левый повод, и конь послушно повернул влево. Тогда Матвей потянул правый повод, и конь повернул вправо.

Чувство торжества от одержанной победы над норовистым животным на мгновение разлилось по внутренностям, но... чувство тревоги за сестру тут же погасило его.

– Надо торопиться, – прошептал Матвей и прищпорил тут же перешедшее с рыси на галоп, успевшее отдохнуть животное.

Матвей увидел Сабиржана издалека. Тот стоял рядом с конём и, видимо, поджидал его. Казак подъехал к другу, прыгнул на землю и в знак благодарности провёл ладонью по загривку скакуна. Сабиржан удивился.

– Как тебе удалось усмирить его? Он стоит так спокойно, как будто все черти, в нём сидевшие, разом выветрились.

– Мы с ним просто подружились, – ответил Матвей и посмотрел на друга. – Ну, говори, почему именно здесь остановился?

Сабиржан указал ему на едва видимые полосы, оставленные колёсами повозки.

– Вот здесь кайсаки свернули с дороги в степь, – сказал он. – Я решил тебя подождать, чтобы вместе ехать за ними.

– Да, ты правильно решил, – одобрил Матвей. – Только в какую сторону отсюда они могли поехать?

– В сторону Верхне-Озерной станицы, я уверен, – сказал Сабиржан. – Ехать мимо Ала-байтала к переправе через Урал они не решились. А вот мимо Верхне-Озерной...

– А что, там тоже казаки не очень-то празднуют киргизов, – вздохнул Матвей. – Придётся ехать дальше по оставшимся следам. Чую, они приведут нас к берегу реки, а там увидим...

* * *

У крутого обрывистого берега реки Ирек остановил повозку.

– Всё, приехали, – сказал он, отбрасывая вожжи и спрыгивая на землю.

Касымхан тоже сошёл с повозки, и братья подошли к обрыву. Как оказалось, место, в котором они остановились, являлось поворотом реки с впадающим в неё большим затоном.

– Ты уже бывал здесь, брат? – поинтересовался Касымхан, глядя с опаской вниз.

– Да, бывал, только с другой стороны реки, – ответил Ирек.

– Но почему мы приехали сюда? – вскинул брови Касымхан. – Здесь же обрыв и нет подхода к воде.

– Спуск есть, он чуть выше, – ответил Ирек. – Здесь мы выпрягаем лошадей из повозки, сажаем на них пленниц, проходим чуть выше и спускаемся к воде. Потом, по берегу затона, мы снова возвратимся сюда, войдём в реку и переплывём на другой берег.

– Да, но почему здесь? – недоумевал Касымхан. – Для того чтобы переплыть реку, мы могли бы найти место поудобнее.

Ирек посмотрел на него.

– Вот тебе не нравится это место и мне не нравится, – сказал он. – И казаки, кто пустился за нами в погоню, тоже знают про это место. Как ты считаешь, они подумают, что мы решили переплывать Урал с девушками именно здесь, где нет удобного подхода к реке и нет переправы?

Касымхан озадаченно поскрёб подбородок.

– Похоже, ты прав, брат, – согласился он после короткого раздумья. – Если казаки не обнаружат в степи наших следов, то они едва ли сюда приедут в ближайшее время.

5

Следы похитителей в степи обнаружить было сложно. На высохшей под лучами летнего солнца, с пожухлой травой земле отпечатки были почти невидимы. Но охотник на сурков Сабиржан Бакиев легко находил их.

– Вот в этом направлении они поехали, – вскакивая на коня, указывал он рукой. – Все следы, которые я вижу, ведут к Уралу. Я до конца не уверен, но так думаю.

Остановки на изучение следов отнимали много драгоценного времени, но иначе было нельзя. Утерев направление, в степи легко сбиться с пути и оказаться в тупиковой ситуации.

В конце концов, преодолев большой участок степи, пролежавший между Жёлтым и Уралом, казаки увидели вдалеке большой зелёный массив и придержали коней.

– Господи, где были мои мозги? – вскричал Матвей, привстав на стременах. – Я примерно знаю, куда едут киргизы и в каком месте собираются переправиться через Урал!

Он пришпорил коня и помчался в сторону видневшегося вдалеке зелёного массива. Ничего не поняв, Сабиржан поскакал вслед за другом.

* * *

– Всё, здесь переплываем через Урал, – остановившись у кромки воды, сказал Ирек. – Река здесь широкая, но течение небыстрое. Лошади вполне способны переплыть через неё даже с ношей на своих спинах.

Братья путём угроз, побоев и запугиваний быстро сломали волю пытавшихся сопротивляться девушек, усадили Тамару и Айгуль на лошадей, заставили их обнять конские шеи, затем связали им руки.

– Вот, – сказал Ирек перед тем, как войти в реку, – так, в обнимку с лошадьми, вы и поплывёте. Вздумаете освободиться, утонете, мы спасать вас не станем. Ведите себя спокойно и не мешайте лошадям плыть, тогда останетесь живы.

Он взял за уздечку лошадь, на которой сидела Тамара, и вошёл в реку. Касымхан последовал за братом, держа второго коня.

* * *

– Вон вижу крытую повозку! – привстав в стременах, воскликнул Сабиржан. – Прямо у берега стоит, только без лошадей!

– Они бросили её и переправляются на другой берег, – догадался Матвей, пришпорив коня. – Повозка им теперь не нужна, вот киргизы и бросили её!

Казачи быстро домчались до обрывистого берега и...

Ирек с Касымханом уже переплыли середину Урала и приближались к противоположному берегу.

– Девушки привязаны руками к шеям лошадей! – воскликнул Сабиржан, снимая бердан и проверяя его способность к выстрелу. – Сейчас я...

– Обожди, ты не шибко меток в стрельбе, – попытался его остановить Матвей, снимая с плеча оружие. – Не дай бог, не в киргизов, а в кого-нибудь из девушек попадёшь.

– Нам нельзя медлить! – огрызнулся Сабиржан, целясь. – Ещё чуток, и они скроются в лесу и тогда...

Он нажал на курок. Гроыхнул выстрел. Один из похитителей, уже выходя из реки на берег, вздрогнул, вытянулся во весь рост и рухнул на прибрежную гальку лицом вниз. Второй, подбежав к нему, попытался поднять его, но... убедившись, что тот мёртв, громко закричал, упав перед убитым на колени и обхватив руками голову.

– Хороший выстрел, – процедил сквозь зубы Матвей. – Одного настигла «кара Божья». А сейчас я второго на тот свет отправлю, прямо с берега на «суд Божий».

Он тщательно прицелился, нажал на курок и выстрелил.

* * *

– Касымхан, брат, вставай! – теребил Ирек безжизненное тело двоюродного брата. – Нам пора уезжать, брат, вставай!

Касымхан, не шевелясь, пустым взглядом «созерцал» небеса. Пуля из ружья Сабиржана пробила его насквозь, вонзившись в спину между лопаток и выскочив из груди.

– Касымхан, братишка... – не веря в смерть брата, теребил его за одежду Ирек. – Мы уже дома, на своём берегу, нам остаётся только...

С противоположного берега прогремел ещё один выстрел. Ирек схватился за царапнутое пулей левое плечо и тут же вскочил с колен на ноги. Он поднял над головой руку и, сжав её в кулак, погрозил противоположному берегу.

– Вы убили моего брата, казаки! – закричал он искажённым от лютой ненависти ртом. – Но не думайте, что вам всё это сойдёт с рук. Я отомщу вам, собаки! Пока жив буду, буду мстить! Вы ещё горько пожалеете, что...

Следующая пуля Матвея просвистела так близко от его головы, что едва не отстрелила ухо. И она послужила Иреку сигналом к незамедлительным действиям. Он выхватил из-за пояса нож, метнулся к лошади, к которой была привязана Айгуль, и ударил девушку ножом.

Затем он сбросил истекающее кровью тело с лошади, подтащил к ней тело брата и, не обращая внимания на выстрелы с другого берега, прилагая немалые усилия, уложил на неё Касымхана.

* * *

– Эй, чего ты мажешь, Матюха? – закричал возмущённо Сабиржан. – Я вижу, что киргизин сбросил с коня мою сестру, уложил на него своего напарника, и... он собирается уезжать в лес!

– Всё я вижу, не ори! – огрызнулся Матвей. – С лошади он сбросил твою сестру и погрузил на неё раненого или убитого тобой кайсака. А у меня руки трясутся. Я боюсь, что, стреляя в него, случайно попаду в свою сестру!

– Ты боишься, а я нет! – вскричал возбуждённо Сабиржан и нажал на курок.

Громыкнул выстрел.

Как только он перезарядил ружьё и снова прицелился, к берегу подъехали около полусотни жёлтинских казаков во главе с атаманом.

– Ружья стволами вниз! – распорядился атаман. – За Уралом сопредельная территория, и мы не можем палить по ней с бухты-барахты!

– Но-о-о... там моя сестра, Трофим Никодимович! – воскликнул возмущённо Сабиржан. – Она вон лежит на берегу и не шевелится! А один из тех, кто её похитил...

– Он увозит мою сестру! – вскричал Матвей, видя, как кайсак запрыгивает на коня позади лежащей поперёк на животе девушки. – Если мы не остановим его прямо сейчас, немедленно...

Он разбежался, и... атаман, не успев остановить его, молча наблюдал, как отчаянный казак нырнул с обрыва и погрузился в воду.

* * *

Ирек вскочил на лошадь, на которой лежала связанная Тамара, взял за уздечку вторую лошадь с телом брата и помчался к лесу.

Матвей переплыл реку, вышел на берег и сразу поспешил к Айгуль. Склонившись над девушкой, он понял, что она жива. Казак помахал рукой остальным, наблюдавшим за ним с другого берега, и как смог громко крикнул:

– Она жива! Быстро переправляем её на наш берег!

Несколько казаков по приказу атамана прыгнули в реку и поплыли на другую сторону Урала.

Подсобив переправить раненую Айгуль на свою сторону, Матвей предстал перед полным упрёка ликом атамана.

– Ну и... что ты собираешься мне сказать? – морща лоб, спросил тот, глядя на него. – Ты полагаешь, что поступил правильно?

– А то, что киргизы нагло, средь бела дня украли мою сестру, а я пытался вернуть её, вы считаете это неправильным, Трофим Никодимович? – в сердцах высказался Матвей. – Он, кайсак проклятый, прямо на моих глазах её в лес увёз!

– Ладно, что сделано, то сделано, – вздохнул сочувственно атаман. – Только чтить нам надо, что за рекой чужая, кайсацкая территория. На ней мы должны вести себя так, чтобы дров не наломать. Сейчас уезжаем, Айгуль надо спасать. А возвращать Тамару будем путём договорённостей, а не переть нахрапом.

* * *

Заехав в лес, Ирек привязал лошадей к кустам и быстро вернулся обратно к берегу. Прикрываясь прибрежными зарослями ивняка, он пронаблюдал, как переплывшие через реку казаки забрали Айгуль и поплыли обратно.

– Ну вот и всё, – прошептал он. – Девка моя, а брат... Я виновен за твою смерть, Касымхан, очень виновен... Но я отомщу за тебя, клянусь. Все жёлтинские казаки горько пострадают за твою смерть. Очень, очень они пожалеют, клянусь.

Вернувшись обратно, он отвязал лошадей, вскочил на ту, на которой лежала Тамара, взял за уздечку вторую с телом покойного брата и выехал из леса в степь.

Окинув взглядом степной простор, раскинувшийся перед ним сразу за лесом, Ирек прищпорил коня и поскакал в известном ему направлении.

* * *

– А ты не озоруй, Матюха, не озоруй! – прикрикнул атаман, сурово глядя на Матвея. – Там, за лесом, тоже степь, но она чужая и нам враждебная!

– Так что же делать, Трофим Никодимович? – чуть не плача, взмолился Матвей. – Мою сестру украли киргизы, а я должен стоять и ничего не делать?

– Постой, обуздай свой норов! – ещё громче прикрикнул атаман. – Поймать киргиза мы уже не можем. Он мырнул в степь на стороне своей, а там... ищи-свищи, но из степных краёв, коих мы не знаем, нам степняка не выудить.

– Так что же делать, атаман? – вскричал переполняемый отчаянием Матвей. – Они же не вернут сестру обратно! Не для того они её похитили!

– Ты не ерепенься, а вот на неё глянь, – указал на раненую девушку атаман. – Её спасать надо. У нас ещё киргизы, мною арестованные, есть. У них мы зараз дознаемся, кто верховодит над ними, а опосля в их стойбище наведемся.

– Ничего они не скажут даже под страхом смерти! – выкрикнул Матвей в отчаянии. – Вы что, киргизов не знаете, Трофим Никодимович?

– Пусть они ничего не скажут и совсем языки свои поганые пооткусывают, – поморщился атаман. – Мы их отвезём к казакам алабайтальским, а там найдутся те, кто узнает хотя бы одного из них. Киргизы частенько к ним в станицу заглядывают. Они ведь соседи... Бок о бок живут, рекою разделённые.

– Атаман, сестра моя вот-вот представится! – крикнул Сабиржан. – До Жёлтого не довезём. Весь переезд не выдюжит!

– Понятно, все по коням и в Алабайтал девку везём, – распорядился атаман, отходя от Матвея и усаживаясь на коня. – Всем за Чернобровиным и Бакиевым приглядывать велю, чтоб дров не наломали, головушки отчаянные.

Матвей и Сабиржан не успели что-то возразить, как были окружены казаками и разоружены.

– Ну вот, – сказал атаман, посмотрев на них, – это для вашей же пользы. – А теперь мы со спокойной душой на Алабайтал двинем, будучи уверенными, что вы ничего эдакого не отмочите!

– Как же так, Трофим Никодимович?! – возмутился Матвей. – Сестру мою похитили, мы видели кто, а вы лишаете меня возможности преследовать врагов?!

– Артачиться будешь, и коня заберём, – ухмыльнулся атаман. – Всё будет так, как я велю, и перечить мне не могу вам позволить.

– Но они же, киргизы чёртовы, так сестру мою запрячут, что... – Матвей запнулся, будучи не в силах закончить фразу из-за душившего его гнева.

– Ты что, и башку свою сложить захотел? – закричал выведенный из себя атаман. – За Урал большим, а не малым числом ехать надо, чтоб волю свою степнякам навяливать. А сейчас мы не обладаем нужным для устрашения числом. Оставим Айгульку в Алабайтале, возвратимся домой, а там и решать будем, что да как. Теперь у нас одна забота – дров не наломать!

6

– Ну что, ты добился своего? – с укором посмотрел на сына глава рода бий Саид. – Касымхан убит, а ты... Как ты объяснишь смерть своего двоюродного брата, Ирек?

– Он погиб как настоящий воин, – глядя в землю у своих сапог, ответил Ирек. – Пуля поразила его в спину и...

– Брось, не говори мне чепухи! – вспыхнул бий. – Я знаю, как всё было, и не хочу слышать лжи из уст своего сына!

– А что, – пожимая плечами, заговорил Ирек, – я ничего не нарушил в наших обычаях, отец.

– Обычаи соблюдать нужно и можно, но не переступать через них! – выкрикнул бий Саид раздражённо. – Надо иметь мозги, чтобы вести себя так, как выгодно, но не так, как в башку взбрело! Ты был моим любимым сыном, Ирек, и я собирался оставить на тебя всё! Но после глупой смерти Касымхана...

– Касымхан не твой сын, а сын твоей сестры, – напомнил обеспокоенно Ирек.

– У меня было двое сыновей, – заговорил, морщась, бий. – Старший, Закир, погиб, и ты остался один, не считая моих дочерей, твоих сестёр. Тебе я собирался оставить всё, чем я владею. А теперь... Я вдруг подумал, что ты не тот, на кого я возлагал свои надежды.

– Не тот? – воскликнул Ирек. – Если я не тот, кто тогда «тот»? Сам же знаешь, что у меня остались только сёстры, а у тебя только дочери! И у тебя нет выбора, отец.

– Вот как ты заговорил? – поморщился бий. – Уверен, что вместо меня во главе рода встанешь?

– Если не я, то кто, папа? – в сердцах высказался Ирек.

Бий Саид пожал плечами.

– Пока я ещё сам способен стоять во главе рода, – сказал он. – Но сегодня же, сразу как предадим земле Касымхана, ты садишься на коня, забираешь с собой ту, которая принесла нам столько горя, и уезжаешь далеко в степь, в аул, куда казаки не сунутся. Только делай, что говорю, и поспедай. Если сегодня они не приедут, то уже завтра нагрянут числом немалым, и мы не сможем противостоять им.

– Но почему? – воскликнул возмущённо Ирек. – Закон против них. Если они переправятся на наш берег с целью...

– Они соблюдать закон не будут, если переправятся, – вздохнул бий. – Ты соблюдал закон, похитив девушек? А казаки не прощают таких обид. Одна у тебя, а вторую ты убил или ранил, и они это видели. Так что пострадаем мы все из-за твоей глупости.

Ирек в замешательстве не нашёлся что сказать отцу.

– Несколько наших людей сейчас в руках казаков, – продолжил бий, отвлекаясь от задумчивости. – Я не знаю, что с ними сделают казаки, но не сомневаюсь, что они найдут способ развязать им языки. Беги, беги в степь, сынок, пока... пока ты ещё можешь это сделать, а потом, чую, поздно будет.

* * *

Атаману пришлось приложить немало усилий, чтобы не пустить желающих мщения казаков на другой берег.

– Браты, ну куда мы сейчас сунемся? – увещевал он, глядя на их угрюмые, пасмурные лица. – Мы даже не знаем, кто похитил девушек. Он, тать этот, верняком сейчас не в становище ускакал, а куда-то в степь бескрайнюю. Где мы его там искать будем?

– И что? Киргизы украли мою сестру, и всё на том? – возмутился Матвей. – Ежели прямо сейчас мы следом отправимся, то, быть может, настигнем его.

– Настигнем не настигнем, всё бабка надвое сказала, – стоял на своём атаман, хмурия лоб. – Но закон нарушать недозволительно. Там, за Уралом, не наши земли, а киргизские. А нам недозволительно на их территорию вторгаться, так как войны между нами нет!

– Так что же делать, Трофим Никодимович?! – вскричал с упреком Матвей. – Мы видели похитителя, сестру мою, им украденную, тоже видели, а вслед за татем ты нас не пустил.

– Не пустил и не пушаю, – возразил ему атаман. – Твоя там сестра была или ещё какая краля, мы не разглядели. А вы одного из них убили с Сабиром. Тут дипломатию в ход пущать надо, а не нахрапом переть.

– Дык мы покуда дипломатию разводить будем, киргизы сестру мою на край света увезут! – возмутился Матвей. – А мы с дипломатией своей опосля краёв не сыщем!

– Уймись, не баламуть казаков! – в который раз прикрикнул на него атаман. – Вернёмся домой, с урядником потолкуем... Он сведущий в делах эдаких и, как быть, не с дурняка подскажет.

– А что он подскажет? – возразил Матвей. – Знамо дело, он скажет, что надо ждать и надеяться. А я вот спрашиваю, на что? Видано ли дело, чтобы киргизы из-за Урала похищенных ими людей в обрат вертали? Ежели прямо сейчас мы реку не переплывём и за сестрой моей не поскачем...

– Не переплывём и не поскачем, всё по закону делать будем, – уведя взгляд в сторону, возразил атаман. – Посулить могу одно: завтра, прямо с утра, все за Урал поедем к бию Саиду. Он человек рассудительный, глава рода. Он нас выслушает и примет приемлемое нам решение.

– А ежели не примет? – засомневался Матвей. – А ежели...

– Браты, будя собачиться, сестра моя помирает! – закричал в отчаянии Сабиржан. – Она уже едва дышит!

– Делай что хочешь, – посмотрел на Матвея атаман. – Я сказал, что сказал, а в остальном я тебе не указчик.

– Тогда я прямо сейчас и переберусь через Урал, – заторопился Матвей.

– Нет, ты поедешь с нами, – остановил его властным окриком атаман. – Сейчас мы поедем в Алабайтал... Девушка вон, Айгуль, на ладан дышит. До Жёлтого мы её не довезём. Вернёмся домой, а уж там...

Он махнул рукой и дал всем понять, что разговор окончен.

Казаки впрягли двух коней в брошенную киргизами повозку, погрузили в неё едва живую девушку и поехали в сторону станицы Алабайтал.

* * *

Выслушав сына, Пантелей Исаевич ещё некоторое время сидел за столом, сложив перед собой руки. Мать, Агриппина Ивановна, лежала за печью, на кровати дочери и горько плакала.

Сидевший у стены Матвей, нервничая, то сцеплял, то расцеплял пальцы рук. Он чувствовал себя виноватым в том, что не уберёт сестру, и с тоской ожидал справедливого осуждения родителями.

Открылась дверь, и в избу вошёл атаман. Он трижды перекрестился, глядя на образа, и замер в ожидании приглашения.

– Проходи, присаживайся, Трофим Никодимович, – глянув на него исподлобья, пригласил Чернобровин-старший. – Не сердчай, что безрадостно принимаем тебя, гостя дорогого, но... сейчас нам, как сам ведаешь, не до веселья.

– Знаю, как нелегко вам, – сказал атаман, проходя от порога к столу и присаживаясь напротив Пантелея Исаевича. – Я вот только что киргизов допрашивал. Ни на один мой вопрос не ответили злыдни.

– А что ты у них вопрошал, Трофим? – поинтересовался старый казак.

– Вызвать пытался, чьего они роду-племени, – вздохнул атаман. – Но они ни единым словечком не обмолвились.

– Можно было б ни об чём их и не спрашивать, – сказал, понуро опустив голову, Матвей. – Киргизы против своих никогда и ничего не вякнут.

– Помолчи, Матвей! – строго одёрнул его отец. – Сиди и молчи, покуда не скажут. Сначала атамана послушаем. Знать я хочу, с чем он пожаловал.

Атаман пожал плечами и развёл руками.

– Да мне особливо и сказать-то нечего, – вздохнул он. – Завтра, прямо с утра раннего за Урал, к киргизам поедем дочку твою возвернуть договариваться. Там к нам алабайтальский атаман примкнёт со своими казаками.

Пантелей Исаевич покачал с сомнением головой.

– Сдаётся мне, что ничего у вас не получится, – сказал он. – Ежели киргизы девку умыкнули, то в обрат её уже не вернуть, хоть оппупырьтесь. Ни одного эдакого случая, как ни пыжусь, что-то не припомню.

– Надо было сразу за похитителем мчаться, – буркнул не спросясь Матвей. – А вы мне не дозволили.

– А дозволил бы, то что? – поморщился атаман. – Там ведь киргизская сторона. Если бы ты ушёл за реку, то... могёт быть, там бы и остался на веки вечные.

– Да я... – заговорил Матвей, досадливо краснея. – Да я б...

– Цыц, замолчь и не вякай! – прикрикнул на него отец, сведя к переносице брови. – Ты бы лучше за сестрой глядел, когда по базару шастали. Атаман дело говорит: киргизы – хозяева на своих землях. Мало того, они Тамару средь бела дня из-под носа умыкнули, а там, на своих землях...

Голос его дрогнул, и он замолчал, изо всех сил стараясь сдержать в себе рвущиеся наружу рыдания.

– Алабайтальский атаман узнал брошенную похитителями повозку, – после короткой паузы заговорил атаман. – На ней сын бия Саида Ирек не раз в Алабайтал приезжал.

– И вы что, на него грешите? – кое-как справившись со своими чувствами, спросил Чернобровин-старший.

– Покуда больше не на кого, – пожимая плечами, ответил атаман. – У бия много детей, но из сыновей только один, так мне атаман алабайтальский поведал. Сам отец много казакам доучал в молодые годы, а теперь сынок Ирек продолжает его разбойный промысел.

– Ежели у них это семейное, то ехать в разбойничье логово и просить чего-то не стоит, – вздохнул Пантелей Исаевич. – Тамару уже, поди, увезли куда-то в степь далёкую, и... следов нам её не сыскать.

– А поискать всё же стоит, – вздохнул атаман. – Сегодня мы ещё с киргизами, которые у нас под замком в амбаре заперты, крепко покалякаем. Ну, а завтра... завтра за Урал-реку наведемся. Не сиднями же нам сидеть-восседать, право дело. Кайсаки силу уважают, вот мы и покажем её, большим числом в их становище нагрянув.

* * *

Атаман вёл допрос, сидя на табурете посреди горницы поселковой канцелярии. В стороне за столиком расположился писарь. Казаки заводили с улицы по одному из арестованных кайсаков и ставили перед атаманом на колени.

– Ну а ты чего-нибудь сбрехнёшь мне, сукин сын? – задал он очередному арестанту вопрос, складывая ногу на ногу.

В ответ тишина. Кайсак, глядя в пол, не спешил отвечать.

– Эй, Рытов, этот киргизин тоже немотой хворает, мать его, – ухмыльнулся, качая головой, атаман. – Верни-ка ему дар речи, Гринька. Так стебани ему в скулу, чтоб мозги не вылетели и зараз русский язык вспомнил.

Высокий широкоплечий казак не стал заставлять атамана повторять дважды и так врезал допрашиваемого в скулу, что тот тут же рухнул на пол.

– Ай-я-я-я-яй, – с укором высказался атаман, – я же просил тебя не вышибать из него дух, Гринька! Кому же теперь мне вопросы задавать?

– Дык я это... Я ж слегонца приложился, Трофим Никодимович, – пнув распростёртое тело носком сапога, вздохнул казак. – Дык я это... Я его сейчас вынесу, а другого приведу. Покуда этого в чувство приводить будут, вы другому вопросы позадаёте.

Кайсаки держались стойко. Они хранили молчание, и атаман так и не получил ответа на свои вопросы ни от одного из них.

– Всё, моё терпение лопнуло! – объявил он арестованным свою волю. – Молчунов расстреляем всех до одного. А с бабой я сейчас вразумительно потолкую. Тоже рта не откроет, за руки и за ноги к коням привяжем и кнутами их подстегнём.

Женщина оказалась неразговорчивой. Она сидела перед атаманом, закрыв глаза и игнорируя всякий задаваемый им вопрос.

– Ну, хорошо, – вздохнул тот, – я сделал всё, что мог, но ты говорить не пожелала. Сейчас всех твоих соплеменников расстреляем, а тебя разнагишаем и по посёлку поведем. А потом к коням привяжем за руки и ноги и на куски разорвём. Теперь ступай в амбар под замок и утра дожидайся.

Со двора послышался залп, произведённый из нескольких карабинов. Кайсачка вздрогнула и сжалась. Дверь открылась, и в избу вошёл Матвей Чернобровин.

– Всё, атаман, татей расстреляли! – сказал он и кивнул на задрожавшую женщину. – А её когда лошадьми рвать будем? Может, сейчас, чего до утра тянуть-то?

– Нет, утром мы её нагишом, как воровку, по посёлку поведем, – сощурился атаман. – Ну а потом разорвём. Давай выводите её, Матвей, пускай поспит последнюю ночь спокойно.

– Стойте, стойте, не надо, – взвизгнула истерично кайсачка. – Я всё, всё, что знаю, расскажу.

– Вот как? – сделал вид, что очень удивился, атаман. – Да ты и по-русски очень хорошо калякаешь.

– Да, говорю я по-русски, – заплакала женщина. – Я ведь не киргизка, а татарка и с русскими в Илецкой защите жила. Оттуда меня несколько лет назад похитили.

– И теперь твоя жизнь с кайсаками связана, – вздохнул атаман, возвращаясь на место.

– Да, связана, – всхлипнула женщина. – Я живу с ними, и сын у меня есть.

– Ты за Уралом у бия Саида живёшь? – перешёл к делу атаман.

Женщина не ответила, а всхлипнула и кивнула.

– Кроме скотоводства, чем ещё кайсаки ваши промышляют? – сузил глаза атаман. – Меня интересуют разбойные набеги, воровство людей, особенно молодых девушек.

– Не знаю, ничего не знаю, – замотала головой женщина. – У нас не принято спрашивать, чем мужчины занимаются.

– Ладненько, пусть так, – вздохнул атаман. – А что насчет девушек? Ты же подсобила кайсакам похитить их. Это бий Саид велел тебе мужчинам помочь?

Женщина плача помотала головой.

– Нет, – всхлипнув, сказала она, – сын бия Ирек меня заставил девушку в юрту заманить и чаем напоить с сонной травой.

– А он тебя где поджидал? – не выдержал Матвей.

– Он со своим двоюродным братом Касымханом в крытой повозке за забором дожидались, – ответила женщина.

– Они тебе велели не одну, а двух девушек в юрту заманить? – снова спросил Матвей, опередив атамана.

– Нет, мне было велено одну девушку заманить, русскую, – всхлипнула кайсачка. – А с ней вместе в юрту вошла и татарка. Они обе мяса покушали, чаю попили и уснули. А потом Ирек и Касымхан вошли в юрту и их вынесли.

– Это всё? – спросил атаман, завершая допрос.

– Да, это всё, – кивнула женщина, размазывая по щекам слёзы. – Я больше ничего не знаю. А вы... вы меня разрывать конями не будете?

– Теперь не будем, пощадим, – улыбнулся атаман. – Спи спокойно под замком в амбаре и своим не говори, что нам создалась в своём пособничестве.

Женщина округлила глаза.

– А вы разве их не расстреляли только что? – прошептала она растерянно.

– Нет, – ещё шире улыбнулся атаман. – Теперь мы знаем, что они не виноваты в похищении, и-и-и... это ты своим признанием спасла им их никчёмные жизни.

7

Матвей Чернобровин встал с утра пораньше и вышел на крыльцо. Он не поверил своим глазам, увидев отца, седлавшего коня, а рядом с ним плачущую маму.

– Ну, куда же ты, Пантелей? – причитала она. – С атаманом молодые все поскачут, а ты...

– А что я, – огрызался отец, подтягивая подпругу. – У молодых лишь ветер в голове да шило в задницах. – Вот совет какой атаману вдруг понадобится, а я тут как тут. Атаман всегда к моим словам прислушивается, и я не буду никому в походе помехой.

– Но ведь ехать-то до Алабайтала ого-го сколько, – вытирая слёзы, приговаривала мать. – А через Урал переправляться... Вдруг утопнет паром, а ты...

– А что я, – бурчал отец, – на коне верхом куда ещё справно держусь, из седла не выпадаю. Потопнет паром, я с конём выплыву, да и стреляю без промаха и шашку ещё крепко держу.

Матвей сошёл с крыльца и приблизился к родителям.

– Права мама, не след тебе ехать с нами, – сказал он, останавливаясь. – Ты своё отвоевал, теперь мы, молодые, за вас биться с врагами будем.

– Вот он, ещё один указыватель явился, – недобро глянул на сына старый казак. – Вам, молодым, ничего доверить нельзя, куда седина в бороде и усах не засеребрится. Отпусти вас за Урал без пригляду, так вы и там набедокурите.

Почувствовав упрёк в его словах, Матвей помрачнел и поёжился.

– Так ты что, всю жизнь меня корить за Тамару собираешься, папа? – сказал он, с трудом сдерживая закипающую внутри ярость. – Ты же знаешь, как было всё. И любой бы на моём месте...

– Любой, да не любой! – повысил раздражённо голос отец. – Ты давай не балакай попусту, а в поход собирайся. Учить меня уму-разуму не пыжься, я сам знаю, что делаю, и советы мне пустые ни к чему.

Отец взобрался на коня, выехал со двора и поскакал к месту сбора у поселковой канцелярии.

– Вот ведь упрямец, – высказался в сердцах Матвей, проводив его взглядом. – Хворей на нём не счесть, а всё туда же...

– Так он твой отец, и ты, стало быть, в него пошёл норовом, – всхлипнула мама. – Ой, горемычная я, горемычная... Да я же... да я же...

Она не договорила и стала опускаться на землю, сотрясаясь от рыданий.

– Ничего, я присмотрю за ним, – пообещал матери, беря её под руки и подводя к крыльцу, Матвей. – А ты не терзай себя зазря и жди нас, мы же не на войну едем.

Он вывел коня, погладил его по загривку, по бокам и, почувствовав гордость за то, что неожиданно-негаданно стал хозяином этого красавца, в необъяснимом порыве поцеловал коня в щёку.

– Жди здесь, Кайсак, – назвал его казак пришедшей на ум кличкой и пошёл в избу готовиться к походу.

* * *

Войдя в юрту, Ирек увидел отца сидящим на нарах в глубокой задумчивости. Не зная, заговорить с ним или уйти, он в нерешительности стал топтаться на месте. Бий Саид поднял на него глаза.

– Ты почему ещё здесь, в становище, а не скачешь куда подальше, спасая от возмездия казаков свою пустую голову? – спросил бий. – Я же сказал, чтобы ты садился на коня и уезжал, как Касымхана схороним.

– Ты меня выпроваживаешь, отец? – поджал обиженно губы Ирек. – Я же не сделал ничего такого, чтобы заслужить твою немилость.

– Это Касымхан не сделал, а мы его схоронили, – поморщился отец. – В его смерти не он, а ты повинен.

– Я? – дёрнулся, как от плеухи, Ирек. – Но в чём моя вина, папа? Разве я нарушил какой-то обычай нашего народа?

– Ты нарушил мой запрет, – упрекнул его сквозь зубы бий. – А это самая страшная провинность в наших устоях.

– Но-о-о... мы же всегда так жили, отец! – воскликнул Ирек. – Мы никогда не считали казаков мирными соседями. Мы угоняли у них скот, угоняли в полон население! А что сейчас случилось, отец? Казаки – наши враги! Они заселили ранее принадлежащие нам земли.

– То, что они заселили, назад не вернёшь, – вздохнул бий. – И у нас осталось земель для кочевья немало. Мы живём на одном берегу Урала, а они – на другом и друг другу не докучаем.

– А что изменилось сейчас? – вскричал Ирек. – Как жили, так и жить будем. Никто в Жёлтом не видел, как мы с Касымханом девок умыкнули, да и... одну я убил стгоряча, когда

брата застрелили, а вторую так спрятал в лесу, что никто и никогда не отыщет её там. Когда всё успокоится...

– Э-э-эх, глупец, они и искать её уже не будут, – вздохнул бий. – Казаки давно знают, что вернуть от нас что-то обратно уже невозможно. И приедут они не столько девку искать, сколько нас наказать.

– А мы что, дожидаться их здесь будем? – удивился Ирек.

– Сейчас вы сворачивайте становище и все до одного уходите, – сказал бий. – День и ночь без остановки идите. Казаки в далёкое преследование не пойдут.

– А ты? – напрягся Ирек. – Ты собираешься здесь остаться, отец?

– Такова моя воля, – ответил сыну бий. – Прямо сейчас сворачивайте становище, и в путь. Я хорошо знаю казаков и уверен, что уже скоро они сюда прибудут.

* * *

Жёлтинские казаки до Алабайтала домчались быстро. В станице их уже встречали казаки при оружии, в форме, готовые в любую минуту выступить за Урал на враждебную территорию.

Жёлтинцы и алабайталыцы обнялись, приветствуя друг друга, затем образовали один большой круг, в центр которого вышли два атамана.

– Каким числом прибыли, Трофим Никодимович? – поинтересовался атаман алабайталыцев подьесаул Равиль Халитов.

– В посёлке собралось триста сабель, но я взял только сотню, – ответил жёлтинский атаман.

– И моих набралось столько же, – хмыкнул атаман алабайталыцев. – Все хотят на тот берег идти, чтобы приструнить распоясавшихся киргизов.

– За мной ещё обоз из трёх телег плетётся, – вздохнул Трофим Никодимович. – На них пленных киргизов везут.

– А для чего они нам? – удивился атаман алабайталыцев. – Порубил бы ты их там у себя, за посёлком, да и закопал бы, чтобы от них не воняло.

– Нет, мы их на дочку мою менять собрались, – приблизился к атаманам Пантелей Исавич Чернобровин. – Авось согласятся, чтобы без крови обойтись, как полагаете?

– Не-е-ет, никаких обменов не будет, – загудели алабайталыские казаки. – У них ведь как, что упало, то пропало.

– Тогда я пленных лично сам на том берегу изрублю, ежели не воротят дочку! – объявил старый казак и отошёл от атаманов на то место, на котором сидел до того, как вышел.

– А сестра моя как? – выкрикнул Сабиржан. – Отец сам приехать не смог, а я должен её увидеть.

– Плоха покуда твоя сестра, но живёхонька, – посмотрел на него атаман Халитов. – Сам сходи и погляди, покуда мы... – он обвёл взглядом присутствующих казаков: – Ну, так что, братья, сразу на переправу двинем или пищи вкусим, покуда обоз ваш подтянется?

– Нет, дело сгондобим, а опосля до еды очередь дойдёт, – вежливо отказался атаман жёлтинцев. – Айдайте все прямо сейчас к переправе.

– К переправе так к переправе, – вздохнул атаман алабайталыцев. – Тогда все по коням. Кто постарше годами, на пароме на вражий берег поплывёт, а кто помоложе, тот вплавь. Тонуть будете, караул кричите! Мы на помощь враз придём, потонуть не позволим.

* * *

Видя собравшихся у парома на берегу Урала казаков, бий Саид покачал головой и тяжело вздохнул.

– Сотня, не меньше, – прошептал он. – А каждый из них десятка наших воинов стоит.
– Может быть, обрезать канат, по которому паром ходит? – предложил находящийся рядом слуга.

– И что это даст? – ухмыльнулся бий. – Они тогда сразу, как реку переплывут, без переговоров, с шашками наголо на нас обрушатся. А нам надо какое-то время выиграть, чтобы наш обоз подалее в степь ушёл.

Вернувшись от речного берега, бий Саид осмотрел опустевшее становище, тяжело вздохнул и вошёл в свою юрту, единственную оставшуюся на большой, с вытоптанной травой поляне.

* * *

Выехавших на поляну казаков постигло разочарование.

– Ого! А юрты где? – привстав в стременах, крикнул алабайтальский атаман. – Ещё вчера, как мне докладывали, становище здесь было.

– Было, было, я сам видал, – подъехал на коне один из казаков-алабайтальцев. – Вечером, как стемнело, они ещё хоронили кого-то.

– А кто в оставшейся юрте остался? – сходя с коня, спросил старик Чернобровин. – Пойду-ка гляну, кто решил нас дожидаться и в степь бежать не спешить.

– Постой, отец, я с тобой! – крикнул Матвей, спрыгивая с коня. – Что-то мне не нравится эдакое гостеприимство.

Чернобровины направились к юрте, а атаманы приказали казакам спешиться.

– Искать следы! – крикнул жёлтинский атаман. – Сейчас день, и их будет легко обнаружить.

– Да что их обнаруживать, вот они, – крикнул Сабиржан Бакиев. – Даже не сходя с коня, я их вижу.

– В погоню, в погоню пора, атаман! – зашумели жёлтинские казаки. – Далеко кайсаки уйти не могли. Мы их живо всех настигнем и прищучим!

– И? Что делать собираешься, Трофим? – спросил у Алтунина атаман алабайтальцев Халитов.

– В погоню пойдём, вот что, – ответил жёлтинский атаман. – А вы тут без нас прибирайтесь, алабайтальцы. Обоз наш дождитесь и того, кто в юрте остался, хорошенечко потрясите.

* * *

Крепко связанная по рукам и ногам, завёрнутая в плотное покрывало, Тамара всю ночь пролежала в лесу, в кустах, не имея возможности пошевелиться. Кляп во рту затруднял дыхание.

Чего только не передумала несчастная девушка за минувшую ночь, но одно поняла точно: прежняя её жизнь закончилась.

Она бы выла, кричала от душевной боли, но не могла – мешал кляп. Девушка едва не сошла с ума от терзавшего её горя, но... В первой половине дня, ближе к полудню, явился её мучитель. О его прибытии она узнала по стуку копыт и тихому ржанию лошади.

Кайсак вытащил её из кустов, снял покрывало, осмотрел и потрогал пальцами.

– Жива ещё...

Он не стал вынимать кляп изо рта девушки и снова завернул её в покрывало и уложил на коня поперёк седла.

Мужчина легонько подстегнул коня плетью, прищпорил и поскакал к выезду из леса.

* * *

– Ну что, заходите, раз приехали, – пригласил «гостей» в юрту бий Саид, не вставая и не меняя полулежачего положения.

– Вижу, ждал ты нас, старшина кайсацкий, – подходя к нему ближе, сказал Пантелей Исаевич.

– Ждал и, видимо, не зря, дождался вот, – вздохнул бий. – Что, громить нас пожаловали?

– А это как получится, – пожимая плечами, сказал Пантелей Исаевич. – Вернёшь мою дочку, так мы сразу уедем, а не вернёшь... не вернёшь, тады не серчай, Саид. Живым тебя и весь твой род не оставлю.

– Значит, это твою дочь мой пустоголовый сын умыкнул, – вздохнул бий, присаживаясь. – Только огорчить тебя хочу, Пантелей... её тебе не вернуть уже.

– Слова, которые говоришь ты, душу мне терзают, Саид, – покачал головой старик Чернобровин. – Вспомни молодость, когда вы скот у нас украли. А ведь поймал я тебя тогда и убить бы мог, да вот... Ты упросил меня живым тебя оставить. И вот ты жив, а мой отец и сын мой старший мертвы. Твои никого не пощадили, помнишь?

– Да, помню, было такое дело, Пантелей, – не стал отпираться и ссылаться на забывчивость бий. – Я уже тогда с жизнью прощаться начал, а ты меня отпустил.

– Так мне ещё не поздно жизни тебя лишить, Саид, – вздохнул Пантелей Исаевич. – А я так и сделаю, если дочь не воротишь.

В юрту заглянул казак Рогожин, посланный атаманом. Он покрутил головой и, разглядев не привыкшими к полумраку глазами Матвея, сообщил:

– Матюха, мы там в погоню за киргизами мылимся. Ты как, с нами или...

– Я с вами, – оживился Матвей и посмотрел на отца. – Что скажешь, папа?

– Поезжай, сынок, ты там нужнее, – дозволил Пантелей Исаевич. – А мы покуда с бием Саидом тут потолкуем по-своему, по-стариковски.

– Хорошего сына вырастил, Пантелей, очень хорошего, – одобрительно высказался старый кайсак. – А мой Ирек сумасшедший и непослушный. Он считает правильным то, что ему в голову взбрёт. А что взбрёт, то он и делает.

– Но у тебя же два сына, – нахмурился Пантелей Исаевич. – Ты же вправе выбрать, кого из них сделать своим наследником.

– Нет, у меня теперь только один сын, Ирек, – вздохнул бий. – А старшего мы уже давно схоронили.

– А с кем твой сын украл мою дочь? – поморщился Чернобровин.

– С моим племянником Касымханом, – снова вздохнул бий. – Его мы вчера, на закате дня похоронили.

– Значит, куда ни крути, наследник твой Ирек, – сузил глаза Пантелей Исаевич.

– Да, – кивнул бий, – и житья он вам не даст, помяни моё слово.

– Из всего следует, что дочь ты мне не вернёшь, – хмурия лоб, сказал Чернобровин. – А Ирек, получив от тебя бразды управления родом, станет для нас, казаков, угрозой.

Бий Саид пожал плечами.

– Вернул бы я твою дочь, Пантелей, да не могу. Она сейчас в полной власти сына. А его здесь нет, как видишь. Он вместе со всеми в далёкую степь уехал.

– Ничего, далеко уехать не успеет, – сужая глаза, процедил сквозь зубы Пантелей Исаевич. – Сам слышал, казаки в погоню выдвинулись. Уже скоро они всю твою свору настигнут и остановят.

8

Как только обоз кайсаков углубился в степь, Ирек позвал к себе двоюродного брата Садыка:

– Дальше обоз поведёшь ты. Куда ехать, знаешь?

– Да, – кивнул тот.

– За вами будет погоня, учти, – продолжил Ирек. – Но вы не должны её бояться.

– А стрелять по казакам можно? – поинтересовался Садык. – Ну-у-у... если они по нам стрелять станут?

– Нет, не позволяю, – покачал головой Ирек. – Если вы откроете стрельбу, то казаки всех вас изрубят. Увидите погоню, сами останавливайтесь и ждите их. – Он на мгновение задумался, поморщился и продолжил: – Разговаривать будешь с ними только ты один, а остальные пусть молчат и делают вид, что русский язык не понимают.

– А если обыскивать повозки начнут, что делать? – спросил Садык. – Стоять и молча наблюдать за ними?

– Стойте и наблюдайте, – вздохнул Ирек. – Того, что они искать будут, в обозе нет. Пусть как хотят проверяют, вы не препятствуйте. Как только казаки уедут, дальше поезжайте, а я вас в пути догоню.

Сказав всё, что собирался, Ирек пришпорил коня и ускакал в сторону, но не в ту, в направлении которой следовал обоз.

Проехав ещё несколько вёрст, Садык решил сделать остановку у степной речушки. Женщины тут же принялись готовить обед, а он собрал вокруг себя мужчин и предупредил:

– Скоро нас догонят казаки. Ирек велел в ссору с ними не вступать. Обыск начнут, не препятствовать. У нас нет того, что они искать будут. В разговоры с ними не вступать и всем делать вид, что русский язык не понимаете.

– А если они нас возьмутся шашками рубить? – поинтересовался кто-то. – Нам что, умирать молча?

– Ирек уверен, что казаки убивать нас не станут, – помотал головой Садык. – Они обыщут наш обоз и уедут, а вы... вы делайте так, как я говорю, а мне сам Ирек велел так делать.

* * *

Казаки показались в тот самый момент, когда женщины раскладывали на расстеленные пологи пищу, а с костров снимали котелки с кусками сваренной баранины.

Первым на временную стоянку кайсаков ворвался Матвей Чернобровин. Он осадил коня прямо у пологов с пищей, да так залихватски, что вставший на дыбы жеребец едва не угодил передними копытами в самую середину «дастархана».

– Эй, а ну, живо представьте передо мной вашего главного киргизина Ирека! – громко крикнул он, привставая в стременах и глядя сверху вниз на замерших кайсаков.

Хмурия лоб, он осмотрел их каменные лица и понял, что разговор со степняками не состоится, но...

Вперёд вышел Садык и заговорил:

– Мои люди на русском языке говорить не могут. Если есть вопросы, то задавай их мне.

– Я уже задал вопрос, и ты его слышал! – гарцуя на жеребце, повысил голос Матвей. – Мне нужен Ирек, я хочу его видеть.

Между тем подъехавшие казаки спешили и молча наблюдали за разговором Чернобровина и Садыка.

– Хочешь видеть Ирека? – сузил и без того узкие глаза кайсак. – Я бы тоже хотел бы его увидеть. Но его среди нас нет. Когда мы уезжали, его на становище уже не было.

Матвей обернулся и, обращаясь к казакам, крикнул:

– Эй, братья, этот киргизин утверждает, что Ирека нет в их чёртовом «таборе»! А я вот ему не верю! Давайте осмотрим их пожитки и узнаем, брешет этот кайсак или правду молвит.

– Всё обыскать! – распорядился атаман Алтунин. – Чужого не присваивать. Только Ирека и Тамару всем искать!

Казачьи перевернули все повозки кайсаков, переворошили и прощупали до последней нитки всё их имущество, но... они никого не нашли, о чём тут же доложили атаману.

Весь красный от душившего его гнева Матвей подошёл к стоявшему со смиренным видом Садыку и обеими руками схватил его за грудки.

– Говори, где Ирек и его пленница, собака! – крикнул он, вытаращив глаза. – Не скажешь, изрублю в капусту как тебя, так и всю твою шайку!

– Руби, если тебе легче от этого станет, – сказал Садык, ни мимикой, ни жестом не выражая своего страха. – Мы сопротивления не оказываем и на всё воля ваша.

Матвей схватился за рукоятку шашки, но не успел её выхватить из ножен, как подошедший атаман положил ему на плечо руку.

– Не надо, не горячись, Матюха, – сказал он. – Кайсак верно сказал, они не сопротивляются и никаких преград нам не чинят.

– Но-о-о... они знают, где Ирек и моя сестра! – вскричал Матвей, убирая руку от рукоятки шашки. – Надо заставить киргизов сказать, где их искать, иначе...

– Они ничего не скажут, – вздохнул атаман, отводя его в сторону. – Но и рубить их не за что. Они же не виноваты, что Ирек сотворил.

– Да, не виноваты, пусть так! – горячился Матвей. – Но если мы их сейчас отпустим и они уйдут в степь...

– Ни убивать, ни задерживать мы их не можем, – снова вздохнул атаман. – Ехать искать где-то в бескрайней степи Ирека и твою сестру мы не можем тоже, абы ни сном ни духом не ведаем, где они. Хочешь не хочешь, Матюха, а сейчас мы все в обрат вертаем, больше нам здесь делать нечего.

– А ежели я не поеду? – заупрямился Матвей. – Ежели я...

– Не поедешь сам, велью связать и везти тебя в телеге, – не дослушав его доводов, строго предупредил атаман. – Думай про меня как хочешь, но на верную погибель я тебя здесь не оставлю. Не забудь, Матюха, что ты казак, а я – власть над тобой. Будешь своевольничать, сам ведаешь об том, какое тебя ждёт за это наказание.

* * *

В отвратительном настроении Пантелей Исаевич Чернобровин вышел из юрты бия Саида, сел на бревно и глубоко задумался. К нему подошёл атаман алабайтальских казаков Халитов и поинтересовался:

– Дозволь присесть рядышком, Пантелей Исаевич?

– Чего спрашиваешь, присаживайся, – вздохнул Чернобровин. – Бревно вон большое, не только нам двоим, а ещё многим места хватит.

Подбесаул присел рядом, достал из кармана трубку, кисет с табаком и закурил.

– Не поделишься тем, что из юрты от бия вынес, Пантелей Исаевич? – поинтересовался он. – Что-то вид у тебя кислый, уж не повздорил ли с киргизом?

– А что с ним ссоры разводить, не в том положении он, – поморщился Чернобровин. – В неравном, в незавидном...

– Но-о-о... вы о чем-то говорили? – любопытствовал атаман.

Старый казак пожал плечами.

– Много о чём талдычили, – сказал он. – Молодость вспомнили, да вот толку-то... Саид признал, что его сын Ирек дочку мою украл. А вот где его искать... Сбрехнул или нет, но стал уверять меня, будто не знает.

– Знает он всё, а сына покрывает, – хмыкнул атаман. – Киргизы никогда правды не говорят. Сдаётся мне, они и при разговорах друг с другом брешут, будто псы на привязи.

– Не ведаю, правду он говорил или брехал, как сивый мерин, но он поведал, будто сын его, Ирек, украл мою дочку без его дозволения. А ещё он сказал, что когда тот власть над родом своим получит, то все мы покоя лишимся.

– Если он власть получит и к нам соваться вздумает, мы его живо к ногтю прижмём и как гниду раздавим, – осклабился атаман Халитов. – Мы немало эдаких татей повидали. И все сейчас или хвосты поджали, или в могилах гниют.

Несколько минут они сидели молча. Докурив, атаман выбил пепел из трубки, вычистил её травинкой и, повернув голову, поинтересовался:

– Там ваш обоз на пароме только что переправили. Женщина-киргизка, которая в обозе приехала, слёзно просится с бием повидаться. Как мыслишь, дозволить, Пантелей Исаевич?

– Дело твоё, – пожимая плечами, ответил Чернобровин. – Здесь ты атаман, а не я.

– Да мне, в общем-то, наплевать на неё, – потянулся, хрустя суставами, атаман. – Хочет повидать, так и ладно. Только вот подумал я ненароком, а не собирается ли она что-то поведать бию, что могёт навредить вашим поискам?

– Может быть, и собирается, мне почём знать, – покосился на него Пантелей Исаевич. – У меня о другом башка трещит, а не о том, чего кайсачка хочет.

Только он замолчал, к атаману подбежал молодой казак, стоявший на посту у юрты.

– Атаман, там старшина кайсацкий до ветру в лесок просится, – сказал он. – Как быть, отпустить его или... пушай в юрте своей в уголок сходит.

– До ветру захотел бабай старый, – ухмыльнулся подъесаул и... от какой-то мысли, внезапно пришедшей в голову, вскочил с бревна.

Он посмотрел в сторону готовящихся к обеду казаков и позвал одного из них:

– Эй, Мусин, а ну, подь сюды?

Тот подбежал и вытянулся в струну:

– Чего звал, батька?

– Ты же по-киргизски дюже сведущ, Анвар? – спросил атаман, с прищуром глядя на него.

– Есть такое, могу балакать по-киргизски не хуже любого кайсака, – ответил казак.

– А что они промеж себя балакают, понять сможешь? – заинтересовался атаман.

Казак пожал плечами.

– Мыслю, что смогу, – сказал он. – Я же...

– Всё, не надо мне обсказывать, где киргизскому собачьему языку обучился, знаю я, где... – атаман выразительно глянул на казака, стерегущего бия в юрте. – Сейчас Муса Саида до ветру в кусты сопроводит, а ты нырнёшь ужом в юрту и занькайся где-нибудь внутри. Как бий воротится, я велю привести к нему в юрту пленённую жёлтинскими казаками кайсачку. Об чём они толковать будут промеж себя, ты внимательно послухай, запомни, а опосля мне передашь.

* * *

Вошедшая в юрту кайсачка сразу же поспешила к сидевшему на нарах бию, упала перед ним на колени и, обхватив ноги старика руками, стала целовать его сапоги.

– Всё, всё, успокойся, Нуйруз, – провёл по её голове ладонью Саид. – Знаю, знаю, что ты ни в чём не виновата. Это мой беспутный сын Ирек заставил тебя сделать то, что ты сделала.

– Да, так и было, Саид, – неожиданно заговорила с ним женщина на уйгурском языке. – Я видела, что пока тебя не было в юрте, сюда вошёл казак. И не заметила, чтобы он выходил.

– Хорошо, давай говорить по-уйгурски, – ответил ей бий. – А казак, если послан подслушивать, значит, затаился под нарами. Но мы его искать не станем, он всё равно не поймёт, о чём мы говорим.

– Саид, прости меня за всё, что я сделала, – сказала Нуйруз. – Ирек сказал, что убьёт моего сына, если я не сделаю того, что он велит. И ещё он запретил мне рассказать о своём замысле тебе, и я под страхом смерти подчинилась его воле. А теперь казаки здесь, а я...

Женщина, горько плача, закрыла лицо ладонями.

– За своего сына не беспокойся, – стал утешать её бий. – Я отправил его с надёжным человеком в татарскую Шишму. Его там никто не найдёт. А тебе я передам вот что...

Откуда-то из недр халата бий достал свиток и протянул его женщине.

– В нём свёрнуто три письма, – сказал он, передавая рулон из тончайшего шёлка Нуйруз. – Одно письмо тебе, потом прочтёшь. Второе тому, к кому я отправил в Шишму твоего сына, а третье – султану Хивы Мухаммаду Рахиму.

Перестав проливать слёзы, женщина взяла письма, быстро спрятала их в складках одежды и с недоумением посмотрела на бия.

– Что-то я не понимаю тебя, Саид? – прошептала она. – Ты как будто прощаешься со мной?

– Да, прощаюсь, но это я так, на всякий случай, – вздохнул бий. – Казаки, ушедшие в погоню, не найдут в обозе девушку. Ирек уже надёжно спрятал её. Скоро они вернуться, и кто знает, что они со мной сделают.

– А со мной? – всхлипнула женщина. – Они знают, что это я заманила девушек в юрту, опоила их сонными травами, после чего Ирек и Касымхан похитили их.

– Нет, казаки не такие шайтаны, как мы про них думаем, – ухмыльнулся бий. – Они способны на многое. Бесстрашны в бою, беспощадны к врагам, но не трогают никого, если их не трогают. И тебя они оставят в живых как женщину, а ты...

* * *

Жёлтинские казаки вернулись на поляну, бывшую становищем кайсаков, ближе к вечеру. По их понурым лицам без труда можно было догадаться, что погоня за обозом кайсаков не увенчалась успехом.

Пантелей Исаевич встретил сына стоя и...

– Вы не нашли Тамару, так ведь? – спросил он, будучи готовым заранее услышать отрицательный ответ.

– Мы нагнали обоз, отец, но ее там не было, – сказал Матвей, сходя с коня и уводя глаза в сторону. – Этого проклятого киргизина Ирека в обозе тоже не было. Он всё предвидел, предугадал и ушёл с Тамарой другим, не известным нам путём.

– Эдак я и думал, – вздохнул и взялся руками за голову несчастный отец. – Именно сейчас мы вернуть Тамару не сможем.

– А я полагаю, что мы её больше никогда не увидим, – тяжело вздохнул Матвей. – Мы даже не знаем, где её искать, и, чуя, никогда не узнаем.

– Увидим не увидим, бабка надвое сказала, – возмутился старый казак. – Да, Ирек сбежал и увёз с собой нашу Тамару. Но у нас в руках его отец, бий Саид! Сейчас мы заберём его с собой, и... мы его обменяем на нашу Тамару.

Матвей недоверчиво посмотрел на отца.

– Ты считаешь, что Ирек пойдёт на этот обмен? – спросил он.

– Пойдёт, – кивнул Пантелей Исаевич уверенно. – Устои у них такие. Даже ежели Ирек не хочет выручать отца и расставаться с Тamarой, он всё одно будет вынужден пойти на обмен.

– Тогда что, забираем бия и уходим? – воспрял духом Матвей.

– Больше ничего не остаётся, – вздохнул отец. – Какими бы ни были киргизы подлыми негодьями, но родители для них – это всё. А нам больше не на что надеяться, сынок. Будем уповать, что всё у нас сладится и мы вернём Тамару, обязательно вернём.

Подошёл атаман жёлтинских казаков Алтунин и посмотрел на старика.

– Ну, что делать прикажете, Чернобровины? – спросил он.

– А что делать, в обрат домой вертаем, – ответил Пантелей Исаевич. – Всё, что могли, мы сделали.

– Домой так домой, – пожал плечами атаман. – А пленных что, отпускаем?

– А что с них взять, они люди подневольные, – пожал плечами Пантелей Исаевич. – Пушай себе живут, раз ни в чём не виноваты.

– Тогда что, едем? – недоверчиво глянул на него атаман.

– Да, возвращаемся, – кивнул утвердительно старик Чернобровин. – Только вот бия Саида «погостить» к себе возьмём. Он хоть и не виноват, но это с его слов. Всей подноготной мы не знаем. К тому же Ирек сын его... Думаю, этот негодяй сам привезёт нашу Тамару менять на своего отца.

– Ты что, и правда веришь, что такое может быть? – округлил глаза атаман. – А ведь ты хорошо придумал, Пантелей Исаевич! А что, всё может получиться зараз. Так что, бия забираем, а пленных отпускаем?

– Мы уже всё порешили, атаман, – вздохнул старик. – Дальше сам решай и сам командуй.

* * *

Поддерживаемый Нуйруз, бий Саид вышел из своей юрты и остановился у входа.

– Прошу в повозку, Саид! – крикнул атаман алабайталцев Халитов. – Жёлтинские казаки оказывают тебе «великую честь» и собираются отвезти тебя к себе, «в гости».

– Да, я понимаю, – ухмыльнулся бий. – Меня решили взять в заложники. Только толку в этом не будет, уважаемые казаки. Мой бесшабашный сын не вернёт вам девушку. Он не уважает ни меня, ни вас и вообще никого.

– Мы забираем тебя только «погостить» у нас, а не в качестве заложника, – выкрикнул жёлтинский атаман. – А про твоего сына разговор не ведётся.

– Даже если и не ведётся, я всё одно понимаю, что вы забираете меня не просто так, – вздохнул бий. – Только хочу сказать, что зря вы всё это затеяли. Я никогда не буду заложником, и для меня как старшины рода унизительно быть чьим-то пленником. К тому же я стар и очень болен.

– У тебя нет выбора, Саид, – сказал Пантелей Исаевич, выходя из толпы казаков. – Даю обещание, что ты будешь жить в моей избе, не зная никаких унижений. Да, мы враги, но я уважаю врагов, которые...

– Не надо, не говори, каких врагов ты уважаешь, – осклабился Саид. – Я давно тебя знаю, и мы об этом только что говорили в юрте. Я бы мог уехать, чтобы спасти свою жизнь, вы все знаете. Но я люблю эту поляну, где мы сейчас находимся, и... я хочу умереть здесь и быть похороненным тоже здесь.

– Эй, Саид, но убивать тебя никто не собирается! – крикнул атаман алабайталцев, уже сидя верхом на лошади.

– Вы убивать меня не собираетесь, а я идти к вам в полон не собираюсь, – ответил кайсацкий бий. – Мой непутёвый сын, послушавшись меня, причинил вам горе. А я... а я...

Он поднял вверх правую руку, сделал резкое движение слева направо и, закатив глаза, с перерезанным острым лезвием горлом, осел на землю.

Нуйруз дико завизжала, упала на колени перед мёртвым телом своего хозяина и обхватила его руками. Самоубийство старшины кайсаков было для всех присутствующих настолько неожиданным, что казаки застыли с широко раскрытыми глазами и открытыми ртами.

– Отец, что сейчас было? – округлив глаза, посмотрел на закрывшего глаза Пантелея Исаевича Матвей.

– Не знаю, как ты, но я мыслю, что Саид поступил как настоящий храбрый воин, – ответил отец. – Но нам от этого ни холодно, ни жарко, сынок. Смерть бия лишила нас последней возможности увидеть когда-нибудь нашу Тамару.

Он с помощью Матвея с трудом взобрался на коня, подстегнул его плёткой и поскакал к переправе.

9

Известие о смерти отца застало Ирека врасплох. Он сначала растерялся, услышав страшную весть, и впал в уныние. Но, хорошо всё обдумав, он быстро взял себя в руки.

– Как это случилось? – спросил он, грозно глянув на сообщившего ему страшную новость двоюродного брата Садыка.

Тот, боясь смотреть ему в глаза, пожал плечами:

– Не знаю, как и почему, но... как сообщил один из воинов, оставшихся с бием во время переправы через реку казаков, уважаемый Саид сам перерезал себе горло.

– А почему он так поступил? – выхватив из-за пояса камчу, вскричал в ярости Ирек. – При мне отец никогда не заводил разговор о смерти, и вдруг... А ну, приведи мне того посланца, Садык. Я хочу посмотреть на него и задать кое-какие вопросы.

Посланца бия быстро привели и поставили перед ним. Прежде чем задать ему первый вопрос, Ирек сначала отхлестал его камчой, а затем, выпустив пар, поинтересовался:

– Говори всё, что знаешь, и не пытайся юлить. Я очень хочу знать всё, что случилось там, на поляне, во время моего отсутствия.

Кайсак, не смея поднять взгляд, рассказал всё, чему явился свидетелем, и когда закончил, весь ссутулился, опустив плечи, ожидая уже более жестокой порки камчой. Но Ирек поступил иначе.

– О чём говорил старик-казак в юрте с моим отцом, ты знаешь? – спросил он.

– Нет, я ничего не слышал, – ответил кайсак. – В то время, по велению вашего отца я прятался в степи и, что происходило на поляне, наблюдал издали.

– С моим отцом, до его смерти, ещё разговаривала Нуйруз, я правильно тебя понял? – грозно свёл к переносице брови, задавая вопрос, Ирек.

– Да, так и было, – поклонившись, ответил кайсак. – Я не знаю, как и почему казаки впустили её в юрту вашего отца, но они её впустили. Нуйруз долго находилась в юрте, но о чём они разговаривали, я тоже не слышал. А потом бий вышел. Казаки собрались возвращаться обратно, на свою сторону за Урал. Бия они хотели забрать с собой, но... ваш отец, не желая ехать с ними, сам перерезал себе горло.

– Понятно, это казаки довели отца до самоубийства, – свирепо вращая глазами, сделал вывод Ирек. – Это они, проклятые, виноваты в его смерти! А я... я должен отомстить им за смерть отца, и... я займусь этим сразу после похорон.

– Да, но это опасно, брат! – раболепным взглядом посмотрел на него Садык. – Они тебя схватят или убьют сразу, как только увидят.

– А пусть попробуют! – гордо вскинул голову наследник бия. – Я должен участвовать в погребении отца, а там... – он исподлобья осмотрел двоюродного брата: – Пусть одна повозка

с моей пленницей продолжает следовать туда, куда мною велено. А мы все возвращаемся. Надо гонцов разослать по аулам и становищам сегодня, прямо сейчас.

* * *

Переправившись на правый берег Урала, казаки не спешили прощаться и разъезжаться по домам. Показное самоубийство кайсацкого бия Саида воздействовало на них удручающе.

– Извиняйте, братья, всё, что могли, мы сделали! – обратился к жёлтинским казакам атаман алабайталыцев. – Уж не взыщите, ежели что не так.

– Вы, да и все мы сделали всё, что могли, – поддержал его Алтунин. – Проморгали девку, и чую, в обрат её уже не вернуть. Давайте отобедаем все сообща и спрашиваемся. Сделать что-то ещё...

Не находя слов, он посмотрел на стоявших с хмурыми лицами Чернобровиных и развёл руками.

Пантелей Исаевич увёл глаза в сторону и сокрушённо вздохнул.

– А я вот не согласный, – сказал он негромко, но все его услышали. – У меня дочь кайсаки умыкнули, любимую, младшенькую. И как теперь мне быть, кто скажет? Как жить дальше с тяжким грузом утраты, не зная, жива ли моя доченька или покойная? Кто знает, как этот аспид Ирек с ней поступит, кады прознает про смерть отца? Вобьёт себе в башку басурманскую, что это мы с бием в отместку за Тамару расправились, и тогда...

Голос его дрогнул. Пантелей Исаевич замолчал, смахнул рукавом с глаз слёзы и шмыгнул носом.

– Ладно, папа, – вздохнул Матвей, приобняв убитого горем отца за плечи. – Ты же сам понимаешь, что казаки откликнулись на нашу беду и подсобили участием в преследовании похитителей. Они сделали всё, что могли, и не вини их ни в чём. Видать, эдак Хосподу было угодно, что он дал нам испытание эдакое.

Сначала пищу вкушали молча. Казаки были подавлены неудачей и своим бессилием что-то исправить. Ну а когда выпили самогона, языки начали развязываться. Жёлтинцы и алабайталыцы принялись бурно обсуждать все свои действия и выискивать причины постигшей их неудачи.

Матвей посмотрел на сидевшего в стороне и беседующего с атаманами отца, вздохнул, покачал головой и передал стакан с самогоном сидевшему рядом казаку Григорию Рытову.

– Выпей, – сказал он. – Моё нутро чегой-то первача не воспринимает.

– Оно понятно чего, – вздохнул тот, беря стакан и выливая в себя его содержимое. – Чего дальше делать кумекаешь, Матюха? Ежели понадобится, дык обращайся. Сам знаешь, я тебе всегда подсоблю.

– Делать чего-то надо, но в башку не идёт, что именно, – задумался Матвей.

– Ты не знаешь, у меня спроси, – сказал сидевший напротив Сабиржан. – А я мыслю, что Ирека захватить надо. Вот тогда мы и сестру твою возвернём.

Вытаращив глаза, Матвей уставился на друга.

– И-и-и... ты знаешь, как это сделать? – спросил он.

– Знаю, – кивнул утвердительно Сабиржан. – Когда наши казаки поскачут обратно, нам с тобой надо будет остаться и вернуться на ту сторону.

– И-и-и... что нам это даст? – ещё больше заинтересовался Матвей.

– Бий Саид умер, и его будут хоронить сегодня, до заката, а может быть, завтра во время восхода, – стал развивать свою мысль Сабиржан. – Я уверен, что Иреку уже доложили о смерти отца и он обязательно приедет.

– А почему он приедет сюда хоронить отца, а не увезёт тело подальше отсюда? – задал вполне уместный вопрос Матвей, и Сабиржан пожал плечами, не зная, что на него ответить.

* * *

Плотно перекусив, жёлтинские казаки стали собираться в обратный путь. Не зная, как быть, ехать вместе со всеми или принять предложение Сабиржана и остаться на похороны, Матвей с задумчивым видом прошёлся по поляне и вдруг...

– Казак, подойди, – услышал он донёсшийся из-за кустов голос пленённой кайсачки. – Я хочу тебе что-то сказать.

Матвей подошёл к кустам, за которыми затаилась Нуйруз, и, покрутив туда-сюда головой, остановился.

– Слушай, казак, – заговорила женщина, не выходя из своего укрытия. – Я видела, как ты разговаривал с другими, и по твоему лицу поняла, что ты собираешься тайно вернуться за реку.

– Ну... допустим, – буркнул недовольно Матвей.

– А ты не боишься умереть? – заговорила Нуйруз проникновенным, вкрадчивым голосом.

– Нет, не боюсь, – уставился он на кусты, пытаясь разглядеть в них укрывшуюся собеседницу.

– Не боишься, а зря, – снова заговорила женщина. – Уже скоро, на поляне, соберутся очень много людей, приехавших проститься с бием. И если ты попадёшься им на глаза, то тебя растерзают.

– Это ты считаешь, а я полагаю иначе, – поморщился Матвей. – Я затаюсь в укрытии и застрелю Ирека, как только его увижу.

– Тогда погибнешь сам и никогда больше не увидишь свою сестру, – вздохнула сочувственно кайсачка. – А ты подумай-ка о родителях. Они ведь совсем одни останутся, ещё и тебя лишившись.

Её слова резанули Матвею слух, и он поморщился.

– Эй, а почему это вдруг ты обращаешься ко мне с какими-то советами? – посмотрел он недоверчиво на кусты. – С твоей помощью украли мою сестру, а сейчас... Почему я должен верить, что ты желаешь мне добра, и следовать твоим советам?

– Послушай и поверь, я не враг тебе, – ответила женщина. – Заманить твою сестру в юрту меня заставили. А вторая девушка, которая с ней была, сама зашла.

– Выходит, что мою сестру похитили намеренно, заранее подготовившись, – сжав кулаки, высказался сквозь зубы Матвей.

– Уже пора было об этом догадаться, – подтвердила Нуйруз. – Ирек давно воспылал страстью, как только увидел девушку и потерял покой.

– А у него что, жены нет? – сам не зная почему, поинтересовался Матвей.

– Есть у него жена, да намного его старше, – не замедлила с ответом женщина. – Ирек по существующему обычаю был обязан жениться на ней после того, как её муж, старший брат Ирека, погиб.

– Понятно, мою сестру он похитил, чтобы сделать своей наложницей, – скривился от неутолимой ярости Матвей.

– В наших становищах такое не возбраняется, – вздохнула где-то в кустах кайсачка. – Я тоже была когда-то похищена и увезена в степь. И теперь я...

– Слушай, говори, чего тебе от меня надо, и прощай, – сказал Матвей, покосившись в сторону прощавшихся друг с другом жёлтинских и алабайтальских казаков.

– Мне вскоре понадобится твоя помощь, но не сейчас, а позже, – озадачила его своим ответом Нуйруз. – Взамен я помогу бежать твоей сестре. Скорую вашу встречу не обещаю, но... я всё сделаю, чтобы она вернулась домой.

– И... как мне отнестись к твоему обещанию? – засомневался Матвей. – Как к очередному надувательству?

– Нет, как я обещала, так и поступлю, – заверила его женщина. – Кроме как на тебя, я положиться ни на кого не могу. Да и ты будь осторожен, казак. В вашем посёлке есть человек, с помощью которого Ирек организовал похищение твоей сестры. Кто он, я не знаю, но без его участия ничего бы не получилось.

* * *

Перед возвращением в Жёлтый перед казаками встал вопрос, как быть с пленными кайсаками.

– Даже не знаю, что с ними делать? – задумался атаман Алтунин. – С одной стороны, вроде как и спрос чинить с них не за что. В похищении девушек участия не принимали, не бедокурили, а с другой... что с них взять-то? Под арестом содержать – морока одна. Кормить, поить надо, а толку-то с того?

– Да-а-а, обменивать их на кого-то киргизы не станут и дочку мою не вернут, – согласился с ним Пантелей Исаевич. – Да пускай себе уходят. Мы же не вурдалаки какие, чтобы даже вражин зазря губить и кровушку ихнюю лакать.

Все подумали, покумекали и порешили степняков отпустить и по домам разъезжаться.

Пантелей Исаевич кряхтя взобрался в седло и обвёл всех пасмурным взглядом.

– Ну что, поскакали в обрат, жёлтинцы, – сказал он. – Видит Бог, что вины вашей в том нет, что всё зазря прошло. Значит, Господу эдак угодно было.

– Да, всё в руках Господа, – тут же согласился с ним атаман Алтунин. – А сейчас все по коням, братья! По приезде в Жёлтый я обо всём доложу войсковому атаману!

Все казаки, как жёлтинские, так и алабайтальские, вскочили в сёдла, и лишь Сабиржан Бакиев и Матвей Чернобровин остались стоять на земле, держа своих коней за уздечки.

– Эй, а вы чего? – округлил глаза атаман. – Приказа ждёте особого?

– Да нет, я в Алабайтале задержаться на денёк-другой, мыслю, – сказал Сабиржан. – Все знаете, что здесь сестра моя раненая. Хочу возле неё побыть, а уж потом домой вернуться.

– Понятно, у Сабира сестра здесь страдальца, а ты? – свёл к переносице брови атаман, строго глядя на Матвея. – Уж не на другой ли берег сунуть нос мылишься без права на то и подмоги?

– Теперь уж мне там делать нечего, – глубоко вздохнул и пожал плечами Матвей. – Что смогли, то сделали, а что недоделали, теперь уж и не завершить. Я вот решил Сабира одного не оставлять. Мало ли чего. Погостим маленько в Алабайтале, опосля зараз оба и воротимся.

– Ты взаправду эдак решил? – не поверил в искренность ответа сына отец. – А может, ещё есть какая причина тебе оставаться в Алабайтале?

– Да, есть, – кивнул Матвей. – Не хочу лицезреть, как матушка сокрушаться будет после того, когда ты ей всё обскажешь как есть.

– Что ж, будь по-твоему, – не стал возражать Пантелей Исаевич. – Ты казак взрослый, и у тебя своя башка на плечах. Только учти и не забудь, ты единственная опора нашей старости, сынок. Не бедокурь здесь, Матвей, и домой живым вертайся. Не доставляй нам с матушкой ещё большего горя, чем уже есть.

10

Когда умирал важный киргиз, извещались вся его родня и друзья, чтобы они могли приехать поклониться праху. Если родственники находились далеко, ждали их прибытия и хоронили покойника позже.

Выждав два дня, Сабиржан Бакиев и Матвей Чернобровин ночью переправились через Урал и залегли в нанесённый разливом валежник, тщательно в нём замаскировавшись.

Казачи с интересом наблюдали, как съезжавшихся на траурную церемонию гостей с воплями встречали кайсаки. Они принимали у приезжающих лошадей, и те... Женщины входили в юрту, где лежал покойный бий Саид, а мужчины шли в другую юрту, где их принимали и угощали чаем.

– Сабир, – обратился шёпотом к лежавшему рядом другу Матвей. – А почему в юрту входят только женщины?

Сабиржан, достаточно хорошо знавший обряды похорон мусульман, шёпотом ответил:

– В юрту, где лежит тело, вхожи только женщины. Бывает, допускаются и мужчины, но только носильщики и те, кто будет обмывать тело.

Вскоре мужчины, испив чая, выстроились в полусогнутых позах за юртой, где лежало тело, и принялись выкрикивать какие-то непонятные фразы.

– А сейчас они чего вытворяют? – покосился на Сабиржана Матвей.

– Они произносят молитву «Аллах акбар, рахмет кылсын», – ответил тот.

– Много их съехалось, очень много, – прошептал задумчиво Матвей. – Если мы попытаемся сейчас захватить Ирека, то... наша попытка никак не окажется незамеченной.

– Если приехали все, кого пригласили, то похороны состоятся сегодня, – тихо сказал Сабиржан. – Но я думаю, что ещё не все собрались. Бий Саид был очень богатым и знатным человеком среди киргизов. О его смерти оповестили всех вокруг на расстоянии кундук жер (дня пути). Из каждого оповещённого аула или становища приедут по три человека: мулла, аулагасы, аксакал. А с ними кто-то ещё. Они привезут с собой подарки и раздадут их.

– А отпевать бия когда будут? – не удержался от интригующего его вопроса Матвей. – Перед похоронами или как?

– Этого точно сказать не могу, – после короткого раздумья стал отвечать Сабиржан. – Чтецов Корана будет много, и каждый будет читать часть, а их всего тридцать. Приехавшие на аш молитвы будут читать под открытым небом, а может быть, и в юрте умершего. Всё будет зависеть от того, какое примут решение.

Ближе к вечеру тело покойного бия вынесли из юрты головой вперёд. Его лицо было покрыто белым платком, нижняя челюсть подвязана. Облачённое в три савана (кепин) тело вынесли на носилках, сделанных из трёх палок. При выносе мулла совершил молитву (жаназу).

– Послушай, Сабир, а чего с похоронами так затянули? – косясь на друга, поинтересовался шёпотом Матвей. – Я не раз видел, как хоронят мусульман у нас в посёлке. Умершего ночью или утром хоронят в наступивший день, умершего вечером хоронят утром и не ждут приезда дальних родственников.

– Да, кайсаки мусульмане, – зашептал в ответ Сабиржан, – но они хоронят своих покойников, особенно знатных, как только все близкие соберутся на обряд погребения. Таков у них обычай. И сегодня, как мне думается, съехались все.

Увидев кого-то, он, стараясь действовать как можно тише, взвёл курок бердана.

Матвей чуть привстал и, проследив за взглядом Сабиржана, увидел того, ради кого переправился на кайсацкий берег реки.

– Стой, не стреляй, – прошептал он, хватаясь за ствол бердана Бакиева. – Мы не уйдём отсюда живыми, если ты нажмёшь на курок!

– Ничего, до берега добежать успеем, – тяжело дыша, огрызнулся Сабиржан. – Мы для чего сюда пришли, вспомни?!

– Для того чтобы найти Ирека и похитить его, – вспомнил Матвей. – Но сейчас возможности похитить этого киргиза у нас нет. Так что лучше, когда бия унесут хоронить, мы тихо вернёмся на наш берег.

– Нет, я не хочу возвращаться просто так, не отомстив, – заартачился Сабиржан. – Если нет возможности Ирека похитить, то пока ещё есть возможность его убить. И не пытайся меня остановить, Матюха! Я..

Позади, за их спинами, в лесных зарослях, хрустнула под чьей-то ногой сухая ветка. Казаки в одно мгновение замолчали и, готовясь к самому худшему, резко обернулись.

* * *

Увидев троих киргизов с луками в руках, Матвей и Сабиржан на мгновение растерялись. Но состояние растерянности тут же сменил так называемый момент истины, который подстегнул их к незамедлительным действиям. Так как больше ничего не оставалось, они одновременно вскинули берданы и выстрелили.

Сабиржан промазал, а Матвей уложил на месте одного из троих кайсаков. Один из них тоже выстрелил, но выпущенная наспех стрела просвистела у левого уха казака, не причинив ему вреда. Тогда Матвей выстрелил второй раз и убил его наповал. Третий киргиз, оставшись один, тут же ретировался.

– Всё, бежим к реке! – выкрикнул Сабиржан, выбираясь из укрытия. – Сейчас здесь будет целая свора кайсаков, и от них мы не отобьёмся.

Матвей и без него понял, что они оказались в скверной ситуации. Пробежать по лесу до реки надо было метров сто, и он собрался сделать это быстро, но...

Ему пришлось задержаться и зарубить ещё двух кайсаков, вдруг возникших на пути.

Но на этом ничего не закончилось. Из-за деревьев выехало ещё несколько всадников с арканами в руках. Мгновенно сообразив, что ему сейчас не избежать пленения, Матвей метнулся в сторону и избежал роковой петли. Точным выстрелом навскидку он выбил из седла ещё одного кайсака и, воспользовавшись замешательством остальных, что было сил побежал к реке. Когда до воды оставалось не больше десятка метров, казак был вынужден снова остановиться, увидев кайсака, тащившего за собой на аркане Сабиржана Бакиева.

«Сам погибай, но брата выручай!» – мелькнула в голове казачья заповедь. Матвей не раздумывая выхватил нож, метнул его в кайсака, и тот выпал из седла с пробитым острым лезвием горлом.

Откуда-то сзади просвистел летящий аркан, но казаку и на этот раз удалось увернуться от петли. Он схватил попавшуюся на глаза толстую палку, замахнулся и швырнул её в всадника. Кайсак удержался в седле, но предпочёл развернуть коня и скрыться в лесу за спасительными стволами деревьев.

На мгновение наступило затишье. Готовый ко всему Матвей с шашкой в руке осмотрелся. Сабиржана он не увидел и с облегчением подумал, что другу удалось добежать до реки и, возможно, переплыть на другой берег. А вот мысли о том, как быть самому, пробудили в его душе сначала беспокойство, а затем тревогу.

Не было сомнений, что кайсаки не отказались от попыток захватить его и оставаться на их стороне становилось крайне небезопасно. Но куда бежать? Киргизы всюду, и пробраться к реке незаметно невозможно, но... оставаться на месте было ещё опаснее, и тогда Матвей решился на отчаянный рывок.

Он бежал к речному берегу, не думая ни о чём, кроме как оказаться в воде и плыть к противоположному берегу. И вдруг... перерезав ему путь, с арканами выехали десяток всадников. Больше о спасении нечего было и думать. И тогда осознав, что он погиб, Матвей решил дорого продать свою жизнь. Он остановился, вытянул вперёд руку с шашкой, но в этот момент, откуда-то сбоку, аркан со свистом упал ему на шею и петля мгновенно затянулась.

Как свора изголодавшихся зверей, кайсаки набросились на него, избили и связанного по рукам и ногам доставили в становище.

* * *

Ирек не стал разговаривать с пленником после поимки. Сначала он на закате дня похоронил отца, а затем, уже поздно ночью, выбрал время для встречи с Матвеем. Войдя в юрту, он переступил через лежавшего на земле, связанного по рукам и ногам казака, уселся на нары и, ухмыльнувшись, сказал:

– Вот ты какой вблизи, Матвей Чернобровин. А я представлял тебя себе несколько иначе.

– А я таким тебя и представлял, каким вижу, – ухмыльнулся Матвей. – А в общем-то, все вы киргизы для меня как один, круглолицые, узкоглазые...

– Не пытайся меня оскорбить, казак, – осклабился Ирек. – Ты ещё не знаешь, что ждёт тебя впереди. А уже скоро ты об этом узнаешь. И мне тебя жаль, казак... Храбрость и гордость с тебя слетят так быстро, что и сам не заметишь.

В юрте зависла тягостная пауза. Кайсак с ухмылкой смотрел на связанного пленника, а Матвей с лютой ненавистью смотрел на него.

– Видишь, как в жизни бывает, – заговорил первым Ирек. – Ты думал, что охотишься на меня, а на деле... а на деле я приготовил для тебя ловушку, и ты попался в неё, как желторотый птенец.

– Это тебе повезло, что я попался, – огрызнулся Матвей. – А всё должно было иначе быть.

– Нет, иначе быть не могло, – покачал головой Ирек. – Всё получилось так, как я задумал, и вот ты здесь, хотя... хотя мог бы быть сейчас дома. Я не считал тебя врагом и не помышлял заполучить тебя, чтобы сделать рабом. Но ты сам упорно добивался того, чего добился, и вот теперь ты, как и твоя сестра, в моей власти. Она наложница, а ты бесправный раб, существование которого будет зависеть только от моего настроения.

– Что с моей сестрой? – выслушав его, задал вопрос Матвей. – Почему ты похитил именно её?

– Это долгая история, – хмыкнул с издёвкой Ирек. – И я не намерен обсуждать её с тобой, бесправным животным.

– Тогда лучше убей меня, собака, – прорычал Матвей озлобленно. – Запомни, кайсак, покуда я жив, ты не будешь чувствовать себя спокойно.

– Я тебе устрою такую жизнь, что ты будешь всегда испытывать потребность умереть, – вздохнул Ирек. – А за себя я не боюсь. Твоя ненависть не страшит меня, а только забавляет.

* * *

Насладившись своим превосходством над пленником, Ирек вышел из юрты. Какое-то мгновение спустя вошла женщина и склонилась над казак. Матвей открыл глаза.

– Чего тебе? – спросил он, узнав кайсачку Нуйруз. – Тоже заглянула надо мной поиздеваться?

– Я пришла покормить тебя, хозяин велел, – ответила та, помогая ему сесть. – А на меня не сердись. Я предупреждала тебя, чтобы был осторожен, но ты не послушал.

– Развяжи меня, – попросил Матвей. – Не могу же я вкушать пищу со связанными руками.

– Нет, не могу, – ответила отказом женщина. – Если я развяжу тебя, то не доживу до утра.

– А почему вообще Ирек решил меня накормить? – спросил Матвей. – Я даже проголодаться не успел.

– Ирек никогда не объясняет своих прихотей, – вздохнула Нуйруз. – Но кто не исполняет их, тех сурово наказывает.

Она поднесла к губам казака чашу с густым бараньим бульоном, и он был вынужден его выпить. А варёное мясо, которое женщина поднесла к его губам, Матвей есть отказался.

– Всё, сыт я уже, – поморщился он. – На душе кошки скребут и кусок в рот не лезет.

– Это сейчас не лезет, а потом будешь вспоминать о нём, – сказала женщина и добавила: – Когда хозяин сделает тебя рабом, тогда велит кормить отбросами.

Выслушав её, Матвей пожал плечами.

– Что будет, то и будет, – вздохнул он. – Я не знаю своей судьбы, но полагаю, что она будет милостива ко мне. А то, что я в плену, так это ниспосланное мне испытание.

– Может быть, и так, – не стала возражать Нуйруз. – Раз ты здесь, по рукам и ногам связанный, значит, так должно быть. Ты вот здесь, а второго, с кем пришёл ты на наш берег, так и не нашли.

– У-у-ух, – вздохнул с облегчением Матвей. – А я, грешным делом, подумал, что погиб он.

– Нет, живой он, – усмехнулась женщина. – Я сама слышала, как Ирек с двоюродным братом Садыком о нём разговаривал. Садык сказал, что тот, с которым ты был, нырнул в реку и уплыл, а Ирек, выслушав его, как мне показалось, и не рассердился вовсе.

– А чего ему сердиться? – вздохнул Матвей. – Сдаётся мне, что это только я Иреку был нужен, а Сабиржан... Смогли бы его словить, то рядом бы сидел, а не смогли... И пенять не на кого из-за своей нерасторопности.

– Он ушёл, а тебе за двоих страдать предстоит, – покачала головой Нуйруз, собираясь выходить из юрты. – Это только сегодня Ирек такой добрый, а вот что дальше будет, тебе ещё узнать предстоит и на зубок поцвевать.

Сказав, она приподняла полог и выскользнула из юрты. Проводив её хмурым взглядом, Матвей едва не закричал от отчаяния, осознав трагизм и глубину беды, в которой оказался.

11

Прошло лето, наступила осень и приближалась зима.

Проснувшись рано утром, Пантелей Исаевич Чернобровин лежал в кровати, переваривая в голове странный сон, который привиделся ему под утро. Снились дочь Тамара и сын Матвей. Что они делали, Пантелей Исаевич не помнил.

Мучительно заныло сердце. Мысли спутались, но образы детей никуда не делись. Стройная красавица Тамара, не в меру храбрый и удалой Матвей... Где они теперь? Живы ли сейчас или...

За печкой скрипнула половица, и послышался слабый дребезжащий голос супруги:

– Пантелеюшка?

– Чего тебе, Агриппина?! – выкрикнул Пантелей Исаевич, встрепенувшись.

«А чего же я интересуюсь?» – подумал он, зная, что жена повредила умом от горя.

– Чего тебе, Агриппина?! – снова выкрикнул он, но уже тише. – Может, чего принести?

Не дождавшись ответа, он встал с кровати, зачерпнул в баке ковшик воды и поднёс его супруге.

– На-ка вот, испей, – сказал он. – Сейчас всё с тебя сойдёт и покой нахлынет.

– А Тамара не приходила? – сделав пару глотков, спросила супруга. – Там ведь коровушки, поди, не доены?..

– Доит их сейчас Тамара, лежи, – сказал Пантелей Исаевич. – Ты спи-отдыхай, а я коровушек в табун выгоню.

– Я сейчас подсоблю ей, – попыталась встать с кровати Агриппина Ивановна. – Я сейчас... Я...

– Всё, лежи, не вставай, мы с дочкой сами управимся, – удержал её Пантелей Исаевич. – А я тебе обскажу опосля, что у нас получится.

В избу вошла маленькая сухенькая Ракиля Ишмухаметова, приставленная атаманом подсоблять по хозяйству осиротевшим старикам Чернобровиным. Послушная, опрятная и очень расторопная. Любое дело спорилось в её ловких руках. Женщина вошла в избу с ведром, полным парного молока.

Пантелей Исаевич посмотрел на неё:

– Налей-ка кружечку, Рая.

Выпив молока, он почувствовал прилив бодрости, словно от живой воды.

– Животину в табун выгнала, Рая? – поинтересовался Пантелей Исаевич. Он всегда называл Ракилю этим именем, так как оно звучало проще и для него привычнее, а она охотно откликнулась на него.

– Да, выгнала, – ответила женщина.

– Хворых нет?

– Как будто нет, – пожала плечами Ракиля.

– Ну-у-у... тогда занимайся с Агриппинушкой, а я покуда к атаману схожу, – вздохнул Пантелей Исаевич. – К обеду щец свари. Да капусты больше в чугунок клади, чтоб ложка стояла.

Отказавшись от завтрака, он вышел из избы и пошагал к атаманской поселковой администрации. По улице Чернобровин-старший двигался не спеша, заложив за спину руки и слегка нагнув в раздумье голову. Он старался прогнать теснившиеся в голове тёмные мысли и думал о том, что просить у атамана и от чего отказаться, если тот вдруг что-то предложит.

«Главное, просителем не казаться, – мысленно поучал он сам себя. – И держи себя ровно, Пантелей. Не забывай, что ты казак, а не нюня, и веди себя должным образом...»

* * *

Поселковый атаман Трофим Алтунин сидел за столом в горнице и смотрел застывшим взглядом в сторону окна. Уже два дня он не мог заставить себя взяться за работу, хотя дел накопилось немало. Все его мысли были направлены на налёт кайсаков, угнавших с пастбища стадо коров. Казаки хоть и организовали преследование, но запоздало. Мало того, степняки не просто угнали коров за реку Сакмару, но и переправили их на пароме, связав и разоружив паромщиков.

Вернувшись в посёлок, злые от постигшей их неудачи казаки собрали круг, который с самого начала превратился не в обсуждение, а в ругачку. Казаки, не соблюдая традиций и правил, спорили, вымещая душившую всех досаду, вызванную бессилием что-либо изменить.

«Да-а-а, обнаглели киргизы, мать иху, – уныло думал атаман, сидя за столом. – А всё началось в самый раз после похищения Тамары и Матвея Чернобровиных. Мы проявили тогда слабость, не доведя до конца того, что начали, и вот... киргизы возомнили, что всё им дозволено, и снова стали вершить набеги на наши, казачьи территории...»

Трофим Никодимович потрянул головой и криво поморщился.

Хлопнула входная дверь, послышались неясные, приглушённые голоса, потом вошёл писарь.

– Атаман, там к тебе пришли, – сказал он. – Что сказать посетителю?

– Кто явился? – вскинул брови атаман.

– Старик Чернобровин, – ответил писарь.

– Пантелей Исаевич?

Атаман даже привстал из-за стола.

– Что ж, пушай заходит, – вздохнул он. – Негоже почтенного человека, не выслухав, выпроваживать за двери.

Когда Пантелей Исаевич вошёл, атаман отвалился к спинке стула, вздохнул и вяло улыбнулся.

– Можя, не ко времени я? – спросил старый казак, приближаясь к столу и протягивая руку. – Ведаю, что стряслось в посёлке, и... ежели не до меня тебе нынче, Никодимыч, то я, пожалуй, пойду...

– Бери стул и садись на него, – досадливо махнул рукой атаман. – Ежели с делом каким пожаловал, то давай говори, с каким.

Пантелей Исаевич уселся напротив Алтунина.

– Та-а-ак... та-а-ак, – протянул атаман, не спуская глаз с озабоченного лица Чернобровина. – Давненько мы с тобой так вот, с глазу на глаз, не калякали. Так с чем ты пришёл, Пантелей Исаевич, говори.

– С чем я пожаловал, ты и сам знаешь, – вздохнул старик. – Вот хочу послушать, что ты мне скажешь.

– Нет у меня покуда никаких сведений о детях твоих, извиняй, – развёл руками атаман. – Я уже много писем отправил в войсковую канцелярию, но ответов покуда нет.

– Сдаётся мне, и не будет никаких ответов, – ухмыльнулся Пантелей Исаевич. – А не будет потому, что отвечать им нечего.

– Ну, хоть что-то они должны нам отписать, – поморщился атаман. – Хоть что-то, но они же делают.

– Ничего они не делают, – поморщился старик.

– А я уверен, что...

Атаман вдруг понял, что ни в чём не уверен, и, пожав плечами, замолчал.

– Вот-вот, помолчи лучше, – вздохнул Пантелей Исаевич. – А я пойду, пожалуй. Что-то нужда отпала обсуждать дело то, с каковым я к тебе явился.

– Раз пришёл, так давай обсудим, – оживился атаман. – Сначала скажи, как супруга твоя Агриппина Ивановна поживает?

– Поживает? – ухмыльнулся Пантелей Исаевич. – Да никак она не поживает, токо небо коптит. От тоски по детям умом тронулась супружница моя, сам ведаешь. Не ест ничего, одну токо воду дует. Ежели бы не Рая...

Он вздохнул, шмыгнул носом и смахнул рукавом выкатившиеся из глаз две крупные слезинки.

– Да-а-а, понимаю я беду твою, Пантелей Исаевич, шибко понимаю и всей душой тебе сочувствую, – вздохнул атаман. – Вот не знаю, осерчаешь ты или нет, но я...

Он замолчал, как будто задумавшись над тем, сказать, что собирался, или воздержаться.

– Ну, говори, что собрался, – насторожился Пантелей Исаевич. – Чем-то порадовать или огорчить меня мыслил, Никодимыч?

Атаман пожал плечами.

– Порадую или огорчу, сам не ведаю, – сказал он. – А вот дочке твоей старшей я письмо отписал и отправил. В нём я всё сообщил, что стряслось с семьёй вашей.

Старик Чернобровин изменился в лице. Он тяжело перевёл дыхание, ладонь правой руки приложил к груди и стал медленно-медленно подниматься, упираясь левой рукой в край стола. Затем казак покачнулся из стороны в сторону и выпрямился во весь рост.

– А вот это ты зря сделал, Трофимка, – сказал он каким-то чужим голосом. – Я что, просил тебя об этом?

Он покачнулся, но устоял.

Атаман встревоженно вскочил, намереваясь прийти ему на помощь, но Пантелей Исаевич отстраняющим жестом остановил его.

– Для какого ляду ты это сделал, Трофим? – тяжело дыша, спросил он. – Она ведь, Маруська, как замуж вышла, уехала на Кавказ, все связи с нами напрочь оборвала. Уже больше десяти лет от неё ни слуху ни духу, а ты...

– А я посчитал незазорным вас примирить, вот и отписал писульку, – вздохнул атаман. – А там уж прав или не прав я был, жизнь покажет.

* * *

Молодой резвый жеребец бежал по едва просматриваемой дороге в бескрайней степи. Время близилось к вечеру.

Управлявший лошадей, сидевший на козлах крытой повозки юноша выглядел молодо, лет на семнадцать-восемнадцать, не больше. Но одетый в черкеску, в заломленной на затылок папахе, он, несмотря на возраст, казался бывалым, много чего повидавшим в жизни воином.

Вооружение молодого казака тоже было внушительным. К поясу пристёгнуты два кинжала: прямой – кама и кривой – бебут. Тут же, из-за пояса, торчала рукоятка ножа. Справа от юноши лежала изготовленная из кизилых веток в форме рогача рогатка. Она в основном использовалась в разведке, когда нужно было по-тихому вывести из строя противника. Орудия двумя рогатками, умелый казак мог противостоять вооружённому противнику, выбить у него оружие, оглушить и доставить в расположение языка. Рядом с рогаткой лежало ударно-дробящее оружие, так называемое гасило, или кистень. Из-за голенища сапога выглядывала ещё одна рукоятка «тайного» оружия, называемого засапожник. Это оружие «последнего боя», железный заостренный штырь до тридцати-сорока сантиметров. Находясь в безвыходном положении, например в рукопашной схватке, казак мог воспользоваться им и убить или тяжело ранить противника.

За спиной казака откинулась занавеска, и показалось лицо женщины. Её можно было бы назвать красивой, если бы не чёрная повязка, скрывающая глаза.

– Где мы, Борис? – поинтересовалась она, коснувшись легонько пальцами плеча управлявшего лошадей казака.

– Всё там же, в степи, – ответил, не оборачиваясь, юноша. – А ты что, заскучать уже успела, Маруся?

– На душе чего-то муторно, – вздохнула женщина. – Вот только что почувала.

Юноша покрутил туда-сюда головой, привстал, посмотрел назад, затем вперёд и пожал плечами:

– Вокруг спокойно вроде как... Я никого не углядел.

– Если ты не углядел, это ещё не значит, что где-то рядом никого нет, – сказала обеспокоенно женщина. – Степняки хорошо умеют на степных просторах прятаться. Их не видно, а они здесь.

Юноша, натянув вожжи, остановил лошадь, прыгнул с повозки и, встав на колени, приложил ухо к земле. В течение нескольких минут он прислушивался, а затем, встав на ноги, сказал:

– Стук копыт слышал многих лошадей. И все они в нашу сторону скачут.

– Тогда бери вожжи и погоняй, – сказала женщина. – Может быть, по пути отыщется какое-то укрытие, за которым мы сможем схорониться.

Больше не тратя времени на разговоры, юноша вскочил в повозку, взял в руки вожжи и взмахнул кнутом.

* * *

Подгоняя коней нагайками, трое всадников скакали по степи. Одетые в черкески, папахи на головах, заросшие усами и бородами лица... Трудно было определить, какой национальности принадлежали воины, но и жителями степей они не являлись точно.

Скакавший впереди мужчина правой рукой потянул за уздечку, а левую поднял вверх.

Всадники остановились.

– Ну что, казаки, – обратился он к остальным. – Отсюда в обгон пойдём. Нам надо будет опередить повозку и у степного ручья затаиться.

– А почему эдак, Гордей? – поинтересовался другой казак. – Чего в прятки-то играть? Тут дело сурьёзное, а мы...

– Давайте не будем обсуждать наказ Ефима, браты, – посмотрел на него Гордей. – Мы не можем обсуждать повелений есаула. Как он сказал, эдак и действовать будем.

– Тогда что, в обгон? – сказал третий казак, приглаживая ладонью шею пляшущего под ним коня.

– В обгон, – кивнул Гордей, легонько подстёгивая нагайкой красавца-коня. – Мы должны вперёд доскакать, чтобы...

Он не договорил и пришпорил бока скакуна каблуками.

* * *

Из-за холма неожиданно выехал внушительный отряд всадников. Подстёгивая коней нагайками и пришпоривая, они ринулись догонять мчавшуюся по степи повозку.

Борис сначала пытался оторваться от преследователей, но уже вскоре уставший жеребец стал сбавлять бег. Да и преследователи не особо усердствовали, видя, что повозка замедляет ход. Грабить купеческие обозы не требовало больших усилий, и потому степняки заранее предвкушали лёгкую добычу, но...

– Сколько их? – выкрикнула Мария, готовя к стрельбе штуцер.

– Человек двадцать, не меньше, – задорно и бесшабашно крикнул Борис в ответ. – Ну, ничего, где наша не пропадала, сноха! Даст Бог, отобьёмся!

Он обернулся к Марии и засмеялся, сверкая зубами:

– Я слышал, что калмыки, кайсаки и степняки всякие разные так себе младенцы по сравнению с горцами, с кем мы воевать привыкли, а значит, мы им сейчас... Готовь оружие, сноха. Чую, уже скоро применять его буду.

Женщина хотела что-то сказать, но промолчала. Уверенный тон юноши, его решительный настрой, бесшабашность, вера в собственные силы... Где-то внутри она усомнилась, что Борис в одиночку сможет отразить атаку степных разбойников, и предпочла дать ему умереть с честью, как настоящему воину, а не как нуждающемуся в помощи желторотому юнцу.

Борис ослабил вожжи. Утомлённый бешеной скачкой, конь умерил бег и пошёл шагом. Юноша бросил вожжи, обернулся и посмотрел на застывшую в ожидании женщину.

– Что ж, прости, сноха, ежели сложу головушку и не смогу тебя уберечь, – сказал он, натянуто улыбнувшись. – Но я запросто так не отдам врагам свою жизнь. Я покажу степнякам, чего стоят кубанские казаки в бою и почём фунт лиха!

Всё поняв, женщина протянула ему штуцер, который держала в руках, и юноша залёг с ним в задней части повозки.

Тщательно прицелившись, Борис выстрелил. Скакавший впереди остальных степняк взмахнул руками и вылетел из седла.

Юноша обернулся, взял из рук Марии заряженный бердан и снова прицелился. Преследователи были так близко, что можно было стрелять по ним, уже не целясь.

Вторым выстрелом Борис вышиб из седла ещё одного степняка и положил ружьё с собой рядом. Презаряжать его не было времени.

– Да подсобят нам Бог, святые угодники и ангелы небесные! – громко воскликнул он, выхватывая из ножен правой рукой шашку, а левой кинжал. – А ну...

Он откинул прикрывавший заднюю часть повозки полог и, увидев выстроившихся в ряд разбойников, опешил.

Увидев его, степняки рассмеялись и стали засовывать в чехлы луки, которые держали в руках. Они явно не считали юного казака опасным противником и смотрели на него как на балаганного шута.

Демонстрируемое ими пренебрежение разозлило Бориса и вывело его из себя.

– Что, весело? – закричал он возмущённо. – Ну-ну, хохочите громче, тати раскосые! Я сейчас вам подкину ещё шибко весёлую шутку!

Он замахнулся левой рукой и метнул зажатый в ней кинжал в ближайшего к нему разбойника. Остальные сразу же перестали смеяться, как только, крутанувшись в воздухе, кинжал впился в горло их собрата.

– Ну, чего не хохочете, собаки?! – выкрикнул хриплым, сорванным от волнения голосом юноша и взмахнул шашкой. – Живым меня взять даже не надейтесь! Мы, казаки, не созданы для плена, рабства и унижений.

Демонстрируя разбойникам свою решимость, Борис снова взмахнул над головой шашкой, и в это время брошенный одним из степняков аркан опоясал его плечи, лишив возможности продолжить бой.

Заарканивший его степняк тут же прищпорил лошадь и с громким гиканьем помчался в степь. Не успев что-то сообразить, юноша оказался на земле и...

Разбойник стегал коня нагайкой, и тот не скакал, а летел вперёд. Юноша скользил за ним по земле. Трава, жухлые, полувысохшие кустики обжигали до резкой боли руки, шею, лицо. Борис не слышал выстрела, прозвучавшего откуда-то из степи, он не видел, как волочивший его на аркане степняк вылетел из седла, он не чувствовал боли на содранных руках, лице, и мыслей в голове не было. Пустота, безразличие ко всему – к себе, к тому, что случилось, и...

«А как же сноха?»

Мысль о жене брата Марии обожгла, встряхнула, заполнила собой всё. Что со снохой, которую он обязан был защищать и доставить до места? И вдруг, пугая самого себя, юноша поднялся на колени, затем медленно встал на ноги и сорванным голосом хрипло закричал:

– Ма-ри-я!

12

Кайсацкий плен с самого начала стал для Матвея Чернобровина тяжким испытанием. Люди Ирека привезли его в глухую степь и посадили в глубокую яму, закрыв тяжёлой железной решёткой.

По степи ехали трое суток. Со стянутыми руками, привязанный к повозке, Матвей был вынужден идти за ней следом, с трудом передвигая подгибающиеся от усталости ноги. Жаловаться на что-то не было смысла. Ещё в самом начале пути он предпринял попытку сопротивляться, но... сразу был жестоко наказан за свою прыть.

Расположившись на скамеечке, Ирек хладнокровно наблюдал, как с Матвея содрали одежду и привязали его руками к повозке. Один из кайсаков достал из мешка плетё, состоявшую из нескольких кожаных плетений, на концах которых были закреплены свинцовые шарiki. Повинуясь жесту Ирека, кайсак нанёс десять ударов по спине казака. Боль была невы-

носимой, потемнело в глазах, но Матвей, хоть и упал на колени, но не позволил себе вскрикнуть, чтобы не показать киргизу всю ту муку, которую он испытал во время жестокой порки.

– А ты крепок духом, казак, – оценил его стойкость Ирек, отдав команду прекратить порку. – Но это только начало... Уже скоро я переломлю тебя, как тростинку, и ты... Впрочем, сам скоро всё узнаешь и испытаешь на собственной шкуре.

Весь путь до дальнего становища Матвея больше никто не трогал. Еды ему не давали, лишь изредка поили водой. Добрались до места на третьи сутки вечером, и ему дали немного еды, а затем посадили в яму, которая оказалась уже обитаемой.

– Добро пожаловать в ад, – поприветствовал его невидимый в темноте арестант. – Правда, в отличие от ада здесь очень холодно.

– И тебе желаю здравствовать, уважаемый, – ответил он, пытаясь разглядеть собрата по несчастью. – Ты один или, кроме меня и тебя, здесь ещё кто-то есть?

– Был один, а теперь ты и я, – ответил «сокамерник». – Вот только надолго ли...

Матвей, наконец, рассмотрел своё новое место жительства привычными к полумраку глазами, и у него зануло сердце.

– Господи, Владыка Небесный, да за что мне наказание эдакое? – вскричал он, перекрестившись. – За что я попал сюда, Господи? Какой великий грех сотворил я, сам того не ведая?

– Я год уже в плену кайсацком, – подал голос «сокамерник». – И тоже не пойму за что.

– А бежать отсюда возможно, не знаешь? – спросил Матвей. – Как можно год выдержать в этой норе?

– Я бежать пытался два раза, – вздохнул незнакомец. – За первый побег мне такую порку устроили, что едва выжил. А за второй побег наказали шибче, калекой меня сделали.

– И ты хочешь предложить мне смириться с неволей? – возмутился Матвей.

– Ничего я тебе не предлагаю, – ухмыльнулся незнакомец. – Я тебе поведал то, что со мной случилось. А как быть тебе дальше, сам кумекай.

* * *

Борис Рекунов окончательно пришёл в себя на берегу степного ручья, когда казаки развели костёр, подвесили над ним котелок с водой и стали извлекать из котомок продовольственные запасы.

– Вы мыслите, они ночью сюда не сунутся? – с угрюмым видом поинтересовался юноша. – Мы истребили половину их шайки, но тех, кто улизнул, осталось немало.

– Останется ещё меньше, ежели сунутся, – улыбнулся Гордей. – Но пока у нас есть время сытно поужинать, а уже опосля братья за дело.

Во время приёма пищи разговаривали мало. А когда поужинали...

– Так как вы здесь оказались, братья? – замер в ожидании ответа Борис.

– Интересноуешься... – ухмыльнулся Гордей. – А сам догадаться могёшь?

– Мог бы, то не спрашивал, – буркнул юноша. – У нас с братом какой уговор был... я доведу Марию до места и... обратно тоже привезу.

– Да-а-а... задурил ты мозги брату и убедил его в том, о чём сказал, – хмыкнул другой казак, Кузьма Ремнёв. – А когда вы уехали, Ефим хорошенечко подумал и отправил нас за вами вслед.

– Ты его брат младший, а Мария жена любимая, – ухмыльнулся третий казак, Маркел Баранов. – Вот он и послал нас вслед за вами, чтоб подсобить, ежели что.

– Сам видишь, не зря послал он нас, – вздохнул Гордей. – Степь калмыцкая всегда полна разбойников. Сам представь, что было бы с вами, окажись вы в их руках.

Юноша недоверчиво осмотрел ухмыляющиеся лица казаков. Они были молоды, двадцати пяти лет каждый, но... значительно старше его. Они уже не раз участвовали в боевых схватках с горцами, а он...

«Чёрт возьми, да все они сговорились! – мелькнула в голове Бориса внезапная догадка. – Я вёз Марию, а они скрытно за нами следовали».

– Вы всё заранее обговорили, так ведь? – попытался вывести их на чистую воду юноша. – Брат отправил меня со своей женой, как бы доверив мне ответственное дело, а вы... вы по его указке сопровождали нас издали, так ведь?

Казаки переглянулись и рассмеялись.

– А что, хорошо придумано, – сказал Гордей. – И ты не серчай на брата, Боря. Если бы не степные разбойники, то ты довёз бы Марию до места без оказий и без нашего вмешательства. Но... сам видишь, без нашей подмоги ты бы давеча не выдюжил.

– Он бы не справился, много разбойников было, но нанёс бы им большой урон, – неожиданно высказалась Мария. – Борис вёл себя как настоящий воин и сделал всё, что мог.

Юноша вытаращил глаза и посмотрел на сноху.

– И ты всё знала, Мария, – вздохнул он. – И как я об этом не догадался?!

– Да что теперь переливать из пустого в порожнее, – хлопнув себя по коленям, сказал Гордей. – Всё сладилось, как и было задумано. Ты показал себя хорошим храбрым воином, Борис. Об этом мы доложим твоему брату.

– Видели мы, как ты застрелил двух степняков, – улыбнулся Кузьма.

– И как третьего уколошил, метнув в него кинжал, – хмыкнул одобрительно Маркел. – Не растерялся ведь, а бой с ними принял!

– Не мог я поступить иначе, я же казак! – воспрял духом юноша.

– Вот-вот и я эдак подумал, когда тебя степняк на аркане за собой тащил, – не замедлил пошутить Гордей. – Пришлось застрелить его, чтоб тебя по земле не размазал.

– А как мы ещё восьмерых подстрелили, так они и поджали хвосты, – ухмыльнулся Маркел. – Видел бы ты, как они в степь ломились, будто в праздничных скачках участвовали.

Они разговаривали ещё четверть часа, а потом...

– Всё, за дело, братья, – глянув на звёздное небо, сказал Гордей. – Оставляем здесь лошадей, повозку, и костерок пушай теплится.

– Что, мыслишь, пора? – потянулся Кузьма, вставая.

– Пора, а чего тянуть, – ответил Гордей. – Я мыслю, что после эдакой трёпки степняки напасть сызнава поостерегутся. Но... мы, пластуны, должны всегда всё предвидеть и начеку быть.

– А я куда, тоже с вами? – вскочил с решительным видом Борис.

– Нет, – покачал головой Гордей, – забирай из повозки своё оружие и в лесок Марию уводи. Что будешь там делать, подсказывать не станем. Ты же уже настоящий казак, Борис, и ушлый пластун к тому же...

* * *

После проведённой в яме недели в арестантской жизни Матвея наступила первая перемена. Его захотел увидеть Ирек и приказал доставить к нему в юрту.

Когда казака ввели в юрту, он увидел сидевшего за столиком хозяина, который обгладывал с костей баранину, проглатывая куски, и облизывал лоснящиеся от жира пальцы.

Два кайсака, которые привели Матвея, насильно поставили его на колени и, чтобы он не сопротивлялся, приставили к спине остриё пики.

– Жрать хочешь? – поинтересовался Ирек, держа обглоданную кость в блестящих от жира пальцах.

– Нет, сыт я, – отказался Матвей, чувствуя, как от приступа голода заурчал желудок.
– Ладно, пожри вот, – бросил ему обглоданную кость бий.

Матвей вскинул голову и не удостоил взглядом подачку киргиза.

– Что ж, не хочешь, не надо, – вздохнул Ирек, располагаясь поудобнее на нарах. – Видимо, хорошо тебя кормят там, в яме.

Матвей никак не отреагировал на его едкую издевательскую реплику. Он только предпринял попытку встать на ноги, но остриё копья, упершееся между лопаток, заставило его остаться на коленях.

Ирек ухмыльнулся.

– Знай на будущее, раб, что, завидев меня, ты должен тут же вставать на колени, – сказал он. – Забудь, что ты был когда-то казаком. Ты теперь моя вещь, с которой я могу поступать, как мне заблагорассудится.

– Тогда лучше убей меня, собака, но по-твоему не быть, – процедил сквозь зубы Матвей, одарив киргиза полным ненависти и презрения взглядом.

Выслушав его, Ирек сменился в лице. Оскорбление, прозвучавшее от бесправного пленника, покорило его. Первым его побуждением было немедленно зарубить наглеца, и рука даже потянулась к сабле, но... видимо, какая-то мысль, мелькнувшая в голове, заставила его отказаться от задуманного.

– Уведите, – приказал кайсакам Ирек. – Я подумаю, как наказать раба за его гордыню. Не кормить, не поить... Нужду справлять из ямы тоже не выпускайте.

* * *

Поздняя осень...

Дуют ветры то со степи, то со стороны реки Сакмары. По небу плывут лохматые дождевые тучи.

Пантелей Исаевич сидел в горнице за столом в глубокой задумчивости.

Сколько времени минуло с той поры, как ушла из дома старшая дочь Мария? Сколько долгих лет? Пантелей Исаевич уже и думать о ней забыл. Уехала, не кажет носа, ну и ладно. А атаман взял вот и удружил. Не спросясь и не посоветовавшись, написал и отправил ей письмо.

У Пантелея Исаевича вдруг всплыло в памяти далёкое прошлое, которое показалось ему недавним, и, что самое досадное, он никак не мог изменить его и оттолкнуть от себя. Стояло оно в глазах, тревожило и пугало. Он думал, всё, вырвал из сердца с корнем старшую дочь. Вышла замуж за кубанского казака, укатила с ним на Кавказ и... будто пропала. Ни одного письма она не прислала за десять лет и ни разу родителей навестить не приезжала.

От чего случилось так? Почему он дал согласие на их брак, Пантелей Исаевич никак не мог понять. Как-то всё спонтанно получилось. Но случилось ведь! Казалось, он шибко обиделся на Марию и забыл её, но... не совсем с корнем выдернул из сердца, не получилось.

«Ах, Мария, Мария! – думал он. – Как мне сейчас хочется увидеть тебя. Если обдумать всё спокойно, рассудительно, тогда и понимание придёт, что как была ты нашей любимой доченькой, такой и останешься...»

Пантелей Исаевич зажмурился. А когда открыл глаза, так сразу всех своих детей увидел перед собой. Старший сын, давно уже погибший в схватке с кайсаками, только мелькнул и сразу же исчез, будто за дверь из избы вышел. Мария, лет восьми, в цветастом до колен сарафанчике, сидела напротив и смотрела таким ясным и чистым взглядом, что слёзы умиления показались на глазах старого казака. А вот Матвей, всклокоченный, раздосадованный, пытается вытянуть из реки рыбину, попавшуюся на крючок его удочки...

Но вот он исчез куда-то, а в душе Пантелея Исаевича осталось желание увидеть, вытянул ли упрямец из реки добычу или нет. А вот Тамара...

Во дворе залаяла собака, и Пантелей Исаевич встрепенулся.

– Вот ёшкин кот, – прошептал он. – Или сызнова этот стервец Сабирка явился коня Матвея выпрашивать? Как отвадить этого поганца, ума не приложу...

Соседа Сабиржана Бакиева Пантелей Исаевич люто возненавидел с того самого дня, когда он вернулся в посёлок и привёл коня, которого Матвей забрал у кайсаков и сразу же объездил.

На вопрос Пантелея Исаевича, где сын, Сабиржан смутился и понёс такую околесицу, что трудно было понять, о чём он говорит. Татарин говорил, говорил, а Пантелей Исаевич не перебивал его. Из услышанного он понял, что с Матвеем случилась беда и он попал в плен к кайсакам, а всё остальное...

– Где мой сын?! – закричал Пантелей Исаевич, когда Сабир замолчал и опустил в землю глаза. – Почему ты здесь, а Матвей полонён киргизами?

Сабиржан, конфузясь, пожал плечами.

– Так получилось, – сказал он.

– Ты бросил его, аспид? – процедил сквозь зубы Пантелей Исаевич. – Иначе оба были бы здесь или в плену у кайсаков!

– Да нет, всё не так, – заюлил, оправдываясь, Сабиржан. – Матвей решил вернуться на другой берег, чтобы захватить Ирека, а я пошёл с ним, чтобы подсобить. Но нас обнаружили, и пришлось бежать. Лишь тогда, когда я переплыл реку, обнаружил, что Матвея рядом нет.

– Хорошо, пусть будет так, как ты брешешь, – сдерживая в себе гнев, заговорил Пантелей Исаевич. – Слова твои уже никак не проверишь. Но по моему разумению... – он сделал паузу, так как перехватило горло, но потом, облизнув языком губы, закончил: – По моему разумению, ты сделал всё, чтоб шкуру свою спасти. А теперь ступай прочь, поганец, и чтоб на своём дворе я никогда тебя не видел.

Сабиржан не стал спорить, оставил коня и с видом побитой собаки покинул двор Чернобровиных.

Лай во дворе стал более яростным, и Пантелей Исаевич с тяжёлым сердцем направился к двери. Он вышел на крыльцо, увидел у ворот крытую повозку и в глубочайшем изумлении замер.

У повозки стояли три лошади, и четверо спешившихся мужчин помогали кому-то сойти с неё. Они были похожи на казаков, усатые, бородатые... вот только одеты непривычно – в бурки, на головах папахи и башлыки.

Но гости на мгновение привлекли внимание старого казака, а вот сошедшая с повозки женщина...

Она выглядела потрясающе. В шубе до пят в виде колокола, шитой мехом внутрь, покрытой дорогой тканью и по краям обшитой мехом ондатры, в красивой шали на голове она казалась богатой купчихой. Вот только чёрная повязка скрывала глаза и вызывала недоумение.

Увидев замершего Пантелея Исаевича, молодой казак, почти юноша, взял под руку женщину и подвёл её к крыльцу.

– Уважаемый, не обмишулились мы, подъехав к твоему двору? – спросил он. – Вы Пантелей Исаевич Чернобровин, так ведь?

– Да, я это, – дрогнувшим голосом ответил Пантелей Исаевич. – А вы кто будете, разлюбезные? Впервой вас всех лицезрею.

Юноша пожал плечами.

– Я Борис Рекунов, – представился он. – В станице Радужная проживаю. Со мной ещё три казака, все они оттуда же, откуда и я, с Кавказа. А со мной рядом сноха моя, Мария Пантелеевна Рекунова, в девичестве Чернобровина.

Пантелея Исаевича будто молния пронзила. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, и он едва устоял на сделавшихся ватными ногах.

– Машенька... дочка? – прошептал он. – Ты ли это, Маша?

– Я, папа... я это, – ответила женщина также тихо.

– Всё такая же, писаная красавица, – протянул к ней руки Пантелей Исаевич. – А я всегда думал, какой же ты стала, когда вспоминал тебя... А ты ещё краше, чем я мыслил.

– Ну, уж не краше я стала, а только возрастом старше, – вздохнула Мария, даже не коснувшись протянутых отцом рук. – А ты... – её голос дрогнул, и она замолчала.

– А что я, – хмыкнул растерянно Пантелей Исаевич. – Ты вон повязочку с глазокними и погляди на меня. Корыто старое, вот кем я становлюсь, а ты...

– Рада бы на тебя поглядеть, да не могу я, – поморщилась Мария. – Слепая я, папа... Уже десять лет минуло с тех пор, когда я зрения лишилась.

– Как это слепая? – обомлел Пантелей Исаевич. – Как с тобой стряслась беда эдакая?

– Долго рассказывать, – шмыгнув носом, сказала Мария. – Давай веди нас всех в избу, а там... а там и поговорим обо всём, что со мной стряслось на Кавказе и что с вами здесь случилось.

13

К проживанию в яме Матвей стал понемногу привыкать. Душевные муки, которые ему приходилось сносить, не сделали его покорным мучеником, смирившимся со своей судьбой и туманным будущим. Он знал, что ничего хорошего его не ждёт, и днями и ночами думал о побеге. Ирек больше не вытаскивал его из ямы, не подвергал истязаниям и унижениям, и это невнимание вызывало в душе смутную, болезненную тревогу.

– Чего-то тебя не беспокоят киргизы, казак, – говорил иногда «сокамерник» Иван Лоскутов. – Меня первое время смертным боем лупцевали. Пальцы раздробили на руках и ногах, а потом... а потом будто позабыли о моём существовании.

– Позабыли, вот и радуйся, – тяжело вздохнул Матвей. – Тебя мучить закончили, а меня всё ещё не начали. Сдаётся мне, что этот аспид Ирек готовит для меня какую-то особенную муку.

– Да, истязать меня перестали, но... почему-то ещё не убили, – вздыхал Лоскутов. – Может быть, всё ещё ожидают, что хозяин привезёт деньги, которые задолжал им? Нет, не привезёт. Захотел бы вернуть киргизам долг и забрать меня, то давно бы уже сделал это.

Матвей был с ним согласен. Собрат по несчастью уже год томился у кайсаков в качестве заложника. До этого он служил приказчиком у купца Метельникова. На кайсацкую землю они приехали для закупки шкур. Купец оказался жадным безмерно. Набрал шкур столько, что заплатить за всё имеющихся в наличии денег не хватило. Тогда он договорился с кайсаками, что деньги привезёт, и оставил приказчика Лоскутова в качестве залога. Купец уехал, увёз шкуры и... больше не появлялся в ауле. А Иван Лоскутов...

Киргизы сначала его не трогали. Они кормили его, поили и относились как к «загостившемуся» человеку. Но когда прошло уже много времени, а купец так и не появился, отношение к Лоскутову резко поменялось. Его выдворили из юрты, в которой он проживал, подвергли жестоким истязаниям и поместили в яму.

– Здесь, в этой норе, побывало много народу, – рассказывал он Матвею. – Многих замучили, многих продали, а я вот сижу и томлюсь в ожидании своей участи. В любой день меня могут выдернуть из ямы и сделать со мной всё, что заблагорассудится.

– Мне тоже ждать чего-то хорошего не приходится, – вздыхая, сетовал Матвей. – Бежать отсюда надо, а не надеяться на чудо.

– Бежать... – вздыхал Лоскутов. – Поверь, это невозможно. Аул, где мы сейчас, в самом сердце дикой степи. Даже если и удастся выскользнуть отсюда, то убежать невозможно. Киргизы очень хорошо знают степь и достигнут тебя очень быстро. А когда захватят и вернут,

страшное наказание последует незамедлительно. Истязать и мучить они умеют очень хорошо. Не дай бог, испытать их умение на собственной шкуре...

Матвей слушал Лоскутова и внутренне соглашался с ним. Препятствий для удачного побега было очень много, и все их можно считать непреодолимыми.

Во-первых, он не мог выбраться без посторонней помощи из глубокой ямы, в которой находился. На Ивана Лоскутова рассчитывать не приходилось. Он не мог стоять на изувеченных ногах и тем более посадить изувеченными руками. Даже если и смог бы подсобить, сверху яма накрыта решёткой, к которой на ночь киргизы привязывали пару огромных собак.

Во-вторых, убежать из аула тоже было невозможно. Огромное количество собак разорвали бы его в клочья. Да и в какую сторону бежать, он не знал. Даже если бы и знал, всё равно не смог бы преодолеть пешком по степи огромное расстояние. Матвей помнил, что кайсаки везли его сюда трое суток.

И всё же надо было что-то думать. И казак думал, думал, думал...

* * *

Три дня прожили Мария и кубанские казаки в избе Пантелея Исаевича, но... серьёзный разговор между отцом и дочерью так и не состоялся. Мария всё больше времени проводила у постели матери, хлопотала по дому, готовила еду, доила коров, стирала...

– Как же у тебя всё получается, дочка? – спросил Пантелей Исаевич, всё-таки решившись на трудный разговор. – Ты вроде как, гм-м-м... ты же вроде как незрячая, а на тебя гляючи...

Он замялся и замолчал, чтобы неуместным высказыванием не обидеть дочь. Но Мария не обиделась.

– Сама не знаю, как, но я уже привыкла к своей слепоте, – сказала она, присаживаясь за стол. – Изначально чуть руки на себя не наложила, когда видеть не стала. Это ведь очень страшно погрузиться из света в полную темноту. Но ничего, понемногу смирилась, обвыкла, а теперь... Уже много годочков минуло с тех пор, а я... я себя чувствую так, будто всегда была эдакой.

– А муж? Он тебя не попрекает слепотой, дочка? – морща лоб, поинтересовался Пантелей Исаевич. – Оно ведь как бывает: от здоровых баб казаки на сторону бегают, а ежели жена вдруг изъяном обзаведётся...

– Нет, не из эдаких мой Ефим, – покачала головой Мария. – Он красив, силён, много баб по нему вздыхает, а он... он полюбил меня зараз на всю жизнь, а других не замечает.

– А может, ты не ведаешь всего про него? – усомнился Пантелей Исаевич. – Может, он перед тобой один, а за ворота выйдет и зараз другим становится?

Мария вздохнула и пожала плечами.

– Я ведь, когда ослепла, сама ему говорила, что не хочу его при себе силком удерживать, – сказала она. – Просила отвезти меня сюда, в Жёлтый, и забыть. А он... после того как я ослепла, мы с ним пятерых сыночков нажили. Теперь мы живём душа в душу и всё домашнее хозяйство на мне.

– То есть как это на тебе? – вскинул брови Пантелей Исаевич. – Следует понимать, что в избе ты атаманишь, а чем же Ефим твой управляет?

– О-о-о, у него ещё больше забот, – вздохнула Мария. – Он ведь у меня есаул станичный. Атаман над всем посёлком верховодит, а Ефим мой казаками особливими, пластунами называемыми. А они...

– Тамара, доченька? – неожиданно послышался из-за печи слабый голос Агриппины Ивановны. – Ты коров подоила? В табун выгнала?

Мария встала из-за стола и поправила на голове косынку.

– У-у-ух, – сказала она, – никак не могу привыкнуть, что мама Тamarой называет меня. Сама ведаю, что не в себе она, но...

Она пожала плечами и пошла за печь.

– Ну и ну, – вздохнул Пантелей Исаевич, тоже вставая, – выпала минутка покалякать с дочкой по душам, но... Выйду-ка я во двор и на казаков кавказских погляжу. А с Марусей в другой раз разговор продолжу. Чую, в обрат вертать они скоро не торопятся, знать, выберу времечко всё недосказанное досказать, а неосмысленное осмыслить.

* * *

В тот момент, когда Пантелей Исаевич вышел из избы, Борис Рекунов осматривал захромавшую лошадь. Молодой казак никак понять не мог, когда и где жеребец повредил заднюю правую ногу. Его хромоту он заметил лишь в Жёлтом, да и то на следующий день после приезда в посёлок.

Пантелей Исаевич подошёл к молодому казаку и остановился рядом.

– А где остальные? – спросил он. – Вроде за столом во время завтрака они никуда не собирались нынче.

– Не собирались, да вот собрались, – ответил юноша самоуверенным тоном. – Мы ещё не знаем, на сколько задержимся у вас в Жёлтом, а лошадок надо кормить.

Брови Пантелея Исаевича поползли вверх.

– А у меня что, овёс или сено уже закончились? – спросил он. – Слава богу, кормом для скота я вдосталь запасся. До самой весны за глаза хватит.

– Это твоим лошадям и твоей скотине хватит, – сквасился Борис. – А на наших четырёх коней ты не рассчитывал. А они не меньше твоих пожрать горазды. И порешили мы промеж себя овса закупить, вот за кормом на базар братцы и поехали.

Пантелей Исаевич подошёл к жующему сено жеребцу и провёл ладонью по его спине:

– Хорош, ничего не скажешь. Только вот ему теперь большущая выстойка нужна. Посшибал он задние ноги о передки повозки вашей да и запалился значительно.

Юноша некоторое время молча смотрел на Чернобровина, а затем заговорил необъяснимо-загадочным тоном:

– Ты ведь не о лошади разговоры разговаривать подошёл, Пантелей Исаевич? Ежели я прав, то задавай свои вопросы и не ходи вокруг да около.

Старый казак, не ожидавший такой пронизательности от юноши, на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки.

– Верно мыслишь, малец, не о жеребчике, а об дочке своей обспросить у меня есть желание, – сказал он. – У неё самой интересоваться язык не поворачивается, а вот ты...

– А что я? – вскинул брови молодой казак. – Я могу тебе ответить на вопросы, жизни нашей в станице касаемые. А про Марию говорить ничего не могу. Не хочу быть крайним, ежели вдруг обскажу тебе то, что сноха моя утаить от тебя собирается.

– А вот именно про неё я в самый раз интерес имею, – вздохнул старик Чернобровин. – К чему мне знать, как вы там, на Кавказе своим, проживаете. У вас своё житиё, у нас своё. А вот Маруся... – он замялся, тяжело вздохнул и задал занимавший все его мысли вопрос: – От чего дочка моя вдруг ослепла, обскажи, Христом Богом молю. Я же не какой-то любопытный прохиндей, а отец её.

Юноша посмотрел на полное мольбы лицо старика, поморщился и... сжалившись над чувствами отца, нехотя заговорил:

– С ней случилось несчастье нежданно-негаданно. Соседская лошадь чего-то испужалась и понесла. Мчалась она с гружёной телегой прямо на трёхлетнего мальчика, игравшего на улице.

Мария шла мимо и в последнее мгновение вытолкала мальчугана из-под взбесившегося коня, а сама...

Он замолчал и развёл руками. Но Пантелея Исаевича не устроил такой незавершенный ответ, который вызвал ещё больше вопросов.

– Так что она? – спросил он, хмурясь. – Ты уж досказывай, коли начал.

– Да ничего она, – пожав плечами, вздохнул юноша. – Марию так переломало, будто под мельничные жернова попала она. Конские копыта с подковами, колёса гружённой камнями телеги... Думали, всё, не выживет она, страдальца. А Мария... Она выжила. Изначально полгода между жизнью и смертью витала, ещё полгода вне себя была. Опосля говорить начала, разумно мыслить, а вот глаза... Уж много годочков с тех пор минуло, а ушедшее зрение так к ней и не воротилось.

– М-м-м да-а-а... – выдавил из себя шокированный услышанным Пантелей Исаевич. – Выходит, вот по какой причине она весточек о себе не посылала. Видать...

– Не хотела вас огорчать и расстраивать, папа, – послышался от крыльца голос Марии. Никем не замеченной она вышла из избы и невольно подслушала остаток разговора отца и Бориса.

Юноша и Пантелей Исаевич одновременно повернули головы в сторону избы.

Мария стояла у крыльца с пустыми вёдрами в руках.

– Я хотела, чтобы вы совсем про меня позабыли и не вспоминали никогда, – продолжила она, направляясь к колодцу. – Хотела, чтобы вы меня помнили пусть изредка, но красивой и здоровой, какой я была, а не такой, какой я стала, калекой убогой.

– Ага, «убогая калека», не прибедняйся, сноха! – воскликнул возбуждённо Борис. – Ты опосля пятерых сыновей нарожала, крепких и здоровых! Вон какое хозяйство ведёшь, ни одна зрячая эдак не управляется, как ты во всей станице нашей!

Мария подошла к колодцу, опустила в него, гремя цепью, ведро, после чего обернулась и сказала:

– Я такая же, как и все в станице нашей. Ничем не лучше других... но и не хуже.

Пантелей Исаевич сделал шаг в сторону колодца, чтобы помочь ей отнести к дому вёдра с водой, но Мария будто увидела его и разгадала его мысли.

– Не надо, папа, – сказала она, сама беря вёдра в руки. – Я хорошо помню, как выглядит наш двор и изба. Так хорошо, будто только вчера сюда уехала.

Пантелей Исаевич остановился и сконфуженно затоптался на месте, и вдруг... к воротам подъехала повозка с кубанскими казаками, а следом за ней ещё одна, с жёлтинским атаманом Алтуниным.

* * *

Атаман жёлтинских казаков Трофим Никодимович Алтунин сидел за столом, с юмором рассказывая о своей встрече с кубанскими казаками. После трёх выпитых стопок самогона слова лились из него неиссякаемым потоком и в выражениях он тоже не стеснялся.

– Мне, понимаешь ли, о вашем приезде в посёлок доложили на другой день, – говорил атаман, глядя на гостей с хитроватым прищуром. – Бородатые, усадые, в папахах, а вот одёжка не нашенская. А какая не нашенская, поинтересовался я, кайсацкая что ли? Да нет, не в малахях и не в азиях они киргизских, а в одёжке, каковой горцы кавказские рядятся, ответили мне. Тогда и смекнул я, что энто по моему письму гости с Кавказских гор пожаловали. Вот и ждал я, выжидал, когда они ко мне сами заглянуть соизволят.

– Ждал не дождался и сам пожаловал, – едко подметил Пантелей Исаевич. – И это кстати, а я уже сам идти приглашать тебя навестить нас собирался.

– А я нынче на базаре гостей твоих увидал, Исаевич, – широко улыбнулся атаман. – Подошёл, представился, а они...

Он замолчал, когда Пантелей Исаевич взял в руки рюмку и предложил выпить. Его поддерживали гости, и атаману ничего не оставалось, кроме как присоединиться, и «ознакомительное торжество» продолжилось.

Ближе к полудню, когда застолье было в самом разгаре, уже прилично набравшийся атаман вдруг вспомнил о Марии. Она не присутствовала за столом, а сидела за печью у постели матери.

– Эй, Пантелей, а чего я дочку твою не наблюдаю? – спросил он, покрутив туда-сюда головой. – Эй, Маруся, покажись, ежели ты здесь, в избе? Я помню, каковой ты была, когда на Кавказ уехала, теперь хочу поглядеть, каковой сейчас стала.

– Не надо, не донимай её, Трофим, – меняясь в лице, посмотрел с недовольством на атамана Пантелей Исаевич. – Не хочет она в застолье нашем участвовать, вот и пуцдай...

– А я её к столу и не зову, – перебил его Алтунин. – Вот только гляну на дочку твою старшую и тогда...

– Вот она я, гляди...

Выход Марии из-за печи оказался столь неожиданным для атамана, что он, увидев её, вытарашил глаза и проглотил остаток фразы.

– Ну вот я, вся перед тобой, полюбуйся, господин атаман, – сказала она певучим бархатым голосом. – И как я тебе? Изменилась или осталась прежней?

– Чудеса! – вскричал Алтунин потрясённо. – Да ты прям красавица, Маруся! Вот только... А чего ты повязкой закрываешь глаза? Али какого-то изъяна крепко стыдишься?

– Нет, не стыжусь, – ответила женщина, снимая повязку. – Глаза мои на месте, Трофим Никодимович, только ничего не видят они.

– Вот тебе здрасте, – вздохнул атаман, глядя на красивые, но неподвижные глаза Марии. – Я бы ни за что не догадался, глядя на тебя, что ты... гм-м-м... что ты не видишь.

– Если всё, то я к маме пошла, – вяло улыбнулась женщина и попятилась к печи. – Как и почему я видеть перестала, отвечать не буду.

– Да и не надо, – поморщился атаман. – Ты прости, касатушка, что я изъян твой углядел. Я даже помыслить не мог, что ты...

В душевном порыве он схватил со стола бутылку, налил себе полстакана самогона и залпом выпил. Закусив кусочком сала, он встал из-за стола и стал прощаться с присутствующими.

– Вы уж извиняйте, братцы, ежели что не эдак, – сказал атаман, приложив к груди правую руку. – За хлеб, за соль... за душевный приём отдельное спасибо.

Уже у порога, натянув сапоги и надев на себя полушубок, Алтунин посмотрел на стоявших рядом кубанских казаков и вздохнул.

– Хочу просить вас, братцы, с нашими казаками встренуться, – сказал он. – Про вас уже много разговоров по посёлку ходит и слухов разных ползает. Ежели откажетесь, то...

– Не откажемся, придём, как позовёте, – за всех ответил Гордей Бабенко. – Вам интересно знать, как мы на Кавказе, а нам, как вы здесь живёте.

14

Матвея вытащили из ямы неожиданно, поздним вечером. Крепко связав руки и ноги, его внесли в юрту, где поджидал удобно расположившийся на нарах Ирек.

– Ну вот мы снова встретились, казак, – ухмыльнулся кайсак и, вальяжно потянувшись, хрустнул костями. – На улице холодно, а здесь тепло... Меня что-то развлечься потянуло.

– Потянуло, так развлекайся, – процедил сквозь зубы Матвей. – Я-то здесь при чём?

– А при том, что я решил сделать тебе небольшую встряску, – с плохо скрываемым удовольствием высказал свой замысел Ирек. – Ты засиделся в яме, заскучал, и всякие нехорошие мысли стали будоражить твою голову.

– Чего? – округлил глаза Матвей, поражаясь пронизательности киргиза. – Может быть, ты знаешь, о чём я думаю, сидя в яме?

– О том, как из неё выбраться и сбежать, – пожимая плечами, ответил Ирек. – Ты знаешь, что сбежать отсюда невозможно, но решаешь рискнуть.

– И почему ты считаешь, что я думаю именно об этом? – осторожно поинтересовался Матвей.

– А о чём ещё можно думать, сидя в холодной яме, – вздохнул Ирек. – Если сейчас там очень холодно, то впереди ещё зима. И там можно насмерть замёрзнуть.

– Допустим, что именно о бегстве я и думаю, – морща лоб, сказал Матвей. – Но думать ещё не значит, что я вынашиваю план побега. Из ямы мне не выбраться без чьей-то помощи. Если даже получится, то наверху меня ждут свирепые псы и бескрайняя дикая степь, в которой вы меня без труда отловите.

– Вижу, ты далеко не глуп, казак, вот это истораживает, – ухмыльнулся кайсак. – Кто знает, какие сюрпризы ты можешь выкинуть, вдруг выбравшись из ямы?

– Всего предусмотреть невозможно, – был вынужден согласиться с ним Матвей. – Выходит, ты уже что-то придумал, чтобы лишить меня возможности бежать?

– Вот именно, – кивнул кайсак. – Прямо сейчас я лишу тебя такой возможности.

Повинуясь жесту руки предводителя, приведшие в юрту Матвея кайсаки тут же уложили его животом на скамейку и стянули с ног сапоги.

– Эй, вражина, чего ты затеял? – выкрикнул казак обеспокоенно и раздражённо. – Ты чего собираешься со мной сделать, упырь?

– Сейчас ты лишишься возможности бежать очень надолго, а может быть, и навсегда, – осклабился, отвечая, Ирек. – Жизнь коротка, казак, она очень короткая. Сейчас ты жив, а завтра... завтра ты можешь умереть, если так на роду твоём написано.

Выслушав его, Матвей содрогнулся. Он понял, что сейчас с ним сделают кайсаки, и завыл от досады и отчаяния.

Степняки называли свой метод лишать пленников способности к бегству «подщети́ванием». Они разрезали бедолаге пятки, заталкивали под кожу нарубленного конского волоса, и... несчастный не мог больше ходить как раньше, поскольку конский волос причинял ступням страшную боль. Подвергнутый такой процедуре человек мог передвигаться лишь на корточках.

На кричавшего во всю мочь Матвея никто не обращал внимания. На него навалились со всех сторон четверо кайсаков, а Ирек ловко подрезал на его подошвах кожу. Он натолкал в раны мелко рубленного волоса с конской гривы и зашил тонкой струной.

– А теперь несите его в юрту для рабов, – распорядился Ирек. – Да глаз с него не спускайте, пока не зарастут подошвы.

* * *

Атаман много говорил во время застолья в избе, а Пантелею Исаевичу врезалась в голову одна обронённая им фраза «а дальше что?». И вот уже два дня он не мог отвязаться от этих слов и выбросить их из головы.

А почему не мог?

Прожил он большую, можно сказать, счастливую жизнь, стремясь к благополучию. И, казалось, всё было ему понятно. И жил он как хотел, и поступал так, как считал правильным. А всё ли было правильным в его жизни? Почему вдруг на него обрушилась страшная беда? Это что, «кара Божья»?

Сегодня, после обеда, гостевавшие у него кубанские казаки по приглашению атамана Алтунина ушли на большой поселковый круг для встречи с жёлтинскими казаками. А старик остался, не захотел мелькать среди людей, не было желания. Он взял в руки Библию, провёл по ней ладонью и отложил, так и не открыв её.

Пантелей Исаевич снова подумал о казаках, гостивших в его избе.

«Хорошие ребята, – подумал он о них уважительно. – Много не пьют, а выпивают в меру, ради приличия, и никогда не хмелеют. И до разговоров не больно охочи. Предпочитают больше слушать, чем языками молоть. А дочка...»

Мария вдруг вышла из-за печи, как будто услышав его мысли.

– Присаживайся к столу, дочка, – вздрогнув от неожиданности, заговорил с ней Пантелей Исаевич. – Посидим, потолкуем о том о сём, о жизни нашей. Вы, наверное, уже скоро в обрат на Кавказ свой укатите, а мы с матушкой здесь останемся, в горе по горло погружённые, как в трясины болотную.

Дочь заговорила не сразу. Она подошла к столу, сложила перед собой руки и тяжело вздохнула.

– Даже и не знаю, как быть, – сказала она. – Домой, в станицу возвращаться вроде как и пора, но... никак не могу здесь вас одних оставить. Как подумаю о приближающемся расставании, так сердце кровью обливается.

– Нет-нет, не думай об этом, – покачал головой Пантелей Исаевич. – Какова доля нам выпала, таковой и довольствоваться будем. А ты к мужу, к деткам поезжай. Даст Господь, ещё свидимся. Только письма мне пиши, как вы там поживаете, а я на них отвечать буду.

– Если бы Матвей и Тамара были бы здесь, то я бы со спокойной душой уехала, а сейчас... – Мария замялась, не зная, что сказать.

– Ни Матвея, ни Тамары, наверное, с нами никогда уже не будет, – дрогнувшим голосом сказал, опуская глаза в пол, Пантелей Исаевич. – Кто к киргизам в полон попадает, тот как в бездну канет. А тут... Ирек, будь он неладен, Тамару посреди бела дня прямо с базара умыкнул. Матвей ушёл за Урал, чтобы сестру вернуть, да вот сам пропал без вести. Уже немало времени прошло, а от них ни слуху ни духу.

– А что, если тебе и маме со мной на Кавказ уехать? – оживилась от пришедшей в голову мысли Мария. – Будете в сытости жить, в покое, внучков нянчить. Это же лучше, чем здесь проживать в тягости и горе.

– Нет, отсюда мы никуда, – помотал головой Пантелей Исаевич. – Не могём мы от могил родителей уехать. А Матвей с Тамарой... Кто его знает, может, Господь смилуется и вернёт нам деток наших. Да и мать переезда дальнего не выдержит. Сама зришь, что не жилец она. С каждым днём тает, как снег под весенним солнышком.

Отец и дочь какое-то время провели в горестном молчании. Пантелей Исаевич первым прервал затянувшуюся паузу.

– Так что, когда отъезжать собираетесь? – спросил он. – По моему разумению, не след долго засиживаться, поезжайте, покуда не выпал снег. Повозка ваша на колёсном ходу и по снегу ехать не шибко пригодная.

Мария пожала плечами.

– Даже и не знаю, что сказать тебе на это, папа, – поморщилась она. – Сама ведаю, что уже нам ехать надо, а как подумаю, что оставить вас не на кого, то...

– Дочка, Тамарушка! – послышался из-за печи голос матери, и Мария поспешила к ней, так и не закончив фразы.

Пантелей Исаевич, томимый тупой, неосознанной тоской, вышел во двор. «От чего же на сердце так тягостно, – думал он, сходя с крыльца и останавливаясь. – Сызнова беду чувствует сердечко моё...»

Теряясь в догадках, старик пересёк двор и остановился у ворот. Зябко ёжась, он какое-то время постоял в раздумье. Холодно было, но возвращаться в избу не хотелось.

«Морозец основательный, а снега всё нет, а пора бы, – подумал он. – Река уже замёрзла, морозец давит, земля твёрже камня, а снег...»

– Ты мне головушку не морочь, – послышался от соседских ворот голос девушки.

– И не собираюсь вовсе, – послышался другой голос, мужской.

– Я здесь живу, а ты на Кавказе. Не знаю, где этот Кавказ твой, но чую, что не близко. И я с тобой из Жёлтого туда не поеду.

«Кто бы это?» – заинтригованно подумал Пантелей Исаевич, не сразу узнав голоса говоривших. Он прислушался.

У соседских ворот разговаривали уже тише, и он не слышал о чём. Затем девушка громко рассмеялась, и Пантелей Исаевич округлил глаза: смеялась Айгуль Бакиева, он узнал её голос.

– Ничего у тебя не получится, кавказский ухажёр, – сказала она, отсмеявшись. – Найдёшь там себе девушку, живущую поближе, а я здесь в девках не засижусь.

«Так это что ж получается, – удивлялся Пантелей Исаевич. – Бакиева Айгулька стригунка Борьку захомутала? Он что, даже её на Кавказ увезть помышляет?»

Айгуль и Борис снова заговорили тихо, потом громче, но всё же старый казак не различал выговариваемых ими слов. Он открыл калитку и вышел за ворота. Молодые люди, видимо, увидели его, и послышались удаляющиеся шаги. Через минуту их уже не было видно и слышно.

– Вот чертовка, – прошептал Пантелей Исаевич озадаченно. – Оклемалась от раны и хвостом завертела лярва. Не бывать промеж них ничего, не допущу. Завтра же потолкую с парнем и объясню, что это за семейство гадское! Сабирка сына моего в беде бросил, а эта вертихвостка...

Он в сердцах махнул рукой, крепко выругался, вошёл во двор и, нашёптывая под нос бранные слова, пошагал к крыльцу.

* * *

Тамара Чернобровина не спала всю ночь, «захворала». И причины этой «хвори» сводили её с ума. Ей казалось, что все кайсачки становища, в котором она проживала, искоса поглядывают на неё, и она не знала, куда себя деть от этих взглядов. И днём, и ночью напролёт все её мысли крутились вокруг беды, в которую она вдруг попала.

Близился рассвет, а несчастная девушка так и не сомкнула глаз. Она всё думала, думала – и ничего не могла придумать. Она водила ладонями по животу, и ей чудилось, что там уже шевелится ублюдок. Она с отвращением и ненавистью думала о том, кто поселился в ней, и... Тамара не хотела вынашивать этого аспида, который не может жить, не имеет права!

Со слезами на глазах, закусив нижнюю губу, она вспоминала свою беззаботную жизнь в родном посёлке Жёлтом. Сколько было счастья, сколько радости и желания жить! С каким трепетом она вспоминала ухаживания юных казаков, восторгавшихся её красотой, а теперь...

Тамара брезгливо, с ужасом вздрогнула, вспомнив, как сказка исчезла, когда Ирек похитил её. Через два дня, ночью, он силой взял её. Она отчаянно сопротивлялась, сколько могла, но силы были слишком неравными. Ирек легко сломил её сопротивление.

С того дня Ирек постоянно насиловал её, как только приезжал в становище, в котором поселил её на проживание. Сам он проживал в другом месте, в большом ауле, а здесь появлялся, когда у него выпадало свободное время, и задерживался на дня два-три, всё это время не выпуская её из своей постели. Его не смущало, что всякий раз девушка противилась близости с ним. Она задыхалась от вони, исходящей от его немытого тела, от зловония изо рта, от грязных рук, лапающих её нежное тело. Пленница страдала, плакала, боролась изо всех сил, но её поведение не злило кайсака, а забавляло и приводило в сексуальное возбуждение.

Лежавшая у выхода из юрты кайсачка что-то забормотала во сне, и Тамара вскочила с нар. Обхватив себя за плечи руками, она стала ходить по земле босыми ногами. Земля была очень холодной, но девушка не чувствовала этого. Её голова была заполнена одной мыслью: надо что-то делать. Надо поспешить избавиться от омерзительного плода внутри или наложить на себя руки. Но что же делать, что сделать? Она не видела, а только слышала, как другие женщины делают выкидыши, а в её положении даже совета спросить не у кого. Друзей здесь у неё нет, а враги все.

Дремавшая у выхода в юрту кайсачка открыла глаза и встала.

– Эй, чего ты? – спросила она, глядя на девушку.

Но Тамара не услышала её. Она была всецело погружена в свои думы.

Девушка вышла из юрты и, увидев юродивую, которую все называли Айганша, остановилась. Никто не знал, кто она и откуда. На вид ей можно было дать от сорока лет до восьмидесяти. Айганша была нелюдима, молчалива, выглядела сумасшедшей, но не была таковой. Она обходила стороной людей, жила отдельно, в ауле, в старой латаной-перелатаной юрте, но... юродивая очень любила животных и умела лечить их. Поэтому она часто приходила пешком из аула в становище, где содержались отары овец. Вот за это качество киргизы ценили её и позволяли ей жить с собой рядом, ничем не выделяя, но и не замечая её.

Юродивая, как ни странно, тоже обратила внимание на Тамару и поманила её грязным корявым пальцем. Девушка подошла. Айганша смотрела на неё и молчала. Тамара тоже молчала, дожидаясь, когда юродивая заговорит.

– Маешься здесь, красавица, будто птичка, запертая в клетку.

Внутри Тамары всё сжалось. Взгляд Айганши, как ей показалось, проник в душу.

– Да я... – прошептала она и замолчала.

– Что, избавиться от дитя хочешь? – ошарашила её юродивая. – Не по любви твоё чадо зачато и не принимается ни сердцем, ни душой?

– Да... а-а-а... откуда ты знаешь? – прошептала Тамара. – Об этом никто знать не может. Об этом...

– Никто не может, а я знаю, – ухмыльнулась Айганша. – Уже скоро все знать будут, округлившийся живот спрятать невозможно.

– А ты знаешь, как помочь мне избавиться от ублюдка? – спросила Тамара и с испугом подумала: не слишком ли она откровенна с юродивой.

– Тебе помогу, если желанье такое есть, – сказала вполне разумно Айганша. – Я не охоча до таких непотребностей, но... не спрашивай почему, не отвечу, но если не передумаешь, я приготовлю отвар.

Тамара поёжилась и промолчала, но юродивая чутко уловила её смятение.

– Выпьешь отвар и всё, – проговорила вкрадчиво она. – Вечером выпьешь, а ночью выкинешь.

– Так вот просто? – прошептала потрясённо Тамара, чувствуя, как огнём вспыхнуло лицо.

– Ступай и подумай, – сказала Айганша, отворачиваясь. – Надумаешь, ты знаешь, где меня найти.

15

Минула неделя. И всё это время Матвей Чернобровин провёл в юрте для невольников связанным и в горизонтальном положении. Ему приносили пищу, но он её не ел, а вот от воды не отказывался. Организм противился вживлённому в ступни конскому волосу болезненной реакцией. Травмированные ступни гноились, жар палил внутренности, ломало тело, и наступали минуты, когда душа с трудом удерживалась в брэнном теле.

За Матвеем, как верная служанка, ухаживал Иван Лоскутов. Он поил казака водой, лечебными настойками, и, благодаря его бдительности к концу недели казак пошёл на поправку. Но... не успел он до конца окрепнуть, как в юрту явился Ирек и приказал вошедшим с ним кайсакам развязать его.

– Теперь он никуда не денется, – сказал бий, осмотрев стянувшиеся надрезы на ступнях казака. – Его уже можно не стеречь, а просто за ним приглядывать.

Он дождался, когда руки и ноги пленника освободят от верёвок, после чего сказал:

– Что ж, вставай на ноги, казак. Я хочу посмотреть, как ты теперь ходить будешь.

Ступни ног ещё болели, но Матвей встал на них и тут же вскрикнул. Ему показалось, что он наступил на тысячу разбросанных по земляному полу иголок или на тлеющие угли, оставшиеся после костра. Казак сделал шаг и чуть не упал. Конский волос в ногах причинял страшную боль. И тогда он был вынужден встать на корточки.

– Вот-вот, привыкай. Отныне всегда так ходить будешь, пёс, – расплылся в широчайшей улыбке Ирек. – Не сердчай за неудобство, казак, то ли ещё будет.

Целую неделю Матвей пытался заставить себя ходить на ногах, но ничего не получалось. Боль в ступнях была настолько чувствительной и мучительной, что он не просто ходить, но и стоять во весь рост не мог. И ему больше ничего не оставалось, как передвигаться по аулу на корточках. Строить планы побега больше не было смысла. На корточках далеко не уйдёшь, и надежды на освобождение растаяли, как утренний туман под воздействием восходящего солнца.

Но на этом испытываемые им мучения ещё не закончились. Матвей подсознательно готовился к другим, более ужасным пыткам, и уже вскоре его худые предчувствия оправдались.

* * *

Тамара с тяжёлым сердцем дожидалась ночи. Юродивая, передавая ей отвар, строго-настрого предупредила, чтобы она выпила его втайне от кайсачек, проживающих с ней в юрте.

«Скорее бы ночь, – думала девушка, пытаясь унять в себе страх, заставляющий дрожать все внутренности. – Я избавлюсь от ублюдка и почувствую себя спокойнее. Страшно мне, очень страшно, но больше ничего не остаётся, я не хочу, я не желаю вынашивать дитя этого гадкого киргиза, этого чудовища. Кто знает, может быть, придёт ко мне ещё счастье и я вернусь домой, к родителям. Скорее бы только наступила ночь... Скорее бы только она наступила».

Две кайсачки, приставленные присматривать за ней Иреком, улеглись спать рано. Тамара тоже легла в постель, но сна не было. Выждав какое-то время, она опустила руку, нащупала под нарами бутылёк с отваром. Больше не раздумывая, она выдернула пробку и выпила жидкость. Тамара устроилась поудобнее в своей постели и затаилась в ожидании.

Спустя какое-то время она почувствовала слабость и головокружение. Затем её стало бросать то в жар, то в холод. В конце концов, холод ушёл, а вот жар усилился. Тамара обливалась липким потом, пылал огнём желудок. А она, с трудом перенося боль, лежала и ждала, когда наступит желанная минута освобождения от ублюдка. Но та самая минута наступила далеко за полночь, и тогда...

...Три дня Тамара не поднималась с постели и совсем не понимала, что происходит вокруг. В сознание она приходила очень редко. Приходя в себя, она видела испуганные лица кайсачек, и... она снова проваливалась в беспамятство, уходя из страшной реальности куда-то далеко, в другую, радужную и благостную.

* * *

Во второй половине дня в юрту за Матвеем пришли три вооружённых кайсака. Они связали ему руки, ноги, вынесли на улицу, усадили в крытую повозку и куда-то повезли.

«Ну, всё, наверное, на этом жизнь моя заканчивается, – подумал уныло Матвей. – Зарезут где-нибудь в степи да и бросят на растерзание хищникам. А что, чему быть, того не миновать. Может, всё и к лучшему. Нет более мочи терпеть унижения, оскорбления и чувствовать себя не человеком, а убогим отщепенцем, которым могут помыкать все кому не лень. Раньше я кайсаков за людей-то не считал, а сейчас они надо мной „хозяева“...»

К месту назначения приехали поздно вечером. Это было небольшое становище. Около десятка юрт, не больше. Большой, сляпанный из жердей загон, в котором содержались овцы. Под лай собак повозка подкатила к самой большой, выглядевшей богатой по сравнению с другими юрте, и управлявший лошастью кайсак потянул за вожжи. Матвей приподнял голову и замер, готовясь к худшему.

* * *

Ирек в сопровождении двоюродного брата Садыка прискакал в становище в полдень в отвратительном настроении. От хивинского хана прибыл гонец с приглашением, от которого нельзя было отказаться. Правитель Хорезмского государства был человеком очень обидчивым и не терпел пренебрежительного отношения подданных к своей особе. Любой отказ, даже по очень уважительным причинам, он считал оскорблением, и тогда...

Ирек знал, какую цену придётся заплатить, попав к хану в немилость. Это значило лишиться всего, а главное, его поддержки. А лишаться всего он не хотел и потому стал собираться в дальнюю дорогу.

Въехав в становище, Ирек и Садык остановили коней у юрты, в которой содержалась Тамара, и сошли с сёдел на землю.

– Что-то я никого не вижу? – покрутив головой, сказал озадаченно бий. – Даже коня передать некому. Кроме собак, нас никто не встречает, это тебе не кажется странным, Садык?

– Кажется, очень кажется, брат, – тоже крутя головой, сказал тот. – Сейчас всё выясню. Сейчас...

Из юрты с перекошенным страхом лицом выскользнула кайсачка. Она тут же бухнулась на колени у ног хозяина и, размазывая по щекам слёзы, завывала.

– Заткнись и говори, что случилось? – сведя к переносице брови, потребовал Ирек.

– Там... там... там девка ваша умирает, хозяин, – указывая рукой на вход в юрту, прекратив выть, сообщила кайсачка. – Мы не знаем, чем она отравилась, но похоже...

Она не договорила, снова завывала и стала рвать на голове волосы.

– Пошла прочь, – не больно ударил её в грудь подошвой сапога Ирек, а когда она упала, он перешагнул через неё и вошёл в юрту.

Тамару он увидел лежавшей на нарах. Она была неузнаваема. Девушка лежала на спине, осунувшаяся, с землистого оттенка лицом, в сознании. Увидев Ирека, она узнала его, закрыла глаза, шевельнула потрескавшимися губами, но ничего не сказала.

– Ты сама отравилась или тебя отравил кто-то? – спросил бий, подходя к нарам и усаживаясь на табурет.

Тамара открыла глаза и молча посмотрела на него. В её глазах Ирек увидел страх и почувствовал, как внутри всё затряслось от нахлынувшего возбуждения. Беспомощное состояние наложницы вызвало в нём отнюдь не сострадание, а животное желание овладеть ею.

– Прошу, оставь меня в покое, – жалобно прошептала Тамара. – Я очень больна и сама не знаю причин своей хвори.

Лишь на мгновение внутри Ирека шевельнулась жалость к ней. Он стусевался, но сразу же вновь стал самим собой.

– Причину я узнаю и уже сегодня, – сказал он. – Сейчас Садык выяснит, кто в становище захворал ещё, и будет ясно, что за хворь прицепилась к тебе, простудная или заразная.

Тамара снова закрыла глаза, и болезненная судорога пробежала по её изможденному лицу. Они оба долго молчали. Из уголков глаз несчастной девушки стали вытекать слёзы, которые ещё больше вызвали похоть внутри Ирека. Чтобы сдержать овладевшее им желание, он вышел из юрты и, посмотрев на пасмурное небо, глубоко вздохнул.

* * *

Матвея привезли в становище, когда начало темнеть.

«Сколько же времени я провёл в пути? – подумал он. – В степи не убили, тогда для чего-то меня сюда привезли? Убить меня могли и в ауле, в любое время. Для чего же понадобилось кайсакам меня сюда везти?»

Вопросов было много, но становилось ещё больше, когда казак обдумывал на них ответы, которых, как ни старался, так и не находил. Одно было понятно – для чего-то его сюда привезли. Он пленник и раб, а потому...

– Что, привезли? – услышал он голос Ирека и даже удивился тому, что тот обратился к привезшим его кайсакам не на киргизском, а на русском языке.

«Наверное, хочет, чтобы я его не только слышал, но и понимал, – предположил Матвей. – Значит, киргизы что-то затевают и сейчас, с моим приездом, это „что-то“ начинается...»

– Привяжите его к столбу покрепче, – распорядился Ирек. – Да, вот ещё, рот кляпом заткните да так, чтобы он не умудрился выплюнуть его.

Когда его извлекали из повозки и куда-то несли, Матвей успел осмотреться. Он увидел несколько юрт и понял, что становище, куда его привезли, небольшое и...

«Куда же меня несут и к какому столбу собираются привязать?» – мелькнула в голове равнодушная мысль.

Но над этим долго раздумывать не пришлось. Держа за руки и за ноги, кайсаки перенесли его за юрту, усадили спиной к врытому в землю столбу, завели руки за спину, крепко к нему привязали и заткнули рот кляпом. Разогнав собравшихся вокруг собак нагайками, один из кайсаков куда-то ушёл, видимо, с докладом к своему жожаку об исполненном повелении.

«Ну вот, остаётся только ждать, что сейчас начнётся...» – с безразличием подумал Матвей, готовясь встретить свою участь стойко и отважно, насколько это будет возможно.

* * *

Ирек и Садык сидели в юрте на застеленных красивым ковром нарах и ужинали. Перед ними на большом подносе лежали жирные куски баранины и стояли две чаши с золотистым мясным бульоном – шурпой. Братья ели мясо, тщательно обглаживая рёбра, запивали бульоном и разговаривали.

– Что узнал о «болезни» девки, брат? – смачно рыгнув, поинтересовался Ирек. – Всё время была здорова, а тут вдруг...

– Весь остаток дня я только этим и занимался, – облизав лоснящиеся от жира пальцы, сказал Садык.

– И? Что выяснил? – спросил Ирек, отпив из пиалы пару глотков бульона.

– Беременная она. Все женщины говорят, а у них на это глаз намётан.

У Ирека глаза полезли на лоб.

– Что-о-о? Девка беременная? – выдохнул он. – Значит, её болезнь ни с каким отравлением не связана?

– Получается, что так, – вгрызаясь в баранье рёбрышко зубами, кивнул Садык. – Молоденькая она, не рожала ещё, а тут...

Жуя мясо, он развёл руками.

Ирек, позабыв о голоде и обилии вкусной пищи перед собой, тяжело задышал.

– Надо же, как это кстати, – плотоядно улыбнулся он. – Никогда не приходилось ублажаться с беременной, а тут... Может, это подарок судьбы, брат?

Садык пожал плечами.

– Так ведь она болеет по-настоящему, – сказал он. – И в постели с неё толку не будет.

– А мне плевать, будет с неё толк или нет, – осклабился Ирек. – Важно то, что я получу удовольствие, а она пусть хоть подохнет подо мной. Тем более что она уже начинает мне надоедать и я подумываю о замене «постельной принадлежности».

– Тогда, может быть, ты подаришь её мне? – встрепнулся Садык. – Она мне очень нравится, и я не прочь побаловаться с ней в постели.

Ирек поморщился и сказал:

– Хорошо, я подумаю. Сейчас меня приглашение хана Хивы заботит. Не могу понять, чего это вдруг я ему понадобился? Он поддерживал отношения с моим отцом, а я...

– А ничего понимать не надо, брат, садись на коня и скачи, – высказал своё мнение Садык. – Приглашение правителя Хивы – великая честь. Твой отец дружил с ханом и дорожил этим. Он всегда говорил, что мы хоть и считаемся российскими подданными, но в случае беды он надеется только на помощь хивинского хана.

– Об этом я сам знаю и ехать готов, – поморщился Ирек. – Но меня настораживает само письмо хана. Оно написано вроде обычно, но в нём нет подписи и оттиска печати правителя Хивы.

– А я думаю, что это может быть проверкой твоей лояльности, брат, – предположил Садык. – Всем известно, каков хан, да продлит Аллах годы его жизни! Он никому не доверяет, всех подозревает. Кто знает, а может быть, приглашение какая-то проверка?

– Ты так считаешь? – сузил и без того узкие глаза Ирек. – А почему проверка? Почему хан решил меня проверять? Я не его подданный.

Садык хмыкнул и в очередной раз пожал плечами.

– Проверка в том, чтобы узнать твою лояльность к нему, – сказал он. – Хан был уверен в твоём отце, брат, и никогда его не беспокоил по пустякам. А ты... Тебя правитель не знает. Он приказал написать приглашение, а подпись и печать умышленно не поставил.

– Но почему? – напрягся Ирек. – Почему так поступил повелитель Хивы? Как можно объяснить эту его прихоть?

– Думаю, наверное, чтобы поставить тебя перед выбором, – высказал свой довод Садык. – В этом и заключается, должно быть, смысл проверки. Гонец привёз и передал тебе послание, ты прочёл, и... перед тобой встал выбор, ехать или не ехать на приём к повелителю. Не поедешь, значит, ваша дружба врозь, а поедешь, даже невзирая на отсутствие подписи и печати, значит, ты надёжный, как и умерший отец, и тебе можно доверять.

– В твоих словах что-то есть, – после короткого раздумья согласился с мнением двоюродного брата Ирек. – Лучше я поеду и налажу с правителем Хивы уже свои дружественные отношения. А ещё... заручиться поддержкой хана тоже будет полезно.

Услышав лай собак и звуки, издаваемые подъехавшей повозкой, Ирек оборвал себя на полуслове и поспешил к выходу из юрты.

Ирек вошёл в юрту и остановился. Тамара не спала и была в сознании. Grimаса ужаса исказила её лицо, когда она увидела своего мучителя и безошибочно угадала, с чем он пожаловал. На её бледном лице вспыхнул румянец, а потрескавшиеся губы начали вздрагивать, как вздрагивали они у неё всегда, когда он приходил к ней в юрту для плотских утех.

Сидевшая в стороне от нар кайсачка, увидев хозяина, мгновенно вскочила со скамеечки, на которой сидела.

– Как она? – обратился к ней с вопросом Ирек, указав рукой на Тамару.

– Плохо, хворает очень, – ответила кайсачка, глядя ему в ноги и не смея поднять глаза.

– Пошла прочь, – буркнул Ирек, отстраняя её рукой. – Никого не впускай в юрту, вон!

Кайсачка поспешно выскользнула на улицу, а он подошёл к нарам и остановился, поедая похотливым взглядом несчастную жертву. Тамара открыла глаза, и Ирек с трудом проглотил заполнившую рот вязкую слюну, увидев в них страх ожидания, от чего сердце заколотилось внутри и перехватило дыхание.

– Не надо, не мучай меня, – проговорила еле слышно Тамара, закрывая лицо ладонями.

– Нет, я не мучить тебя пришёл, а утешить, – громко воскликнул Ирек и, подняв глаза, посмотрел на стенку юрты за нарами, за которой, как он знал, находился крепко привязанный к столбу с заткнутым кляпом ротом Матвей.

Поняв, что сейчас она будет снова подвергнута насилию, Тамара зажмурилась и в бессилии заскрипела зубами. Если раньше она хоть как-то сопротивлялась натискам похотливого насильника, то сейчас противостоять ему не было сил.

– Ну, чего молчишь, Тамара? – прокричал Ирек, срывая с себя одежду. – Сейчас я снова крепко обниму тебя, прижму к груди, приласкаю! В моих жарких объятиях ты забудешь о своей хвори и выздоровеешь!

Когда сбросивший с себя одежду насильник улёгся с ней рядом на нары, Тамара закричала. Она вопила так, словно у неё начались роды. И этот душераздирающий крик несчастной девушки не отпугнул Ирека, а, наоборот, подстегнул его действовать ещё жёстче и решительнее.

Тамара дёргалась под ним и кричала без удержу. Ирека возбуждал этот полный муки и отчаяния крик, и он продолжал насиловать жертву с жутким, безумным упоением. Сколько прошло времени, он не помнил. Только вот вдруг терзаемая им жертва смолкла, и он... Ирек дёрнулся и охнул, испытав сладостный оргазм. Оргазм был таким мощным и упоительным, каковой ему не приходилось испытывать никогда. Откровенно сожалея, что всё уже закончилось, Ирек откинулся на спину и, глядя вверх, прокричал:

– Матвей, ты слышишь меня? А твоя сестра, как оказалось, на многое способна! Ты слышал её вопли, казак? Представляю, в каком ты сейчас бешенстве, раб безвольный! Убил бы меня, растерзал, на куски разрезал! Да-а-а, я не сомневаюсь в том, что говорю. Ты именно так и думаешь, да вот только руки коротки! Не достать тебе меня, не достать! А я тебе ещё кое-что готовлю... И тогда рассчитаюсь с тобой сполна!

Высказав всё, что собирался, Ирек ткнул Тамару локтем.

– Эй, как ты там, подстилка моя? – спросил он. – Ты, наверное, сегодня не совсем довольна, верно? Зато восхитительно ублажила меня! Слышишь, я доволен!

В ответ молчание.

Ирек присел на нарах, посмотрел на девушку и увидел, что она без сознания и едва дышит.

* * *

Привязанный к столбу Матвей сначала не понял, что происходит в юрте. Он ждал очередной пытки, готовился, даже пытался представить, что будут с ним вытворять кайсаки, и был готов ко всему. Но на деле стало происходить то, о чём он не мог даже подумать.

Услышав вопрос, который Ирек умышленно громко прокричал, обращаясь к Тамаре, Матвей ужаснулся. «Кто там, в юрте, неужели моя несчастная сестра? – обожгла мозг ужасная мысль, и он почувствовал, как заполнявшая его апатия слетела в один миг. – Этот зверь к ней обращается как к капризной гулящей девке, с которой собирается...»

Мысли в голове спутались, и их сменил заполнивший его от головы до пяток умопомрачительный гнев. А когда из юрты послышался полный отчаяния крик терзаемой насильником сестры, Матвей почувствовал пустоту внутри себя, которая стала перерастать в панику. Он пытался вскочить, но не мог, закричать он тоже не имел возможности из-за кляпа во рту. И тогда казак замычал от отчаяния из-за невозможности прийти на выручку к насилуемой негоде сестре.

«Он намеренно привёз меня сюда, – всплыла в голове ужасная догадка. – Он сознательно сделал так, чтобы я слышал, как он насилует мою сестрёнку, и страдал от невозможности прийти к ней на помощь. А может быть, этот подлец желает, чтобы я умер от разрыва сердца? А что он сделает со мной ещё, если я перенесу эту ужасную пытку и выживу?»

Дальнейшему ходу мыслей помешали полные издёвки выкрики Ирека, обращённые к нему. Он выкрикивал мерзости, которые приводили Матвея в трепет. Казак изнемогал от бессилия сделать что-нибудь и изнывал от терзавшей его ненависти к грязному киргизу. В эти полные отчаяния минуты Матвей без раздумий продал бы Сатане душу за несколько минуток свободы, если бы царь ада на мгновение появился рядом и предложил ему такую сделку. Но...

Насильник, сделав своё мерзкое дело, видимо, потерял интерес к замолчавшей Тамаре. Переполняемый яростью Матвей почувствовал сначала головокружение, затем тошноту, и... голова его свесилась на грудь. Он лишился сознания.

Из юрты вышел Ирек. Он подошёл к потерявшему сознание Матвеем и довольно улыбнулся:

– Ну вот, я вижу, что ты в «полном восторге», казак, от услышанного. Ну, ничего, уже скоро в твоей никчёмной жизни случится самая страшная перемена. Такая страшная, что даже я о ней думаю с содроганием. И это случится... случится сразу, как только я вернусь из Хивы. А пробуду я там недолго. И это моё вынужденное отсутствие расценивай как последние «счастливые» дни в своей жизни!

* * *

Минула неделя. За прошедшие дни Мария о многом переговорила с отцом и многое ему рассказала. В конце концов Пантелей Исаевич простил дочь за всё и настоял на том, чтобы она вернулась на Кавказ к мужу и детям.

Мария согласилась с доводами отца и решила уезжать. Тем более снег ещё так и не выпал, хотя замёрзли все озёра, река Сакмара и было очень холодно.

– Давайте поезжайте, – торопил её отец. – По снегу, ежели выпадет, на колёсах будет сложно ехать.

– Что ж, уезжаем, – вздохнула Мария, и... казаки стали готовиться к отъезду.

В хозпостройках, в сарае и во дворе Чернобровиных они навели повсюду полный порядок: что-то отремонтировали, что-то подновили. А вот везти повозку в даль дальнюю было

некому. Конь Бориса Рекунова хромал, и заставить не восстановившееся животное везти повозку обратно было для него просто губительно.

– Отдаю тебе коня моего сына, Матвея, – объявил юноше во время ужина Пантелей Исаевич. – Он не хуже вашего.

– Да ну? – обрадовался юный казак. – Того самого красавца, которого Матвей прямо на базаре объездил и в погоню за похитителями сестры поскакал?

– Нет, не того, – ответил старик. – Тот пушай Матвея ждёт. Я другого коня тебе отдаю, того, который чёрной масти.

– Ого, тоже хороший коняга, – улыбнулся Борис. – А своего я к повозке привяжу. Пушай рядышком налегке скачет.

За день перед намеченным отъездом казаки решили сходить на базар, чтобы прикупить продуктов в дорогу и овса для лошадей. Пока они впрягали подаренного стариком коня в повозку, Пантелей Исаевич отозвал в сторону Бориса.

– Ты что, Бакиеву Айгульку с собой везти мыслишь? – спросил он. – И не таращся на меня своими бельмами лубочными. Я ведаю о том, об чём толкую.

– Нет, сейчас я её брать с собой не собираюсь, – стал отвечать, краснея, юноша. – Домой, в станицу ворочусь, потолкую с братом, и... ежели он одобрит, то со сватами приехать мыслю.

– Ты энтю, ничего не обещаешь ей и не обнадёживай, – хмуря лоб, сказал Пантелей Исаевич. – Поезжай и все мысли о ней напрочь из башки выбрось.

– Да? А что так? – заинтересовался юноша. – Красивая она, весёлая, шибко по нраву мне она.

Собираясь с мыслями, старый казак поскрёб пятернёй бороду, затем покачал головой и заговорил:

– Красивая она бестия, спору нет. Но нехорошая и непригожая изнутри. Негоже про соседей худо молвить, а я вот скажу. Недобрые они все люди, завидующие, паскудные. Мы хоть и живём через плетень, но не знаемся. И дружбы я с энтим семейством не вожу.

– Ты так говоришь потому, что татары они? – ещё больше заинтересовался Борис.

– Типун тебе на язык, – рассердился Пантелей Исаевич. – Нет среди нас эдаких различий. У нас в посёлке полным-полно всяко-разных национальностей проживает – русские, татары, мордва, нагайцы, но... Все мы одним миром мазаны, все мы казаки.

– Так чем же тебе не нравится соседская семья, Пантелей Исаевич? – улыбнулся юноша. – Хоть убей, в толк не возьму.

– Я мог бы много чего порассказать тебе о них, – вздохнул старый казак. – Но я не сплетник. Поверь мне на слово, что не след тебе сватать Айгульку и сплетать с ней свою жизнь. И ещё вот что сказать могу, стригунок: опосля шибко пожалеешь, ежели не внемлешь совету моему.

Высказав всё, что собирался, и предоставив юноше право решать свою судьбу самому, Пантелей Исаевич пошагал к крыльцу, а Борис... Юноша проводил его взглядом и поспешил к повозке, у которой поджидали его казаки.

* * *

Базар в тот день был большим, шумным и многолюдным. Торговцы, покупатели и прочая публика начали съезжаться в посёлок ещё накануне. Ночевали по дворам у родственников или знакомых. Ну а те, кому негде было притулиться, одевались потеплее и, невзирая на лютый холод, ночевали в повозках прямо на площади. И как только наступал рассвет, начиналась бойкая торговля. Пробудившийся базар начинал гудеть, шуметь и жить полной жизнью.

Площадь рынка была огромна, но протолкнуться среди массы людей очень сложно. И потому кубанские казаки, оставив лошадь с телегой у входа под присмотр Маркела Баранова, отправились за покупками втроём.

Добравшись до торгового ряда, где торговали продуктами, казаки остановились.

– Ну, как тебе здесь, Борька? – ткнув юношу локтем в бок, поинтересовался Гордей Бабенко.

– Как сказать, да ничего эдакого, – пожав плечами, ответил Борис. – У нас в станице всё то же самое, и базар немаленький и народу пруд пруди.

– Всё, идёте закупать продукты, – поторопил их Кузьма Ремнёв. – Сейчас скупят всё самое вкусненькое, а нам придётся довольствоваться остатками.

– А знаете что, закупайте без меня, братцы, – предложил Борис. – То, что купить собираетесь, вы и без меня до повозки донесёте, а я...

Он посмотрел в сторону качелей и крутящейся с ними рядом карусели, где собралось немало молодёжи, в том числе и детей.

Гордей и Кузьма переглянулись и с хитроватым прищуром посмотрели на него.

– Ага, дело понятное, – ухмыльнувшись, сказал Гордей. – С зазнобушкой попрощаться наш герой возжелал. А ты что, думаешь, что она здесь, Борька?

– Он не думает, а знает, – подмигнув смутившемуся юноше, вставил свою реплику Кузьма. – А что, пушай идёт, Гордей. Перед уездом надо с зазнобой попрощаться. Не зря ведь вечерами с ранья вместе с нами спать не ложился, а до полуночи её охаживал.

Появление кубанских казаков на базаре не осталось незамеченным. Не успели они перекинуться друг с другом несколькими фразами, как тут же возле них стали собираться местные казаки. Добродушно улыбаясь, они предложили помощь в приобретении хороших продуктов подешевле как для дорогих и очень уважаемых гостей.

Воспользовавшись появившейся возможностью тихонечко отвалить в сторону, Борис сразу же затесался в толпе. Не раздумывая, он направился в сторону качелей, не глядя по сторонам и не оглядываясь. Дошагав до крутившейся в бешеном ритме карусели, он резко остановился, едва не столкнувшись с красивой девушкой, вдруг появившейся перед ним.

Девушка была одета просто – опрятная шубейка из лисьих шкур, яркая цветастая шаль на голове, на ногах красные изящные сапожки.

– Здравствуй, Боря, – сказала она. – Что, к отъезду готовитесь, а на базар за продуктами пришли?

– Здравствуй... Но-о-о... не узнаю, а вот голос твой мне знакомый.

– Как это не узнаёшь? – удивилась девушка.

Не успел сбитый с толку юноша что-то её ответить, как с ним рядом вдруг появился слегка подвыпивший казак. Его Борис узнал сразу. Это был Сабиржан Бакиев, сосед Чернобровиных, которого юноше приходилось видеть в своём дворе, через плетень и о котором Пантелей Исаевич отзывался очень худо.

– Как это ты не узнаёшь её, Борис?! – скривил в хмельной ухмылке тонкие губы Бакиев. – Так это же Айгулька, сестра моя! Вы же с ней все вечера сообща проводили, а сейчас...

На юношу будто вылили ушат воды.

– Айгуль? Неужели? – обомлел он. – А я тебя днём первый раз вижу, вот и обмишулился, не узнал.

Стройная даже в шубе, смуглолицая, с большими выразительными глазами в тёмных пушистых ресницах... девушка действительно выглядела сейчас иначе, чем в тёмное время суток.

– Не обессудь, я и впрямь не признал тебя, – продолжил оправдываться Борис после паузы. – Мы ведь когда встретились, темно было, когда позже встречались, тоже всегда в потёмках... Я всегда думал, что ты красивая девушка, а сейчас... сейчас я вижу, что ты просто красавица!

Айгуль смутилась или сделала вид, что смутилась от его признания, и опустила глаза.

– Эй, сестра, да и ты, гость с Кавказа, айдате на карусели покрутимся, – вдруг предложил Сабиржан. – А чего нам попусту на месте трепаться? Уж лучше покружимся, покатаемся.

– Нет-нет, – вдруг отказалась девушка. – На карусели моя голова кругом пойдёт и внутри худо станет.

– Тогда на качелях, – внёс другое предложение Сабиржан. – Вы с одной стороны лодочки, а я с другой.

– А на качелях мне ещё хуже станет, – снова отказалась Айгуль. – И вообще я просто погулять по базару пришла, а не забавам разным предаваться.

– Нет, ты видел, Борис, чего эта пигалица вещает? – посмотрел на юношу Бакиев и перевёл взгляд на сестру: – Вот выйдешь замуж, и все забавы зараз прекратятся. А покуда пользуйся свободой, сестра! Опосля только вспоминать о карусельках и качельках будешь.

Девушка снова смутилась и покраснела.

– Помолчи, Сабир, – попросила она.

– Помолчать? – вскинул брови Сабиржан. – А чего ты мне рот затыкаешь? Я твой старший брат, и ты не можешь мне какие-то запреты чинить!

– Не замолчишь, я уйду, – нахмурилась Айгуль.

– Никуда ты от нас не уйдёшь, – подмигнул он стоявшему с пасмурным лицом Борису. – Ты не мной командуй, а вот им. Выйдешь за него замуж и командовать будешь. Ты погляди, казак, на мою сестру. Всё при ней – и стать, и красота. Когда в нашу избу свататься придёшь, все её воздыхатели от зависти и досады передохнут.

Слова брата девушки обескуражили юного казака. Он стоял в полной растерянности, не зная, что делать. С одной стороны, ему нравилась девушка и он охотно женился бы на ней, но не так, с бухты-баряхты, а по-людски – со сватовством и свадебным гулянием. А с другой... он не понимал, почему брат Айгуль в нетрезвом состоянии позволяет себе так настойчиво навязывать ему свою сестру.

«А может быть, я не прав? – думал Борис. – Может, мне только чудится, что Сабир мне её навязывает?»

– Вот скажи мне, казак кавказский, нравится тебе моя сестра или нет? – продолжил насесть Сабиржан. – Только не увливай, а честно и правдиво ответь на мой вопрос.

– Н-наверное, – не совсем уверенно ответил Борис.

– Не наверное, а нравится, – осклабился брат девушки. – Здесь половина посёлка молодых сохнет по ней, и ты не можешь быть исключением. Хорошая девка, правда? Стоит взять такую.

– Может быть, – пожимая плечами, сказал юноша. – Но мне только семнадцать годов и жениться рано.

– Подумаешь, только семнадцать годочков, – дурашливо хохотнул Сабиржан. – Не только семнадцать, а уже целых семнадцать! А жениться никогда не рано. Обрюхатишь её, посадишь дома на хозяйство и снова гуляй себе, казак вольный!

«Он явно навязывает мне свою сестру, – с тревогой подумал Борис. – Но почему? А может быть, здесь эдак принято и не зазорно? В каждом войске могут быть свои устои. А девушка действительно очень красивая, и сама мне говорила, что от женихов отбоя нет. И всё-таки здесь что-то не так... Мне уже начинает чудиться, что наша встреча совсем не случайна?»

– Я не ведаю, как у вас, а у нас на Кавказе без сватовства никак нельзя, – решил отбрыкаться от навязчивого соседа Чернобровиных юноша. – Да, я уезжаю домой, а там... я поговорю со старшим братом, и мы решим, когда сюда, к вам со сватовством приехать.

Сабиржан быстро заморгал, хотел что-то сказать, но в это время Айгуль взяла его за руку и потянула в сторону. Он нахмурился, пожал плечами и последовал за ней.

– Фу-у-у... – вздохнул Борис и с облегчением выдохнул. – А ведь он, хоть и пьян, неспроста завёл разговор о женитьбе на его сестре. И мне он её навязывал, к гадалке не ходи.

На сердце полегчало, но внутри отложился горький осадок, от которого на душе сделалось тошно. Неприязненно морщась, он снова подумал о брате Айгуль и почувствовал, что этот человек ему неприятен. Хвастлив, видимо, задирист, с высоким самомнением и... эта навязчивость... Не было ничего располагающего и в его внешности. Странно, что Айгуль, такая видная, такая скромная и красивая, состоит с ним в близком кровном родстве.

«Сегодня вечером встречусь с ней и объяснюсь, – подумал Борис, крутя головой и решая, в какую сторону податься. – Может, она объяснит приставание брата и его чересчур странные намёки...»

– Казак, обернись! – услышал он из-за спины женский голос, обернулся, одновременно позабыв о съедавших его сомнениях и давящих на сознание размышлениях.

Увидев перед собой незнакомую женщину, он вытаращил глаза. Она была одета просто, как обычно одевались казачки. Но было в ней что-то такое, что отличало её. Может быть, лисья шапка на голове поверх шали...

– Кто ты и чего тебе от меня надо? – спросил Борис, озабоченно хмурясь. – Тебя я не знаю, никогда не встречал и не видел. Но сейчас мне интересно, почему ты обратилась ко мне. У тебя не может быть ко мне никакого дела.

– Я тебя тоже не знаю, казак, – быстро заговорила с ним незнакомка. – Но мне ведомо, что ты приехал издалека и у Пантелея Чернобровина квартируешь.

У молодого казака глаза полезли на лоб.

– Ну, если всё так, как ты говоришь, ко мне-то у тебя какое дело? – спросил он, внимательно разглядывая стоявшую перед ним женщину. – Ты же не прошла мимо, а подошла и окликнула меня.

– К тебе у меня никаких дел нет, – покрутив головой, заговорила она. – А вот к старику Чернобровину есть. Ты передай ему, что очень хочу с ним увидеться и о детях его ему рассказать.

Брови Бориса поползли вверх.

– О ком? О детях? – переспросил он ошарашенно.

– Да, о Матвее и Тамаре, – ответила незнакомка.

– Но-о-о... почему ты сама к нему не придёшь? – поморщился юноша. – В самый раз он сейчас дома.

– Не могу я, – вздохнула женщина. – По многим причинам не могу. По каким, он позже сам тебе обскажет. Ты только передай ему, что в полночь я приду, пусть спать не ложится и меня дожидается.

– А вести какие, худые или хорошие, ему принесёшь? – видя, что незнакомка собирается уходить, поинтересовался Борис.

– Всё потом, – ответила женщина и тут же растворилась в толпе.

17

Вечером, после ужина, казаки стали расспрашивать Бориса о его прогулке по базару.

– Ну и что ты выходил? – задал вопрос Гордей Бабенко, отодвигая от себя использованную посуду. – Почему, когда мы вернулись с базара, ты был уже в избе?

– Да так, – ответил уклончиво юноша, – походил, погулял, наскучило, вот и вернулся.

– Ну уж и наскучило, – усомнился в правдивости его ответа Кузьма Ремнёв. – Девка, наверное, от ворот поворот тебе дала и не явилась? Прознала, что ты уезжать собирался без неё, бзыкнула и отшвырнула любовь куда подальше.

– Да нет, всё не эдак было, – попавшись на удочку, завёлся Борис. – Видел я Айгуль, разговаривал с ней, да вот брат её в разговор наш вмешался. Он под хмельком был, увидел нас и не прошёл мимо.

– Что, всю обедню испортил? – пошутил Маркел Баранов. – Отпихнул тебя от сестры, так что ли?

– Как бы не так, всё по-другому было, – заметив смущение парня, поддержал его Пантелей Исаевич. – Сабирка, энтот хлыщ болотный, чтоб ему пусто было, поди навязывал стригунку нашему Айгульку, сестру свою «преподобную». Здесь, в посёлке нашем, сватать её никто не спешит. Да чтоб женихи из других посёлков к ней сватов засылали, тоже не слышать. А у них, у соседей моих Бакиевых, и так детишек цельный выводок. Живут не богато, но и шибко не бедствуют. А вот Айгулька... Лишний роток, видишь ли, тяготит эту гадскую семейку.

– А почто её никто сватать не хотит? – заинтересовались казаки. – Девка-то красива лицом и статью вышла. В нашей станице она бы давно уже мужем обзавелась.

– Да будя вам, – остановил их старик. – И у вас бы на неё шибко никто не позарился. Дурная молва об ней округ ходит. Будто беду она несёт всем, кто с ней якшается. Были у неё воздыхатели, да нет их. Один погиб в схватке с кайсаками, другой утонул, зимой под речной лёд провалившись. Третий помер, не знай от чего. Вот и пошла о ней молва недобрая, а теперь ещё больше она увеличилась.

– Да? А чего послужило тому причиной? – заинтересовались казаки.

– Дочка моя, несмотря на все пересуды, с Айгулкой дружбу водила, – после короткого раздумья сообщил Пантелей Исаевич. – А вышло что? Киргизы, аспиды, их обеих умыкнули среди бела дня. Айгулька-то лёгкой царапиной отделалась, а я вот живу и гадаю, жива ли Тамарушка моя.

Борис и казаки внимательно выслушали старика. А когда он замолчал, юноша вздохнул и сказал:

– Живы они оба.

Пантелей Исаевич медленно поднял на него тяжёлый взгляд:

– А тебе откель сеё ведомо, пострел?

Борис вздохнул и пожал плечами.

– Вы всё верно обсказали, дядя Пантелей, – сказал он. – Изначально всё так и было. Брат Айгуль навязчиво склонял меня жениться на его сестре. Опосля, когда они ушли, ко мне подошла ещё одна женщина. Кто она, не назвалась, но сказала мне, что шибко повидать тебя хотит.

Юноша описал незнакомку, и с его слов старик сразу же узнал её.

– А-а-а, Нуйрузка, змея подколодная, снова объявилась. Надо же, неймётся ей. Энто ведь с её подлючьей помощью киргизы умыкнули дочку мою.

– Об этом она мне ничего не говорила, – покачал головой юноша. – Женщина сказала, что над детьми вашими опасность нависла, а вот какая... – он вздохнул: – Наверное, мыслит вам лично обо всём обсказать.

– Что ж ты мне об том токо сейчас сообщашь? – свёл грозно к переносице брови старик. – Где теперь искать змеюку эту?

– Так я собирался вам под вечер об нашей встрече и нашем с ней разговоре рассказать, – стал оправдываться юноша. – Не хотелось раньше времени расстраивать. А женщину эту, как её, Нуйрузку, искать вовсе не надо. В полночь она сама ко двору пожалует и попросит, чтобы вы впустили её и выслушали.

* * *

Ближе к полуночи у ворот подворья Чернобровиных остановилась крытая повозка. Управлявший лошадей мужчина обернулся и откинул полог.

– Всё, привёз, куда указала, Нуйруз, – сказал он, обратившись к сидевшей с каменным лицом женщине. – Что, не передумала ещё встречаться со стариком?

– Нет, не передумала, но боюсь, – призналась женщина. – Я уже видела его и знаю, что строг он и нравом суров. Боюсь, как он весть мою о детях своих воспримет, так взбеленится весь и чего доброго...

Она подумала о том, что может случиться, и ёжась прервала себя на полуслове.

– Да нет, не таков он, знаю я его, – ухмыльнулся сидевший на козлах мужчина. – Горяч – да, вспыльчив – тоже да. Но справедливый он казак и правильный. Весть твою о детях своих, какая бы она ни была, выслушает и правильно воспримет. Живёт, поди, и мается, ничего не ведая о них.

– Ну, тогда я пошла...

Женщина решительно сошла с повозки, и привезший её мужчина тихо окликнул её.

Нуйруз остановилась и обернулась.

– Ты это... – заговорил он, – я здесь тебя маленько обожду. Ежели задержишься в избе, то я уеду. Но... а ежели что, ты знаешь, где меня найти.

– Хорошо, – сказала женщина и направилась к калитке, и, как только она подошла к ней и протянула руку, та как по волшебству сама распахнулась перед ней.

* * *

Пантелей Исаевич дождался полуночи в нервном напряжении. Он то расхаживал по избе, то сидел, обхватив голову руками за столом и ёрзая на табурете. Кубанские казаки с пониманием относились к его нетерпению. Они сидели у стены, на лавке молча и не спешили укладываться на ночлег.

Ещё стрелки на настенных часах не сошлись на цифре двенадцать, а механическая кукушка не прокуковала полночь, Пантелей Исаевич натянул старенький полушубок, на голову нахлобучил шапку и вышел во двор.

Стоя у ворот, он дождался, когда подъедет телега, с неё сойдёт женщина, а когда она подошла к воротам, он распахнул перед ней калитку. Женщина на мгновение в нерешительности остановилась, затем вошла во двор.

– Ступай, ступай к крыльцу, киргизка, – пригласил он её, закрывая калитку. – В избе калякать будем, а не сопли морозить на дворе.

Пантелей Исаевич завёл гостью в дом, и она снова в нерешительности остановилась, переступив порог. Женщина явно не ожидала, что слушать её будет не только один старик. Увидев четверых казаков в черкесках и Марию, она попятилась к двери, но...

– Да ты проходи, не робей, – легонько подтолкнул её в спину Пантелей Исаевич. – Шубейку скидай, в избе достаточно натоплено, не замёрзнешь.

Придя в себя от неожиданности, Нуйруз сняла с себя шубу, и старик повесил её на вешалку.

– Прходи к столу и садись, – сказал он. – Чую, разговор наш долгим будет. Я хочу много чего о детях своих услышать и очень уповаю, что ты пришла не болтать нам пустую брехню, на что вы, киргизы, безмерно охочи.

Нуйруз подошла к столу, села за него так, чтобы было видно всех присутствующих в горнице людей. Прочистив лёгким покашливанием горло и посмотрев на усевшегося напротив старого казака, она заговорила:

– Я пришла, чтобы сообщить тебе, что дети твои пока живы, но над ними нависла страшная опасность.

– Понимаю тебя, спаси Христос, что предупредила, – когда она замолчала, сказал Пантелей Исаевич. – Только вот суть обскажи доходчивее, коли пожаловала. Не один я, а все мы знать хотим, что это на тебя накатило, кайсачка, что ты решила поступить эдак?

– Пообещала я Матвею, что помогу ему, – вздохнула Нуйруз. – Вот и помогаю.

– И что там у вас вытворяют с ним одноплемёнцы твои? – дрогнувшим голосом спросил старик. – А содержат где, в юрте или в яме?

– В ауле он, – стала отвечать на его вопрос Нуйруз. – Долго держали в яме, а сейчас, чтобы не замёрз до смерти, в юрту для рабов перевели.

– Это чего, эдак ему милость оказал Ирек проклятуций? – сузил глаза, задыхаясь от гнева, Пантелей Исаевич.

Женщина пожала плечами.

– Я бы это милостью не назвала, – сказала она. – Ирек «подщетирил» его, и потому, что Матвей не может на ногах ходить и тем более убежать из аула, его перевели из ямы в юрту.

Слова Нуйруз воздействовали на присутствующих угнетающе. Всем было известно, что такое «подщетиривание». Старый казак зажмурился, чтобы помешать слезам выкатиться из глаз, но... слёзы легко преодолели преграду из век и заструились по его щекам и бороде.

– Ирек ненавидит Матвея лютой ненавистью, – продолжила женщина. – Он мстит вашему сыну жестоко. Ирек не хочет умертвить его сразу и истязает его медленно, будто вурдалак, капля за каплей выпивая из него жизненные силы.

– А за что он обрекает его на такие адовы муки? – спросила Мария. – Или он так поступает со всеми пленниками?

Нуйруз задумалась, но через минуту заговорила:

– Все кайсаки очень жестоко обращаются со своими пленниками, особенно в первое время. Они калечат людей и доводят до скотского состояния. А через какое-то время теряют к ним интерес, как к престарелым собакам, которые отслужили своё и взять с них больше нечего.

– Ты полагаешь, что Ирек и с моим сыном эдак поступит? – справившись с душившими его чувствами, спросил Пантелей Исаевич.

– Нет, Ирек собирается поступить с ним по-другому, – вздохнула женщина. – Я случайно слышала его разговор с двоюродным братом Садыком. Так вот Ирек говорил брату, что сначала он изведёт Матвея до полусмерти пытками, а потом, когда ваш сын потеряет человеческий облик, он собирается надеть ему на голову шири, и...

– Замолчи, не говори, все мы знаем, что такое шири! – задрожал от ярости Пантелей Исаевич и обхватил голову руками.

Шири, так называемую верблюжью шапочку, широко применяли как азиатские, так и кавказские народы для превращения непокорных пленников в полулюдей, именуемых манкуртами. Пленнику брили голову, натягивали на неё свежую шкуру верблюда, на шею и ноги надевали колодки и оставляли одного. Шкура начинала просыхать и сжиматься, плотно обтягивая голову несчастного. Дотянуться руками до головы, чтобы сорвать шкуру или разбить голову о землю, не позволяла широкая колодка на шее. Ещё каким-то способом лишить себя жизни было невозможно. А потом начиналась пытка. Страшный зуд сводил несчастного страдальца с ума. Затем через время шкура просыхала окончательно и обтягивала голову стальным шлемом. Шкура не растягивалась, держа череп в тисках, и каждая попытка раскрыть в крике рот оборачивалась мучительной болью. Прорастающие на голове волосы не могли пробиться сквозь высохшую и затвердевшую шкуру, и в поисках выхода сотнями тысяч иголок впивались в кожу на черепе, вращая внутрь и раздражая нервные окончания под кожей. А потом несчастный пленник терял человеческий облик, превращаясь в преданного хозяину безгласного раба. Он уже ни к чему больше не стремился, ни о чём не мечтал и совсем ничего не помнил.

– За что Ирек собирается так поступить с Матвеем? – хриплым, сорванным от волнения голосом спросил Пантелей Исаевич. – За что он мстит ему эдак жестоко, скажи?

– Я слышала, как Ирек говорил Садыку, что мстит Матвеем за смерть отца, за смерть ещё одного своего двоюродного брата Касымхана, за смерть нескольких воинов, которые пытались поймать Матвея в лесу у переправы и поплатились жизнью, – перечислила Нуйруз.

– А Тамара? Как она поживает в неволе? – спросила дрожащим от слёз голосом Мария. – Ирек так же изводит её пытками, как и моего несчастного брата?

Женщина пожала плечами.

– Нет, её не пытаются и пальцем не трогают, – сказала она. – Девушку держат отдельно, в небольшом становище, затерянном в степи. Ирек не для того её похищал, чтобы подвергать пыткам, хотя... счастливой её жизнь назвать нельзя. Ирек, когда приезжает в становище, подвергает её жестоким изнасилованиям. Я её в последнее время не видела, но мне рассказывали, что сейчас Тамара тяжело больна и...

– Всё, достаточно, мочи нет тебя слушать! – закричал, потрясая кулаками над головой, Пантелей Исаевич. – Ты укажешь мне дорогу к моим детям, скажи?

Нуйруз растерялась. Она не ожидала от убитого горем старика такого вопроса.

– Я знаю, где находятся Матвей и Тамара, – сказала она. – Могу показать. Только...

– Чего «только»? – нахмурился Пантелей Исаевич. – Говори что «только»?

– Отсюда, из Жёлтого, до аула, где Матвей, ехать очень далеко, – сказала Нуйруз. – А до становища, где содержится Тамара, ехать ещё дальше.

– Много кайсаков в ауле и становище? – неожиданно для присутствующих, да и для самого себя, встрял в разговор Борис.

Женщина посмотрела на него.

– Много, очень много, – сказала она. – Вам с ними не справиться.

– Зрю, ты знаешь, что надо делать, чтобы справиться, – посмотрел на неё исподлобья Пантелей Исаевич.

Нуйруз вздохнула и пожала плечами:

– Да, я знаю, что надо делать, но не уверена, справитесь ли вы?

– Ты говори, а мы послушаем, – поморщился Пантелей Исаевич. – А опосля судить будем, справимся или нет.

Женщина снова обвела присутствующих внимательным, пытливым взглядом, словно решая, сказать или нет. Видимо, решив для себя, что сказать, она заговорила:

– Ирек в Хиву вчера уехал по приглашению хана Мухаммада Рахима. Путь туда не близок, и отсутствовать он будет недели две.

– И? Что нам это даст? – задумался Пантелей Исаевич. – Он же не забрал с собой всех своих кайсаков.

– Нет, с собой он взял только десяток воинов, – сказала Нуйруз. – Он уехал, а вместо себя оставил брата Садыка.

– И сколько киргизов осталось с ним? – заинтересовался Гордей Бабенко.

– Много, – морща лоб, ответила женщина. – Человек шестьдесят.

– Да, много, очень много, – согласился с ней старик. – Но-о-о... схожу-ка я утром к атаману и попрошу его круг кликнуть. Там я лично попрошу казаков подсобить выручить деток моих.

– Попросишь, соберутся казаки, а толку-то, – покачала головой Нуйруз. – До аула три дня пути. Пока вы скакать по степи будете, весть о вас быстрее птицы долетит. Садык успеет спрятать Матвея и Тамару, и вы больше никогда их не найдёте.

– Тогда делать что, ума не приложу, – вздохнул Пантелей Исаевич. – Но что-то делать надо, по-другому никак не можно.

– Я очень долго ломала голову, как спасти Матвея, – заговорила женщина. – Думала-думала и надумала. Я не уверена, получится или нет, но-о-о...

– Давай говори! – опередив всех, воскликнул Борис. – Мы должны всё выслушать и взвесить.

– Будь по-вашему, – вздохнула Нуйруз. – Я буду говорить, а вы слушайте и решайте. Именно сейчас выпала редкая возможность спасти Матвея и Тамару. Больше такого случая не будет. А надо будет сделать вот что...

Она стала излагать свой план, а казаки... Затаив дыхание, они очень внимательно её слушали, удивляясь и поражаясь смекалке, сообразительности и предусмотрительности женщины.

18

Ехать или не ехать выручать Матвея и Тамару, стали решать сразу после ухода Нуйруз. Весь остаток ночи, до утра, обсуждали полученные от женщины сведения, пытались прийти к единому мнению, но... не получалось. Слишком много было моментов, которые вызывали сомнения в благополучном исходе затеваемого похода.

– Ну, не верю я кайсачке, не верю! – твердил время от времени Пантелей Исаевич. – Шибко уж мягко стелет, паскуда. Это она ведь дочку мою в западню заманила, а теперь вот, нате вам, спасти возжелала.

– Ты считаешь, что она и наших казаков в западню заманить замыслила? – спросила Мария. – Но для чего? Она ведь знает, что умрёт первой, если вдруг случится вооружённая стычка.

– А я полагаю, что сейчас она от чистого сердца помочь нам решила, – высказал своё мнение Борис. – Она ненавидит Ирека, от неё прямо веет ненавистью к нему. А ещё она сказала, что освободить Матвея крепкое обещание ему дала.

– Киргизам верить себя не уважать, – настаивал на своём Пантелей Исаевич. – Сейчас вот я по деткам своим извёлся весь, а ежели вы не вернётесь? Да я сам себя со свету сживу, виноватым себя считая.

– Нет, надо ехать и попытаться выручить Матвея с Тамарой, вот такое моё мнение, – хмуря лоб, сказал Гордей Бабенко. – Мы, пластуны, много чему обучены и много чего можем. И... ежели появилась хоть какая-то мало-мальская возможность освободить Матвея и Тамару из кайсацкой неволи, мы должны ею воспользоваться. – Он обвёл вопросительным взглядом товарищей: – Или я не прав, казаки?

– Прав, прав, – ответили Кузьма, Маркел и Борис чуть ли не в один голос. – Наши кавказские абреки хорошо осведомлены, как мы, пластуны, воевать можем, вот и кайсаков степных познакомим с нашим умением.

– Ну что ж, перечить больше не могу, – развёл руками растроганный старик. – Раз вы эдак решили, то я... я кланяюсь вам в ноги.

Неожиданно для всех старый казак встал с табурета и упал перед гостями на колени. Опешившие казаки быстро поставили его на ноги, и, больше не тратя времени на разговоры, все улеглись спать.

Весь следующий день посвятили сборам. Пригодилась и провизия, которую они закупили в дороге, собираясь возвращаться домой, на Кубань. А вот одежда... Они не могли ехать в логово кайсаков в бурках, черкесках и папахах. Киргизы сразу же почувствовали бы опасность и провал похода был бы неизбежен.

– Нуйруз права, – сказал Гордей во время завтрака. – Удача будет на нашей стороне, ежели мы усыпим бдительность кайсаков и вдарим по ним внезапно. А мы это делать можем, или я не прав, братья?

– Могём, могём, – закивали казаки. – Так вдарим, что всем чертям тошно станет. Тем более что киргизов в ауле и в становище мало будет. Нуйруз уверяла, что Ирек, уезжая в Хиву, наказал Садыку, чтобы подданные в его отсутствие не бездельничали, а дрова заготовливали в лесу.

– А вот тут что-то не ладится, – снова засумлевался Пантелей Исаевич. – Киргизы дрова в лесу не заготавливают, это мне доподлинно известно. Они зимой юрты свои всё больше кизьяками отапливают, а не утруждаются заготовками лесных дров.

– Ежели Ирек приказал заготовить дров в лесу, значит, посчитал, что кизьяков заготовили недостаточно и на зиму им не хватит, – высказал своё мнение Борис. – По мне, так пусть они хоть воду из реки в аул в ведрах носят, лишь бы их было не так много, когда мы заявимся в аул.

– Всё, готовимся, братья, – завершая разговор, объявил Гордей. – Ужо обговорено всё, решено и прочь сомнения. Ежели мы порешили довериться Нуйруз, значит, и быть посеми. Нынче пораньше дрыхнуть завалимся, а как только на небесах проклюнется заря, мы отправляемся в путь.

– В путь так в путь, – пожимая плечами, сказал Маркел. – А вот с одежкой мы так и не порешали. Ежели мы к киргизам явимся в том, в чём есть, то...

– Одежку я для вас соберу, не морочьтесь, – не дав ему договорить, перебил его Пантелей Исаевич. – Так выржаю, что ни один поганый кайсак не признает в вас казаков.

* * *

После пережитого сильнейшего потрясения Матвей стал неузнаваем, и его поведение менялось прямо на глазах. Он осунулся, щёки ввалились, глаза потускнели. Снизилась концентрация внимания, появилась физическая слабость, пропало желание что-то делать и появились проблемы с памятью. Его грызло обострившееся чувство вины, угнетала тревога. Пленник почти ничего не ел. Хотя он и не сошёл с ума, но депрессия и апатия надёжно укрепились у него внутри. Всё ему стало казаться бессмысленным и собственная жизнь в том числе. Своё будущее он видел исключительно в серых тонах. Сны снились о пережитом, и, проснувшись, он впадал в оцепенение. Он ужасно страдал от воспоминаний и изо всех сил пытался выбросить их из головы, но... с каждым днём ему становилось только хуже и хуже.

И вот неделю спустя Матвей очнулся после очередного кошмара и сел на нарах, протирая пальцами глаза.

Сидевший на корточках у печурки Иван Лоскутов обернулся, увидел его и покачал головой.

– Как ты, Матюха, очухался? – спросил он.

– Не знаю, – нехотя отозвался Матвей. – Башка трещит и в горле сохнет, а так...

Он махнул рукой и опустил голову.

Безнадёжность его позы, безразличие в глазах острой болью отозвались в сердце Лоскутова. Он выпрямился на ногах, отошёл от печурки и присел на нары рядом с Матвеем.

– Ты должен встряхнуться, – сказал он. – Вспомни, каким удалым казаком ты был, когда попал в плен к кайсакам. А что теперь, Ирек добился своего и сломал тебя?

Матвей промолчал и поморщился. Упрёк Лоскутова резанул как бритвой, по его сердцу, но ему нечего было что-то сказать в своё оправдание.

– Ты выйди на улицу и прогуляйся, – предложил Иван. – Сейчас в ауле всё тихо. Ирек куда-то уехал, киргизы говорят, что далеко и надолго. К его возвращению ты снова должен выглядеть бравым молодцом ему назло.

Матвей снова промолчал, не находя слов.

Лоскутов извлёк откуда-то осколок зеркала и передал его ему.

– На-ка вот, погляди на себя, – сказал он, и живое сострадание мелькнуло на его лице. – Может, ты, увидев своё мурло, встряхнёшься и станешь прежним?

Глядя на отражение, Матвей не мог не заметить, как изменилось и постарело его лицо. Под глазами легли тени, в усах и уже давно не чёсанной бороде появилась седина. Несмотря на душевное оцепенение, перемена в облике дошла до его сознания и встряхнула его.

– Прогуляться бы, – сказал Матвей. – На душе муторно, постыло, и жить, как живу, желанья нет. Наложил бы на себя руки, но не могу. Это страшный грех, не подлежащий прощению.

Лоскутов смотрел на него, морща лоб. Он не узнавал казака. Его поражала сосредоточенная грусть лица Матвея. Умудрённый опытом, рожденным собственными страданиями, он видел под маской равнодушия глубоко раненную душу, переполненную муками и страданиями.

– Выйди, прогуляйся, Матвей, – сказал он. – Не могу я тебя таким видеть. Подыши свежим воздухом и вспомни, кто ты есть. Ты же казак, Матвей, и, как я наслышан, твёрже камня, твёрже железа порода ваша!

– Наверное, ты прав, – вздохнул Матвей. – Пойду освежусь на морозце, пожалуй... Кто знает, может, и впрямь полегчает.

Он на корточках вышел из юрты, поднял вверх голову, закрыл глаза и втянул ноздрями свежий морозный воздух. Был серый пасмурный день, но Матвею показалось, что вокруг очень много света и простора. Но скоро апатия вновь вернулась к нему. Казак покрутил туда-сюда головой, обводя аул полным безразличия взглядом. Он был слаб, вымотан физически как человек, перенесший тяжёлую болезнь.

Потеряв интерес к прогулке, Матвей развернулся с намерением вернуться в юрту, и вдруг... откуда-то прилетевший камень ударил его в затылок. Он обернулся и увидел детвору. Несколько мальчиков и девочек стояли кучкой, и у каждого в руке был зажат крупный камень.

«Вот оно, – подумал Матвей озлобленно. – Даже кайсацкие детишки считают себя выше меня. А кто я в их глазах? Мерзкое жалкое существо, в которое позволительно швырнуть камень?»

Ещё один камень, брошенный мальчишкой, едва не угодил ему в лоб, и это ещё больше разозлило Матвея.

– Эй вы, мелюзга раскосая! – крикнул он, подбирая с земли увесистый булыжник. – Если ещё кто-то из вас посмеет бросить в меня камень, получит в ответ такой же! А я бросаю метко, никогда не промахиваюсь!

Поняли дети его словесную угрозу или нет, определить было невозможно. Киргизята едва ли владели русским языком. Но полный угрозы окрик Матвея и большой камень в его руке действовали на них впечатляюще. Детвора тут же разбежалась в разные стороны, а Матвей с чувством победителя вернулся обратно в юрту.

* * *

Рано утром, собираясь в дорогу, кубанцы оделись в собранную Пантелеем Исаевичем по посёлку одежду и не узнали себя.

– Ого! – восхищался Борис, рассматривая Гордея, Кузьму и Маркела. – Да вас и не узнать, братцы! Вы совсем на казаков не похожи, а на пластунов тем паче!

– А ты подойди вон к зеркалу и на себя глянь, – усмехнулся Гордей. – Ты сейчас на базарного торговца похож, коробейника. И шубейка, и шапка на башке... Всё чин чинарём, душа торговая.

– Ну, а ты краше всех выглядишь, – ухмыльнулся юноша. – Что ни на есть купчина! Только вот пузо бы побольше, да и морду пошире...

– Ладно, будя, все хороши и сами на себя не похожие, – буркнул недовольно Пантелей Исаевич. – В даль далёкую, на землю враждебную ехать собираетесь, а сами скалитесь, будто на прогулку праздную.

– А чего нам гореваться, – глядя на себя в большое зеркало, сказал Кузьма Ремнёв. – Для нас боевые вылазки дело знакомое и с праздниками сравнимое. Мы эдак живём и ко всему привычные.

– А кайсаки, по моему разумению, люди подлые и не столь в войне искусные, как народы горские, – добавил Маркел Баранов. – И мы сможем их урезонить. Для того у нас много способов всяческих про запас имеется.

Наспех перекусив, кубанцы расселись в две крытые повозки, по два человека в каждую и, прочтя охранительную молитву, выехали со двора.

– О Хосподи, пошли им помощь свою, ведь на благое дело едут, – прошептал Пантелей Исаевич, крестя вслед отъезжающие повозки. – Токо на них и на тебя, Хосподи, все надежды мои. Будь я помоложе, сам бы с ними поехал...

– Ничего, справятся они, папа, – сказала стоявшая рядом Мария. – Каждый из них не одного десятка кайсаков стоит. Пластуны – это не просто казаки. Это самые умелые, отважные и непобедимые воины.

Поджидавшую их Нуйруз казаки подобрали при выезде из села, у околицы. Её посадили в первую повозку к Борису и Гордею Бабенко.

– Ну, сказывай, ничего нового в голову не пришло? – поинтересовался Гордей, полуобернувшись. – Или как уговаривались, так и делаем?

– А чего забор городить, – вздохнула женщина. – Всё одно всего не предусмотреть.

– Это верно, – согласился, погоняя коня, Борис. – Начнём, как обмусолили, а там, как пойдёт.

– А там будем действовать, как Господь нам подскажет, – вздохнул Гордей. – А Царь Небесный нам худого не посоветует.

* * *

С самого утра, как только проснулся и открыл глаза, Садык почувствовал внутри себя ноющую, как зубная боль, смутную тревогу.

«О Всевышний, что это со мной? – подумал он, одеваясь. – Никогда я не чувствовал ничего подобного. А что может тревожить меня, когда в ауле всё спокойно?»

В ауле действительно было всё спокойно. Обычная размеренная жизнь, каждый занимался своим делом, никто не бездельничал. Садык почти всех мужчин отправил в лес на заготовку дров, как приказал Ирек, уезжая в Хиву. Для чего это нужно, он не поинтересовался. Бий не любил, когда ему задавали вопросы, особенно такие, какие он мог посчитать неуместными и глупыми.

«Наш народ всегда отапливал зимой юрты кизяками или кустарниками, – думал он. – Дрова, это, конечно, хорошо, но для чего их нам так много? Вполне обошлись бы кизяками. Пришлось всё мужское население аула за дровами отправить. Оставил только десять человек. Но их вполне хватит для охраны аула, тем более со всеми соседями мы сейчас в мире, а казаки не суются...»

Так размышлял Садык, успокаивая самого себя, но тревога не уходила. Она только росла и ширилась.

От обеда он отказался. Не было аппетита. Он выпил пару пиал чая, да и то с трудом, чтобы не урчал желудок. Желая отогнать угнетающую его тревогу, Садык решил подумать о чём-нибудь другом. О чём? О пленнице Ирека Тамаре, вот о ком! Мелькнувшая в голове блестящая мысль приподняла настроение, и на душе полегчало.

«Красивая она, очень красивая! – с восхищением подумал о девушке Садык, закрывая глаза и видя перед собой образ юной казачки. – Не зря брат похитил её, ох, не зря... А теперь она его наложница, и он...»

Представив, как Ирек насилует девушку и всячески издевается над ней, Садык поморщился.

«Нет, когда брат отдаст её мне, я не буду избивать эту красавицу, – подумал он и почувствовал, как тревога в душе затихает совсем, выдавливаемая благодными мечтами. – Вот только отдаст ли мне её Ирек? Он мне не обещал, а сказал, что подумает. Хотя он и сказал, что она начинает ему надоедать, но... вряд ли Ирек откажется от такого лакомого кусочка...»

От такого «откровения» настроение снова испортилось. Садык поморщился, и... его взгляд невольно остановился на кинжале, который лежал на нарах в кожаных ножнах.

«А не убить ли мне его?» – мелькнула в голове ужасная мысль, и кайсак содрогнулся от её возникновения.

О том, чтобы убить своего двоюродного, очень влиятельного брата, он никогда раньше не помышлял и не думал. Они росли вместе, Ирек, он и Касымхан, но... Садык и Касымхан были двоюродными братьями Ирека, в то время как тот был сыном бия. В то время Ирек тоже не помышлял возглавить род после смерти отца. У него был старший, родной брат, наследник всего. Но случилось так, что он погиб и наследником стал Ирек. А если он умрёт, то наследником станет Садык, так как Касымхана, который смог бы поспорить с ним за права главы рода, тоже в живых нету.

«В случае смерти Ирека только я возглавлю род, – затрепетал Садык от возбуждения. – У него нет сыновей, и мне быть бием, так как больше некому. А там не только девушка будет моя, но и всё то, чем сейчас владеет Ирек. А он богат... богат несметно!»

Мысль об убийстве Ирека и перспектива возглавить род оказалась настолько въедливой, что засела в голове Садыка острой занозой. Он сделал несколько неудачных попыток вытеснить её из головы, но... она всё глубже и глубже вгрызалась в мозг.

«А что, убить Ирека большого труда не составит, – думал кайсак, даже не заметив, как вспотела спина и увлажнился лоб. – Надо только придумать, как это сделать. Зарубить не получится. Ирек очень силен, ловок и вперёд зарубит меня. Застрелить? Тоже чревато. Если в ауле узнают, что я убил брата, тем более главу рода, то меня казнят и не помогут никакие оправдания. А может быть, его...»

Ещё одна удачная мысль внезапно пришла в голову и взбудоражила его.

«Пленный казак! – подумал он. – Матвей явно ненавидит Ирека за издевательства, которые брат чинит над ним. Да ещё он сестру казака похитил, насилует и совсем недавно насилывал её больную, приказав привязать Матвея к столбу за юртой. Слаб он ещё, очень слаб, а это плохо и никуда не годится. Надо поспособствовать, чтобы он побыстрее восстановился, а потом...»

Поток будораживших его мыслей вдруг прервал лай собак на улице. Затем послышались звуки бубенцов и...

Полог, закрывавший вход, откинулся в сторону, и в юрту вошёл кайсак с вытянувшимся лицом и широко раскрытыми глазами.

– Там какие-то люди на двух крытых повозках приехали в аул, – сказал он. – Не знаю кто, но на купцов очень похоже.

– Что? – опешил Садык. – К нам в аул в такую пору приехали купцы?

– А может, и не купцы, это я так про них подумал, – пожал плечами кайсак.

– А ну, идём поглядим, – сказал Садык, надевая тёплый широкий халат – кементай. – Собери всех воинов, кто в ауле. Мы должны встретить «гостей» во всеоружии, с оказанием «почестей».

Как и говорила Нуйруз, кубанские казаки, преобразившись в купцов, ехали по степи к аулу три дня и две ночи. В пути они делали короткие остановки для перекуса и отдыха с кормёжкой лошадей, а затем снова ехали вперёд по бездорожью в направлении, которое указывала

женщина. Ночами они делали более длительные остановки, ставили небольшую, но вместительную юрту, разводили в ней очаг и дремали, прислонясь друг к другу. И вот, когда третий день заканчивался и время близилось к вечеру, вдалеке показались юрты аула.

– Тпру-у-у, – потянул за вожжи Борис, останавливая коня и глядя на Гордея. – Ну вот, кажись, добрались. Как дальше поступим? На всём скаку в логово киргизов заедем или степенно вползём, как поступают торговые люди?

– Забудь на время, что ты казак, – сказал Бабенко. – Ты сейчас ездовой купца, то есть меня, и приехали мы по делам выкупным и торговым.

Сидевшая в повозке Нуйруз откинула полог.

– Ну, чего остановились? – спросила она взволнованно. – Надо ехать, а не стоять. Нас уже заметили, и эта остановка может вызвать любопытство и настороженность.

– Она права, – согласился Гордей. – Давай погоняй, Борис. Подозрения врагов не принесут нашей затее пользы.

Юноша подстегнул коня. Подаренный стариком Чернобровиным рысак, побрякивая бубенцами, рванул с места и пошёл во весь опор, держа голову в овале дуги, не шелохнув ею, точно она была влита.

– Хорош коняга, – вздохнул Гордей. – Ты опосля не порть его, впрягая в повозки, Боря. Он сто сот стоит и рождён под седлом ходить, а не таскать за собой сани и телеги.

Жеребец вынес их на изволок, идя чётко, не тряхнув головой, так же, как и в степи, только чуть всхрапывая.

– Красавец, а не конь, – продолжил восхищаться Гордей, не думая о подстерегающей впереди опасности. – Повезло тебе, Борис, очень повезло. Я бы за такого коня ничего бы не пожалел. Отдал бы всё, что имею у себя дома.

Аул расположился на берегу небольшой степной реки. Юрты казались издали незатейливыми холмиками. Кубанские казаки не раз видели аулы горцев, и ни разу им не приходило на ум такое сравнение, какое пришло теперь.

Въезжая в аул, юноша покосился на Гордея:

– Куда править-то?

– В серёдку, – ответил Бабенко. – Видишь самый большой «шалаш»?

– Вижу, – кивнул Борис.

– Вот к нему и правь.

Борис ловко подвёл коня к юрте и остановил его, натянув вожжи. Вторая повозка проделала тот же самый манёвр и остановилась рядом. Из юрт высыпали кайсачки и остановились вдалеке, не решаясь приблизиться. Из юрты, у которой остановились казаки, вышел богато одетый кайсак и остановился, разглядывая гостей.

– Я приказчик купца первой гильдии Метельникова Калистрата Анисимовича, – представился Гордей, сходя с повозки. – Вот приехал отдать деньги, которые задолжал Калистрат Анисимович, и забрать нашего Ивана Лоскутова.

Брови Садыка взметнулись вверх. Уж чего-чего, но он никак не ожидал, что за пленником Лоскутовым кто-то приедет. Год провёл он у них в ауле неизвестно в каком качестве, а тут на тебе, за ним приехали и даже привезли деньги в качестве выкупа.

– Хорошо, прошу в юрту, – сказал Садык, лихорадочно соображая, что делать. Ирека в ауле не было, и дела с приехавшими гостями приходилось решать ему самому. И он был в затруднении, не зная, что делать, и боясь ошибиться, принимая решение.

Он вошёл в юрту, а Гордей и Борис за ним следом.

– Присаживайтесь, – указал на скамью Садык, а сам расположился на нарах.

Артём и Борис сели на скамью и расстегнули пуговицы на полушубках.

– Жарко тут у вас, – сказал Гордей. – А мы крепко замёрзли, покуда разыскивали аул ваш.

– Я Садык, брат Ирека, – представился кайсак, коснувшись груди ладонью и чуть подавшись вперёд, посмотрел на Бабенко. – Ты приказчик купца Метельникова, а с тобой кто?

– Я Фролов Матвей, – представился вымышленными именем и фамилией Гордей. – А со мной возница, Семён Гуреев.

– Хорошо, – кивнул Садык, голова которого, наконец-то, стала работать в нужном направлении. – Я правильно понял, вы привезли деньги за шкуры, которые увёз купец Метельников, но не выкупил. А вы теперь собираетесь произвести полный расчёт и забрать заложника?

– Да, это мы и собираемся сделать, – кивнул Гордей утвердительно. – Но-о-о... мы собираемся купить у вас ещё овечьих шкур, все, что имеются в наличии.

– Ого? – брови кайсака поползли вверх. – И у вас имеется при себе так много денег?

– Имеются, не сомневайся, – ухмыльнулся Гордей. – Но, если шкур у вас нету, прямо из аула мы поедем договариваться о закупке к вашим соседям.

– Но-о-о... как вы собираетесь увезти с собой много шкур? – сузил глаза Садык. – Их у нас столько, что едва ли уместятся в ваших повозках.

– Не уместятся, так мы у вас ещё одну купим, – заинтриговал его Гордей. – Так что давай договариваться, и мы поедем.

Не обладавший острым умом и гибкой смекалкой, Садык пришёл в замешательство. Он был в растерянности и не знал, что делать.

– Хорошо, – сказал кайсак после некоторого раздумья. – Сейчас уже вечер и темнеет на глазах. Я предлагаю вам переночевать, а утром мы вернёмся к нашему разговору.

Бабенко и Борис переглянулись.

– А что, – сказал Гордей, – можно и переночевать в тёплой юрте. Ну а завтра, прямо с утра, произведём расчёт, забираем Лоскутова и...

Внутри Садыка снова шевельнулось смутное беспокойство, но он быстро обуздал его.

– А вы как нашли путь к нашему аулу? – спросил он. – Мы сюда ни торговцев, ни купцов не приводим. Шкуры мы продаём на базарах и сами ездим туда со своим товаром.

– Да мы, собственно, и не поехали бы к вам за сотни вёрст киселя хлебать, – быстро нашёлся с ответом Гордей. – За шкурами мы могли куда и поближе поехать. А к вам нас купец послал. Большой частью, чтобы Лоскутова выкупить и при случае шкуры прикупить.

– А что же вы раньше Ивана своего не выкупали? – недоверчиво покачал головой Садык. – Он целый год у нас провёл, а вы и не шевелились.

– Стыдно признаться, но не было денег, – ответил на ожидаемый вопрос заранее подготовленным ответом Гордей. – А теперь хозяин наш кожевыделочное предприятие основал. Деньги рекой потекли в его карман, вот он и вспомнил о Лоскутове. А к вам нам дорогу люди указали. Не за бесплатно, конечно, но... мы не заплутали.

– А деньги? Покажите мне деньги! – поморщился Садык. – Хочу их увидеть и достоверно знать, что вы не запросто так языками молоть к нам заехали.

– Хорошо, я покажу тебе деньги, а ты покажи мне Лоскутова, – осклабился Гордей. – Я тоже хочу знать достоверно, что он жив и мы не зря за ним в такую даль приехали.

Садык кликнул стоявшего у входа кайсака. Когда тот заглянул в юрту, он распорядился:

– Приведи ко мне пленника Лоскутова, Рахим.

– Ступай и принеси деньги, – посмотрев на Бориса и едва заметно ему подмигнув, распорядился Бабенко. – Неси всю сумку сюда, пускай при нас будет.

* * *

В то время, когда кубанцы, обрядившись купцами, въезжали в аул, привлечённый лаем собак Иван Лоскутов осторожно выглянул из юрты. Кайсак-охранник, стоявший у входа, насто-

роженно наблюдал за чужими повозками. Он так увлёкся их созерцанием, что не обратил на него внимания. Лоскутов пронаблюдал, как повозки подъехали к большой юрте и приехавшие в одной из них люди вошли в неё. Тогда он отошёл от входа, присел на скамейку и, чтобы не отвлекаться, зажмурился. С улицы слышались выкрики на киргизском языке, и Иван внимательно к ним прислушался.

– Эй, Иван, чего там лают эти бешеные собаки? – имея в виду кайсаков, спросил Матвей, покосившись на Лоскутова.

– Они спрашивают друг у друга, кто в аул приехал, – ответил тот, продолжая напрягать слух.

– Слушай, а не за тобой ли это приехали? – спросил Матвей, встрепенувшись от неожиданно пришедшей в голову мысли. – А может, купец, которому ты служил, засовестился, вспомнил о тебе и решил выкупить?

– Скорее завтра пурга поднимется и сровняет аул, чем Калистрат Анисимович вспомнит обо мне, – с горечью ухмыльнулся Лоскутов. – Я полагаю, что кто бы там ни появился, приехали они не по наши души.

– А меня интерес забирает, кто они есть, кто в аул пожаловал, – вздохнул Матвей. – Хотя... кого путного может принести в этот ад с благими намерениями.

Пленники ещё какое-то время поговорили о том о сём, и вдруг... полог юрты откинулся. Вошёл вооружённый пикой кайсак и указал рукой на напрягшегося Лоскутова.

– Эй ты, живо на выход, – сказал он и покосился на застывшего в выжидательной позе Матвея. – А ты оставайся здесь и не высовывайся. Увижу на улице, шкуру спущу.

* * *

Борис вернулся в юрту чуть раньше, чем привели Ивана Лоскутова. Он сел рядом с Бабенко на скамью и положил на колени пухлую кожаную сумку.

Садык уставился на неё алчными глазами и, с трудом проглотив заполнившую рот вязкую слюну, хриплым от охватившего его волнения голосом поинтересовался:

– Что там? Деньги? А сколько их, покажи.

– Достаточно, – ответил Бабенко, забирая у Бориса сумку. – Сначала Лоскутова мне покажи, а потом о деньгах разговаривать будем.

Откинулся полог, и в юрту вошёл Иван. Он едва держался на ногах, был бледен и...

– Это кто? Тот, за кем мы приехали? – вскинул брови Гордей и посмотрел на Садыка. – Ты утверждаешь, что этот человек именно тот, за кого мы должны заплатить выкуп?

Пришла очередь удивляться Садыку.

– А вы что, не знаете того, за кем приехали? – озадаченно спросил он.

– Нет, не знаем, – пожал плечами Гордей. – Мне хозяин дал деньги, велел ехать к вам, выкупить Ивана Лоскутова и привезти его в Оренбург. А как он выглядит, Калистрат Анисимович не сказал.

– Но-о-о... это он и есть, – поморщился Садык. – Я это точно знаю.

– Да, это я, Иван Лоскутов, – подтвердил его слова пленник. – Но-о-о... а вы-то сами кто будете? Я вас знать не знаю и не видел никогда.

– А не могёшь ты нас знать, – ухмыльнулся Гордей. – Мы позже наняты, покуда ты здесь околачивался. А я вот сейчас заместо тебя усердствую. И сейчас вот Калистрат Анисимович за тобой меня послал.

– И что, я могу считать себя свободным? – прошептал Лоскутов. – Или это какая-то нелепая шутка?

– Ты будешь свободен, когда я получу за тебя деньги, – морща лоб, сказал Садык.

– Что ж, тогда получи их, – улыбнулся Бабенко, раскрывая сумку. – Хотя... давайте всё обстригаем утром, – сказал он, снова закрывая сумку. – Вечером дела не делаются.

Борис украдкой наблюдал за Садыком и видел, как у того заблестели глаза, когда Гордей открыл сумку. А ещё он заметил, как потух взгляд кайсак и вытянулось лицо, когда сумку закрыли, так и не показав деньги.

– Нет, такого уговора не было, – запротестовал кайсак. – Я показал вам Ивана, как вы просили, но не вижу денег, которые вы обещали показать!

– Здесь они, в сумке, – подогревая алчность киргиза, провёл по ней ладонью Гордей. – Но покажу я их тебе завтра. А ночью я подумаю, как быть. Я не знаю этого жалкого калеку, которого ты мне показываешь. Купец, отправляя меня за своим бывшим приказчиком, сказал, что он молод и полон сил, а этот...

– Ты что, не собираешься его выкупать? – нахмурился Садык.

– Пока не знаю, – пожимая плечами, ответил Гордей. – Я должен хорошо подумать, чтобы не попасть впросак. Купец не поймёт меня, если я привезу ему не Лоскутова, а кота в мешке. А сейчас... было бы неплохо хорошо поужинать и поспать в тепле. А утром... Не зря существует такая присказка – утро вечера мудренее.

Садык слушал гостя с пасмурным лицом. Ему не нравилось, что купеческий приказчик ведёт себя крайне независимо.

– Хорошо, я сейчас распоряжусь принести ужин, – сказал он. – Сколько вас приехало, четверо?

– Да, – ответил Гордей.

– Хорошо, я распоряжусь принести ужин на четверых, – кивнул Садык, направляясь к выходу.

Он вышел из юрты, а казаки быстро переглянулись.

– Сдаётся мне, он попался на наш крючок, – сказал шёпотом Гордей. – Теперь будем дожидаться ночи. Этот кайсак, чтобы заполучить наши деньги, что-то задумал.

– Он попытается нас отравить или усыпить, – хмыкнул Борис. – Думаю, усыпить и ограбить. А четверо рабов, каковых он замышляет из нас сделать, тоже принесли бы немало денег в его «копилку».

* * *

В то время, пока казаки беседовали в юрте с Садыком, Нуйруз осторожно выбралась из повозки и осмотрелась. Никого, кроме Кузьмы и Маркела, рядом не было. Тогда она, пользуясь наступившими сумерками, прокралась за аул до стоявшей на отшибе юрты юродивой Айганши и вошла в неё.

Сидевшая у печурки женщина обернулась.

– А-а-а, это ты, – сказала она. – Проходи, садись на нары и рассказывай, почему ты здесь, а не в Шишме?

– Была я в Шишме, погостила немного, да вот решила помочь казакам Матвея и Тамару спасти, – проходя к нарам и присаживаясь на них, сказала Нуйруз.

Старуха с недоумением посмотрела на неё.

– А чего тебе они сдались, скажи на милость? – спросила она. – Они тебе кто? Почему ты печёшься о них? Ты о сыне своём думай и об его будущем, а не о тех, кого спасти собралась и до кого, кроме тебя, больше ни у кого нет дела.

– Виновата я перед ними, особенно перед девушкой, – вздохнула Нуйруз. – Меня ведь, как и её, когда-то украли. Только вот мне посчастливилось, и я стала любимой женщиной бия Саида, а Тамара... несчастная жертва этого зверя Ирека, который её насилует и всячески издевается над ней.

– Ну, не повезло ей, а ты чего сожалеешь? – пожала плечами юродивая. – Она рабыня, и доля её такая. А тебя принудили в похищении её участвовать, так что не казни себя и уймись.

– Да, я вынуждена была помочь Иреку похитить девушку, – поморщилась Нуйруз. – Но её брат Матвей, захватив меня, не причинил мне никакого вреда, а казаки жёлтинские потом отпустили. И тех, кого захватили со мной, тоже отпустили.

– И что? – с недоумением посмотрела на неё Айганша. – Если даже казаки лучше кайсаков, тебе-то какой с того прок. Отпустили тебя, не казнили, вот и радуйся.

– Я радуюсь, но и девушку с её братом хочу спасти от Ирека, – сказала Нуйруз. – Я Матвею обещанье дала выручить его, вот и делаю что могу. А девушка...

– Не думай о ней, не жалец она, – вздохнула юродивая. – Я ей отвар дала, чтобы ублюдка, от Ирека зачатого, из себя выбросить, а она... И ублюдок в утробе сохранился, и сама вот-вот к Всевышнему отправится. Ни живая, ни мёртвая она сейчас, так вот.

Айганша развела руками и тоже вздохнула.

Они помолчали. Но молчание длилось недолго. Первой заговорила юродивая.

– Видела, как в аул две повозки приехали, – сказала она, посмотрев на Нуйруз. – Ты с ними, не пешком же пришла?

– Да, с ними, – нехотя ответила женщина.

– А чьи повозки-то? – снова любопытствовала юродивая. – Я слышала, как кайсачки кричали, что пожаловали купцы.

Нуйруз помялась прежде, чем ответить на её вопрос. Но, посчитав, что Айганша всё равно никому ничего не скажет, призналась:

– Это казаки приехали Матвея и Тамару выручать.

– Чего-о-о? – не поверила ей юродивая. – Ты привела в аул казаков? Но почему они приехали только на двух телегах? Если бы сотней прискакали, так был бы толк, а так... На что приехавшие надеются?

– Четверо их, но это очень умелые воины, – сказала Нуйруз. – Я не видела, каковы они в схватках, но то, что вчетвером ехать на выручку решились, очень о многом говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.